

СМЕНА

февраль 2005

140 Бомбаж — это не тот бомбаж!

26 Рыцаря встречают по одежке

36 Авантюрное наследство 158 Месть всегда сладка

Ангкор

стр. 4-9

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года

главный редактор

Михаил Кизилев

зам. главного редактора

Тамара Чичина

Над номером работали:

Художник Александр Ким
Вартамян Галина
Исмагилова Олеся
Калинина Людмила
Молчанова Надежда
Подорванова Светлана
Силанова Марина
Фоминова Светлана

2
2005
февраль (1684)

Сдано в набор 15.12.2004.
Подписано к печати 21.01.2005.
Печать офсетная.
Заказ № 10443
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная.

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег.№ 014832.

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ".

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2005.

февраль 2005

наследие веков

Игорь Опарин

4 Анкор

Ирина Опимах

10 Маттиас

Грюневальд

издалека

Любовь Русева

26 Встретили

по одежке

детектив

Ханс Груль

36 Вестники смерти

рассказ

Владимир Бочаров

116 Исход

▼ стр. 184

стр. 26 ►

стр. 158 ►

стр. 10 ►

криминал

Анастасия Климская

126 "Мотылек"

зарубежный рассказ

Мюриэль Спарк

130 Темные очки

← стр. 140

▼ стр. 180

молодой бульвар

Татьяна Полева

140 Не так страшен
бомбаж, как его
брашинг

Алла Пустынова

144 Головоломка +
красота

Александра Зотова

147 Брачная эйфория

Екатерина Постникова

152 Детство за Родину

Стрелы Амура

158 "Мстите, ибо месть
сладка!"

Павел Ганин

162 Покупаем друга

Просто Мир

167 Особенности
электронного аквариума

Нирилл Подольяк

170 Смертельная
музыка

Ник Сигарищенко

174 Телеоборзение

Полина Теслер

176 Хип-хоп в разрезе

Максим Башкеев

180 Мчатся, мчатся с
горки сани!..

Евгения Гордиенко

184 Что любит
валенсиец?

Владимир Шаров

ХОЧУ МАНЬЯКА...

Еще одна чисто "милицейская" повесть, но вы, дорогие читатели, не раз улыбнетесь, читая о нелегкой работе очередного отдела милиции и его сотрудника капитана Кравцова. В далеком сибирском городе начали происходить невероятные события — "на тропу войны" вышел маньяк-убийца, безжалостно расправляющийся с молодыми девушками, в основном с блондинками.

март '2005

АНОНС: 3

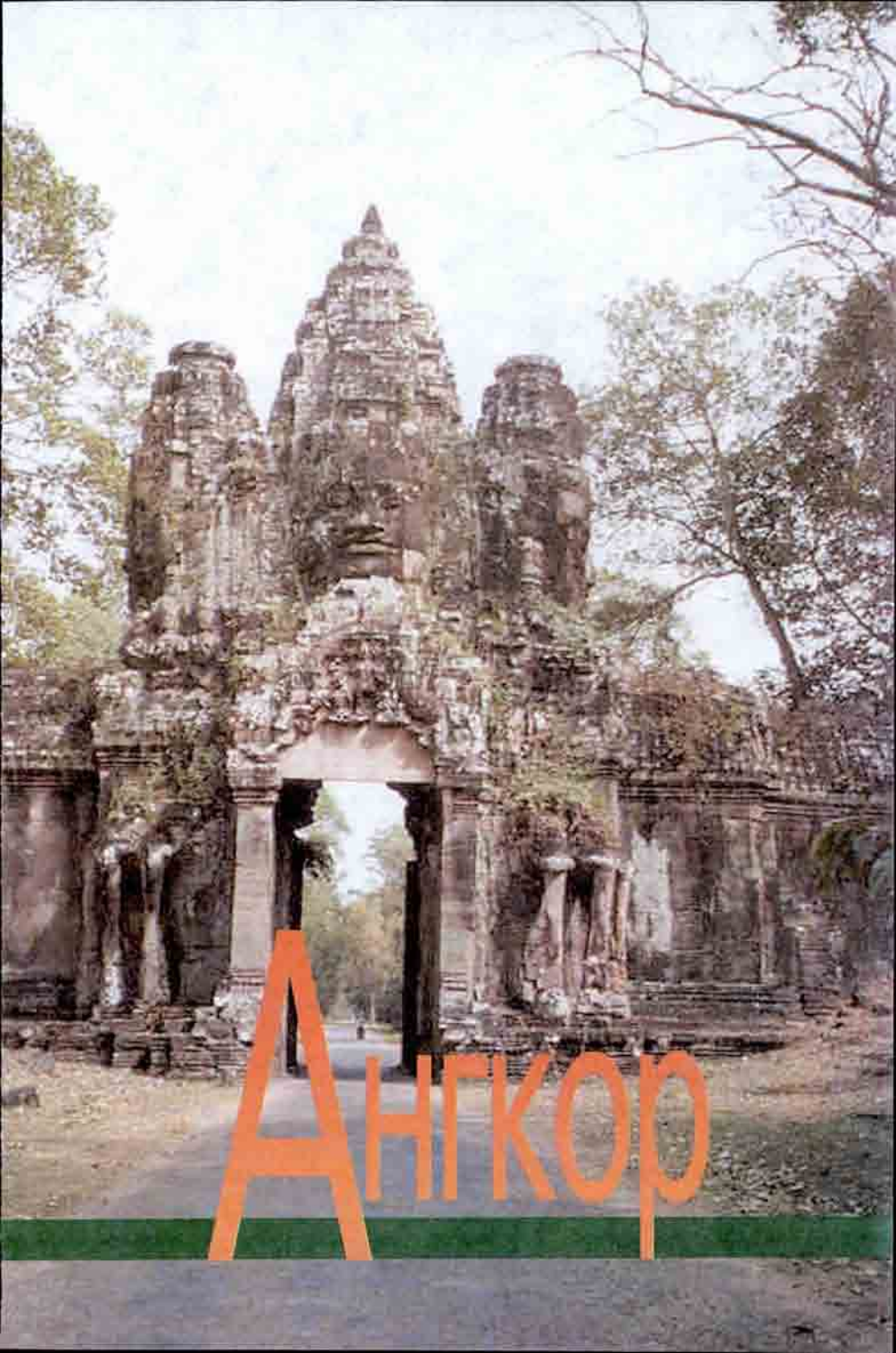

Ангкор —

так называлась самая громкая сенсация в археологии на рубеже XIX-XX веков, открытие в кампучийских джунглях комплекса храмов и дворцов поразительной красоты и ошеломляющих размеров. Эти величественные строения вызвали огромный интерес у широкой публики — недаром павильон кхмерского искусства на Всемирной парижской выставке привлекал сотни тысяч посетителей. А ведь совсем недавно никто, даже самые крупные специалисты по истории и культуре Юго-Восточной Азии, и не догадывался о существовании этого города, созданного могущественными властителями средневековой Камбоджи...

В 1851 году в Камбоджу приехал французский миссионер Шарль Эмиль Буйво. Благородная цель двигала почтенным клириком — нести слово Божье отсталым и невежественным аборигенам. И вот однажды, прорубая в джунглях дорогу к очередному селению, он наткнулся на руины древнего города. Позже он писал: "Я обнаружил величественные развалины — все, что осталось от царского дворца. На стенах, покрытых резьбой снизу доверху, я увидел изображения батальных сцен. В сражениях участвовали люди на слонах, одни воины были вооружены дубинками и копьями, другие стреляли из луков сразу тремя стрелами".

Десять лет спустя, в 1861 году в Камбоджу приехал французский натуралист Анри Муо. Не раз слышал он от местных жителей рассказы о "затерянном городе", о джунглях, поглотивших дворцы и храмы. Скептик и реалист, Муо не стал бы обращать внимания на эти легенды, но снова и снова рассказывали ему кхмеры истории о забытом городе, а часто они даже четко указывали его местонахождение. И вот однажды — то был знак судьбы! — встретился ему на дорогах Камбоджи священник Буйво, который с восторгом поведал соотечественнику о том, что он своими глазами видел это чудо — огромные храмы, стены с резьбой, мастерски выполненной по камню, воины, верхом на слонах... Тут выдержка отказала Муо — а вдруг и правда старый миссионер не врет? А вдруг в джунглях действительно что-то есть? И он, сделав открытие, прославит свое имя? Буйво согласился сопровождать Муо к затерянному в джунглях городу. После довольно долгого и нелегкого путешествия — по реке на лодке, затем через лесные заросли — Муо, раздвинув кусты, замер от удивления: он увидел то, что мы теперь знаем как Ангкор. Это было поразительное зрелище: гигантские храмы устремились в небо, их башни поражали благородством форм, обширные

АНГКОР

террасы украшали искусные барельефы, а в нишах стояли статуи очаровательных танцовщиц. И всюду — птицы и летучие мыши...

Муо не удалось увидеть и десятой части города — оказалось, ходить по его улицам невозможно. Но и та малая доля, что он увидел, потрясла его до глубины души: это было не похоже ни на что, что уже существовало и известно в мире.

“Памятник огромен по размерам и, я полагаю, он является образцом самого высокого строительного мастерства — даже в сравнении с уже известными памятниками, сохранившимися с древнейших времен”. “Кто построил этот город, почему люди оставили его?” — спрашивал он местных крестьян — вдруг в народной памяти остались какие-то сведения о его создателях. Но полученные ответы Муо не удовлетворяли — одни говорили, что это дело рук богов, другие — неких гигантов, в давние времена живших в этих местах, а некоторые полагали, что город возник

сам, поскольку построить такое не под силу ни людям, ни богам. Тайна Ангкора заворожала француза, он мог думать только о неведомых мастерах, создавших это чудо в джунглях. “Я никогда не чувствовал себя таким счастливым, как сейчас, в этих тропиках. Даже если бы я знал, что мне придется умереть, я бы ни за что не променял эту жизнь на все удобства цивилизации”. Ученый словно предчувствовал, что жить ему оставалось совсем немного — спустя несколько месяцев Муо заболел малярией и умер после двадцати дней тяжелых страданий. А его имя навсегда осталось в истории...

Шли годы. В джунгли Камбоджи пришли археологи, и постепенно история Ангкора стала оживать. Особенно помогали высеченные на камнях надписи, сделанные на хмерском языке и на санскрите. И теперь мы знаем имена правителей Ангкора, знаем, когда они правили и с кем воевали, во что верили их подданные и даже как они одевались.

В 802 году престол в независимом маленьком княжестве Индрапуру попал в руки кхмерского князя. Принц, став властителем, принял имя Джаяварман II. Решив, что государство не соответствует его статусу, он принялся завоевывать окрестные земли, а потом основал новую столицу — примерно в пятидесяти километрах от того места, где потом вырос Ангкор. Но и этот город ему вскоре надоел, он переехал в другой, а потом вообще провозгласил себя богом и поселился на вершине горы Пхпом-Кулен.

Один из его наследников, Япповарман I, оказался мудрым и прозорливым правителем. Поняв, что для укрепления власти необходима поддержка если не богов, то по крайней мере жрецов, он принялся основывать монастыри и строить храмы, а потом и новую столицу, названную Япподхарапура, теперь известную как Ангкор.

Подданные Япповармана, трудолюбивые и умелые кхмеры, вырыли каналы и водохранилища, проложили дороги, возвели дома горожан и дворцы знати, а в самом высоком месте на холме построили храм Пхном Бакхенг. После смерти Япповармана страну захлестнула волна междоусобиц. Претенденты на престол принялись строить свои собственные столицы, а Ангкор (по-кхмерски — город) между тем пребывал в за-

пустении. Так продолжалось долго, до тех пор, пока корона не попала в руки Сурьявармана II. Случилось это в 1113 году. Как гласит надпись на одной из стен города, "восстановил он священный город Япподхарапуру и заставил его блистать несравненной красотой, построив дома, украшенные сверкающим золотом, дворцы, мерцающие драгоценными камнями..." Престол получить новому правителю было непросто — у него оказались сильные противники. Но он всех победил и в благодарность богам сделал щедрые пожертвования жрецам — "опахала, подушки, украшения, утварь, земли, рабов и

скот" — все в одном ряду фигурируют в надписи на одной из ангорских стен. Затем новый царь, как и полагается каждому уважающему себя правителю, отправился завоевывать новые территории. Но тут удача ему изменила — во Вьетнаме он потерпел оглушительное поражение. Что же делать — пришлось обратить внимание на дела внутренние и заняться укреплением собственной власти — власти бога-царя. И Сурьяварман строит Ангкор-Ват — самое крупное религиозное сооружение в мире. Действительно, храм больше любого европейского собора, любой мечети, и построен он на века! Это святилище высотой в 45 метров стоит на тринадцатиметровой платформе, под которой — еще одна платформа площадью в гектар и с четырьмя башнями по углам, соединенными галереями между собой и центральным храмом. Все это монументальное сооружение окружает два ряда стен с воротами, башенками и лестницами. Общая площадь Ангкор-Бата — квадратный километр!

Ничего похожего на башни храма — их пять — в мировой архитектуре нет. Напоминающие початки кукурузы, они раньше были покрыты золотом и сверкали на солнце: одна в центре и четыре по краям крыши. Высота центральной башни — 42 метра (а над землей она возвышается на 65 метров!). Эта башня символизирует мифическую гору Меру, которая, как верили индуисты, является центром мира. Двухметровые барельефы террас расписаны разными красками, а галереи второго уровня украшены статуями танцующих девушек, очаровательных, с весьма соблазнительными формами. Всего их около двух тысяч! Хватало на всех... Вокруг Ангкор-Бата вырыли глубокий ров, заполнили его водой, и волшебный храм, чудо, созданное человеческими руками, отражался в его водах.

(Кстати, во рву разводили крокодилов — еще одна защита от непрошенных гостей.)

Путь к храму был неблизкий. Надо пересечь ров, пройти внешний двор, а потом долго подниматься по широкой лестнице. По мере приближения человек все острее ощущал свою малость и грандиозность храма, свою ничтожность и величие бога-императора. Понятно, что Ангкор-Бат производил на верующих огромное впечатление. Даже если и не веришь в богов, тут обязательно уверуешь — ведь человек, столь малый и слабый, без помощи Высших сил создать такое чудо просто не в состоянии! К сожалению, в истории не осталось имен поистине гениальных архитекторов и строителей храма — только имя царя, который с их помощью утверждал свое могущество и прославился навеки...

Внутри храма Сурьяварман велел установить статую бога Вишну, при этом лицо бога очень похоже на лицо Сурьявармана — и это не случайно: цари кхмеров считали себя земным воплощением бога. А на барельефах неизвестные художники изобразили сцены из мифологии и из жизни царя — все рядом, ведь божественные деяния почти царские, а царские свершения — почти божественные. Тут и эпизоды батальные, и картинки заседаний министров, и сам царь, восседающий на троне. Все получается у царя блестяще — он и танцует, и поет, и мыслит, и воюет лучше всех. Кхмерские мастера изо всех сил восхваляют своего властителя, словно стараются заставить его подданных забыть о его действительных неудачах на поле брани.

(Ангкор-Бат сохранился намного лучше, чем другие сооружения города, поскольку даже после того, как город умер, в храме жили буддийские монахи. Живут они тут и сейчас.) После смерти Сурьявармана враги кхмеров тьмы захватили его страну — это оказалось несложно: истощенное после грандиозного строительства государство не смогло оказать достойного сопротивления.

Но тут кхмеры, побежденные, но не покоренные, объединились вокруг

Джаявармана VII, в свое время уехавшего из страны, но в трудную минуту вернувшегося к своему народу. Он нашел остатки армии своего предшественника, прятавшиеся в горах, создал крестьянское ополчение и выступил против захватчиков. В 1181 году он потопил их флот, убил царя и, одержав полную и безоговорочную победу, короновался. Став правителем, он укрепляет границы страны, строит новые водохранилища и каналы, больницы и приюты, а потом восстанавливает Ангкор и возводит вокруг него могучие стены. Ангкор превращается в Ангкор-Том — укрепленный город.

Он, этот город в джунглях, столица Джаявармана VII, значительно больше любого европейского города того времени. В его центре вырос по велению могущественного властителя новый храм — Байон, высотой 45 метров, пятьдесят две грандиозных башни, на каждой — огромные, высотой до 2.4 метров, изображения лица боддhisатвы Лоешвары. Двести лиц с улыбкой взирают на город, и все они, как утверждают древние предания, — лица последнего великого правителя Ангкора Джаявармана.

Жизнь в городе бурлила. Плодородная почва давала три урожая риса в год, в озерах водилась рыба, древесина для настила полов в храмах и дворцах была в изобилии — город окружали мощные леса. Здесь строили библиотеки и театры, бассейны и арены, рынки и прекрасные площади. Это была настоящая столица большой империи.

Джаяварман прожил очень долго и скончался в девяносто лет. Он оставил своим наследникам великую империю, но каждый из них вносил свою лепту в ее распад. В 1431 году сиамцы разграбили город, и последние жители покинули его.

Почему умер прежде процветавший город? Существует теория, объясняющая это так: Джаяварман вместо индуизма заставил своих подданных исповедовать одно из течений буддизма,

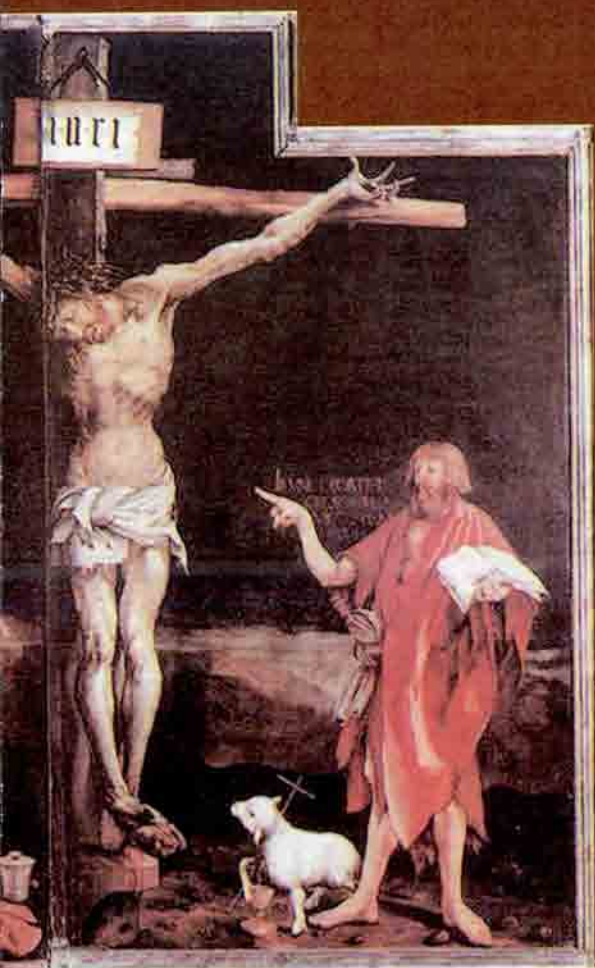
отрицающее насилие и провозглашавшее пацифизм, поэтому сиамцы так легко разгромили Ангкор. Есть и другое объяснение, гораздо более романтичное: однажды сын одного из жрецов оскорбил кхмерского императора, и разгневанный правитель приказал утопить юношу в водах озера Тонлемап. В ответ грозный бог затопил Ангкор водами озера. Так или иначе, но теперь в городе властвовали джунгли, которые постепенно завоевывали все новые и новые площади и улицы, в конце концов полностью поглотив его.

Шли века, в памяти народа стерлись имена былых правителей кхмерской империи, и пришло время, когда жители окрестных деревень, полностью забыв о великом прошлом Ангкора, стали верить, что построили его, конечно же, боги или, на худой конец, он создал себя сам — ведь человек не способен на такие грандиозные свершения.

В 1907 году район Ангкора (до того находившийся под властью Сиам, ныне Таиланда) был возвращен Камбодже. Тогда там и начались первые археологические работы, продолжавшиеся до 1960-х годов. В 1970 году в Камбодже произошел военный переворот, а потом разразилась гражданская война, продолжавшаяся почти двадцать лет и принесшая много горя народу Кампучии. Война нанесла большой вред и Ангкору. Трудно себе представить такое надругательство над великим памятником, но в 1980-х годах в развалинах храмов находилась главная партизанская база красных кхмеров! Но, к счастью, в Кампучии настали мирные времена, и в 1992 году Ангкор взял под охрану ЮНЕСКО. И теперь его древние улицы заполняют шумные толпы туристов из всех стран мира. Они с восторгом осматривают этот невероятный памятник мастерства и трудолюбия кхмерских строителей и художников, сумевших победить всех врагов своего народа, сумевших победить джунгли, время и забвение.

Маттиас ГРЮНЕВАЛЬД

Изенгеймский алтарь. 1315.

Этот великий немецкий художник, создавший поистине шедевр на все времена — Изенгеймский алтарь, — одна из самых загадочных фигур в истории мирового искусства. Даже его настоящее имя — Матис Нитхарт-Готхарт — стало известно совсем недавно, никто не знает точных дат его рождения и смерти, и еще в конце XVIII века многие его произведения приписывали кисти Дюрера. Долгое время о нем не вспоминали, зато, начиная со второй половины XIX века, его имя произносили только в сочетании с эпитетами "гениальный", "выдающийся", а в начале прошлого века в мире, особенно в Германии, начался просто культ Грюневальда.

О жизни этого таинственного художника известно очень мало. О мастере Матисе вспоминает лишь Иахим Зандрарт, жизнеописатель немецких художников, германский Вазари. Именно он, назвав Матиса Грюневальдом, внес еще большую путаницу во всю историю художника, более того, он поместил в свой труд два "портрета художника", которые никакого отношения к истинному Матису не имели!

Современные ученые полагают, что Грюневальд — будем и мы называть художника именем, под которым он вошел в историю — родился в 1470 или 1475 году, в Вюрцбурге, небольшом городке недалеко от Франкфурта.

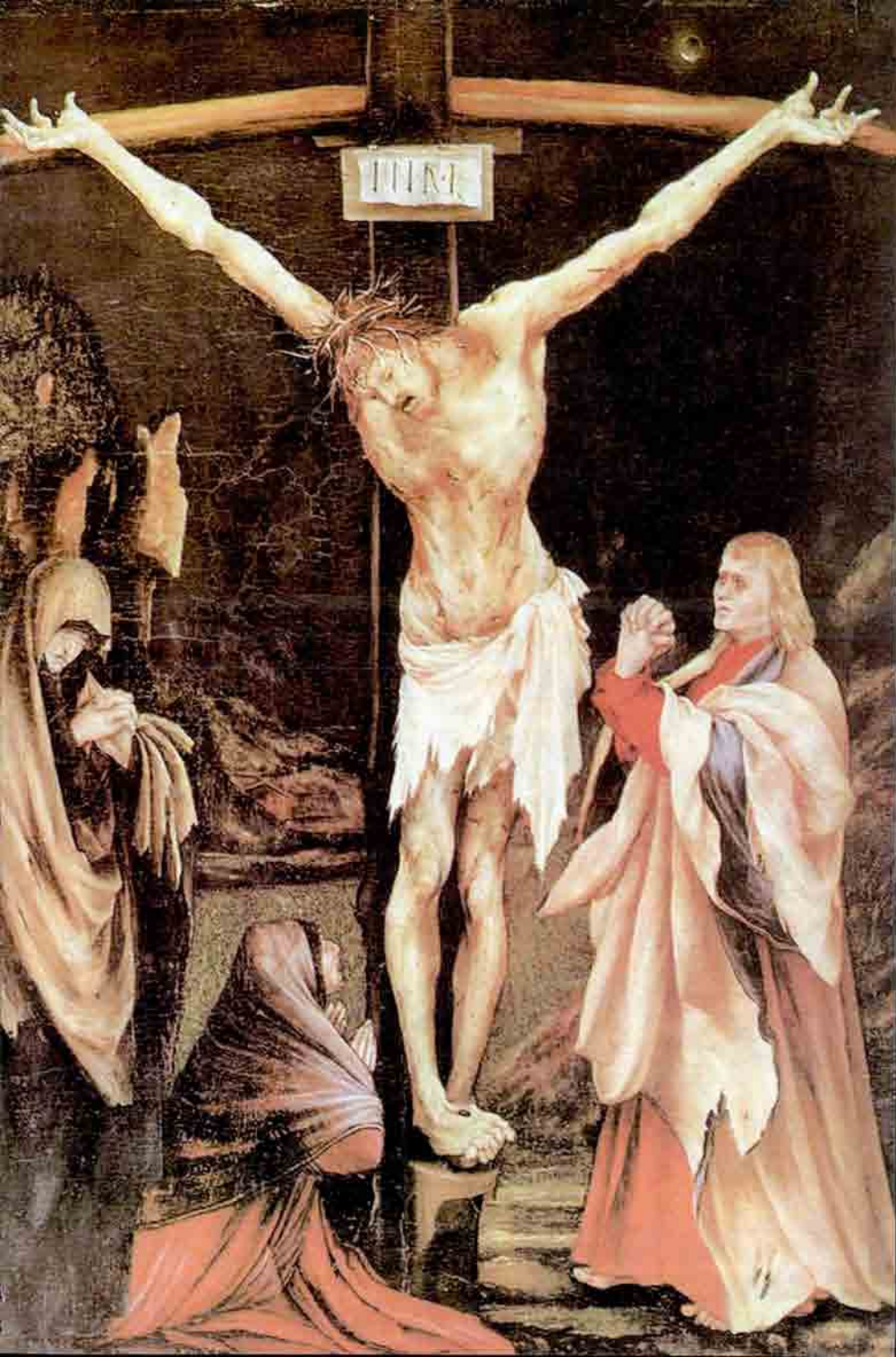
Германия в конце XV века... Отдельные города-государства, богатые, зажиточные, а во главе их — могущественные князья, среди которых множество католических прелатов. Первосвященники эти обладали огромными правами — могли вести войны, чеканили монету, устанавливали в пределах своих государств законы, а главное, нещадно обирали народ. Беднели не только крестьяне и горожане, но и мелкое дворянство, рыцари, зато католические епископы, владея обширными земельными угодьями и обложив безумными налогами своих подданных, без устали воздавали хвалу Господу, обеспечившему им столь беззаботное существование, и наслаждались всеми благами своей вполне земной жизни. Неудивительно, что народ Германии имел основания страстно ненавидеть высокородных князей католической церкви, представителей папского Рима, и многочисленных монахов, жирующих за стенами монастырей и не брезгующих радостями плотских утех.

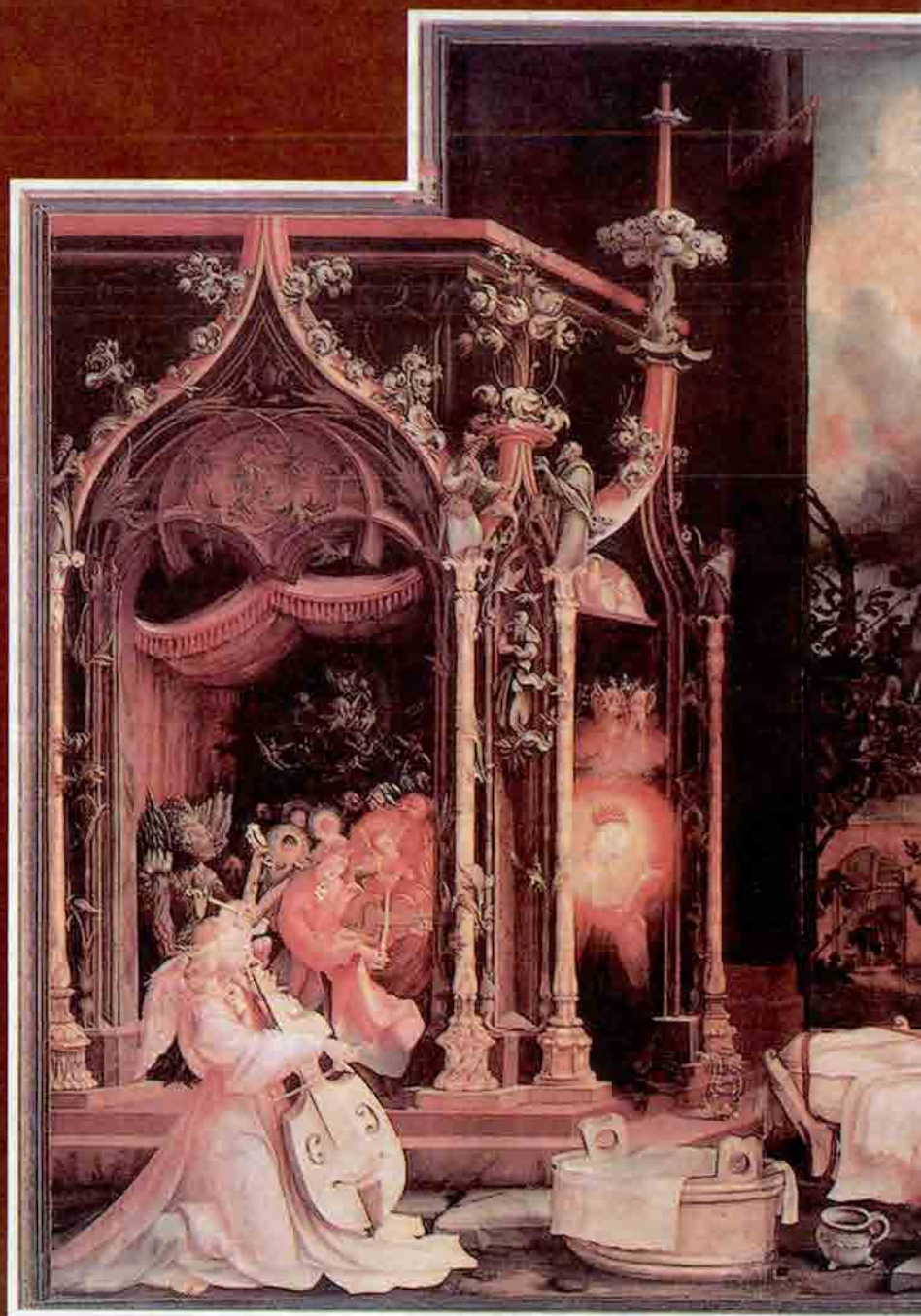
Вот в такой стране, в обстановке нарастающего социального напряжения, родился будущий художник. У кого он учился, в какой школе — сказать трудно, настолько самобытно все, что он сделал. Единственное, что можно утверждать со всей определенностью, так это то, что он видел картины Гольбейна-старшего, который жил, начиная с 1501 года, во Франкфурте. Именно у Гольбейна он перенял страсть к странным, гротескным лицам, угловатость движений, яркую жестикуляцию своих персонажей. Во всем остальном художник абсолютно самостоятелен.

Первые произведения Матиса, дошедшие до нашего времени, относятся к 1503 году, последние — к 1525. Таким образом, творческая жизнь Грюневальда продолжалась приблизительно двадцать лет. Какой короткий срок, и как много сделано!

Итак, что же известно о жизни мастера Матиса?

До наших дней дошли записи о выплате денег в связи с выполнением заказа для владельцев Ашаффенбургского замка. В нотариальном акте говорится о Матисе Нитхарте из Вюрцбурга. Большинство его работ было сделано для господ из этого замка, поэтому можно предполагать, что его мастерская находилась в Ашаффенбурге. Первая известная нам работа — "Осмеяние Христа" — выполнена для монастырской церкви в Ашаффенбурге. Гротескные типажи, бурная пластика напоминают Гольбейна, но размах, монументальность — это уже его, будущего великого Грюневальда. К раннему периоду — 1505 год — относится и не-

Изенгеймский алтарь:
Ангельский концерт. 1515.

большое "Распятие" из Базельского Публичного собрания. Здесь Грюневальд впервые обращается к главной теме своего творчества. Пока что все вполне традиционно. Он изображает всех персонажей этой трагедии — тут и три Марии, и Иоанн-евангелист, и сотник Лонгин, который указывает перстом на Христа: "Истинно человек был сей Сын Божий". Но пока в работе Грюневальда нет страсти, нет живого страдания, нет движения.

В 1509 году богатый франкфуртский купец Якоб Геллер подарил церкви доминиканцев алтарь, который стал бы таким памятником ему и его обожаемой жене Катарине после их смерти. Автором самого алтаря был Альбрехт Дюрер, а створки, которые прикреплялись к алтарю, поручили выполнить в технике гризайли Грюневальду. Художник изобразил на створках целителей Лаврентия, Кириака, святых Елизавету и Люцию. Живопись гризайли — монохромная роспись с эффектом рельефности изображения — появилась еще в начале XV века. Ею пользовались, когда стремились создать иллюзию барельефа. Этой техникой в совершенстве владели создатели Гентского алтаря братья Ван Эйк. Но Матис не следует слепо великим образцам. Во-первых, его гризайль не монохроматична, художник подмешивает к серому цвету голубоватые, красноватые, желтоватые оттенки — получается ярко и выразительно, кажется, ткани одеяний колышутся, складки переходят одна в другую. Да и святые у него вполне живые. Движения и повороты головы, жесты рук резки и нервны, линии прерывистые, краски будто в вихре... Это уже совершенно новое искусство, искусство нового времени. В

живописи створок Геллерового алтаря, нервной, напряженной, отразилась атмосфера начала XVI века, насыщенная духовными исканиями. Художник пристально всматривается в окружающий его мир и выплескивает на картины свои впечатления.

На створках Геллеровского алтаря впервые встречается монограмма художника — сплетенные M и G и отдельно стоящая буква N. Это говорит о том, что уже тогда Грюневальд пользовался своим прозвищем — Готхарт.

Приблизительно с 1510 года Грюневальд становится придворным живописцем майнцского архиепископа Уриеля фон Геммингена (его резиденция как раз находилась в Ашаффенбургском замке). Оказывается, Грюневальд — не только лирик, художник, человек искусства, но и прекрасный инженер, строитель, гидротехник! У него самые разные обязанности — он украшает церкви своими росписями и руководит строительными работами в замке, сооружает колодцы и фонтаны. Соборный капитул Майнца ведет с ним переговоры, как со специалистом по водяным сооружениям, о строительстве водопровода и фонтана в замке Кломф-ам-Бинген, недалеко от Майнца. Именно благодаря этой деятельности, по сути, инженерно-строительной, он прославился за пределами своего города. Ну и как живописца его тоже знали — он работал и для Франкфурта, а в 1512-1515 годах создает свое самое знаменитое произведение, одно из лучших творений Возрождения — Изенгеймский алтарь — для монастыря антонитов в Изенгейме.

Монастырь в Изенгейме основан монахами ордена святого Антония в 1298 году на землях Базельского епископата. По преданиям, покровитель ордена святой Антоний излечивал от антонова огня (так в средние века называли гангрену). Кроме Антония, в монастыре почитали также Иоанна Предтечу, исцелявшего от падухей, патрона дружелюбного ордена иоаннитов, мальтийских рыцарей и святого Себастьяна. Люди верили, что святой Себастьян защищает при эпидемиях чумы, нередко навещавшей средневековые города.

В начале XVI века главой монастыря стал некий Жак д'Орлиак. По его заказу страсбургские резчики Николас Гагенауэр и Дезидерий Бейхель выполнили в 1505 году большой резной алтарь. Друг д'Орлика и его последователь Гвидо Гверси решил украсить створки алтаря росписью, для чего и пригласил Грюневальда.

Очевидно, что программу росписей продиктовали художнику заказчики. Но многое Грюневальд почерпнул из житий святых и трудов мистиков XV века, и все это пронес через себя, обогатив своими толкованиями, свежими и очень личными.

И конечно же, в этом главном произведении Грюневальда не могло не отразиться его время, наполненное сомнениями в самых главных постулатах веры, ломки традиционного уклада, время возникновения протестантизма, масштабных

Изенгеймский алтарь:
Воскресение Христа. 1515.

народных восстаний, потрясших всю Германию.

В 1515 году появился знаменитый памфлет немецких гуманистов "Письма темных людей", а уже вскоре брошен открытый вызов католической церкви. Человек для спасения своей души не нуждается в посредничестве церкви и монахов, залог спасения — вера каждого в искупительную жертву Христа, а единственный источник веры — Священное писание. Эти идеи находили в Германии все больше сторонников. В 1517 году в Виттенберге прозвучали страстные речи августинского монаха, профессора философии и теологии Виттенбергского университета Мартина Лютера, протестовавшего против торговли папскими индульгенциями. Лютер узнал, что вырученные таким образом средства, которые должны были пойти на строительство собора в Риме, шли в карман майнцского архиепископа и князя Альбрехта II для оплаты его долгов банкирам Фуггерам! Вспыхнул настоящий скандал, который послужил поводом весьма серьезных событий —

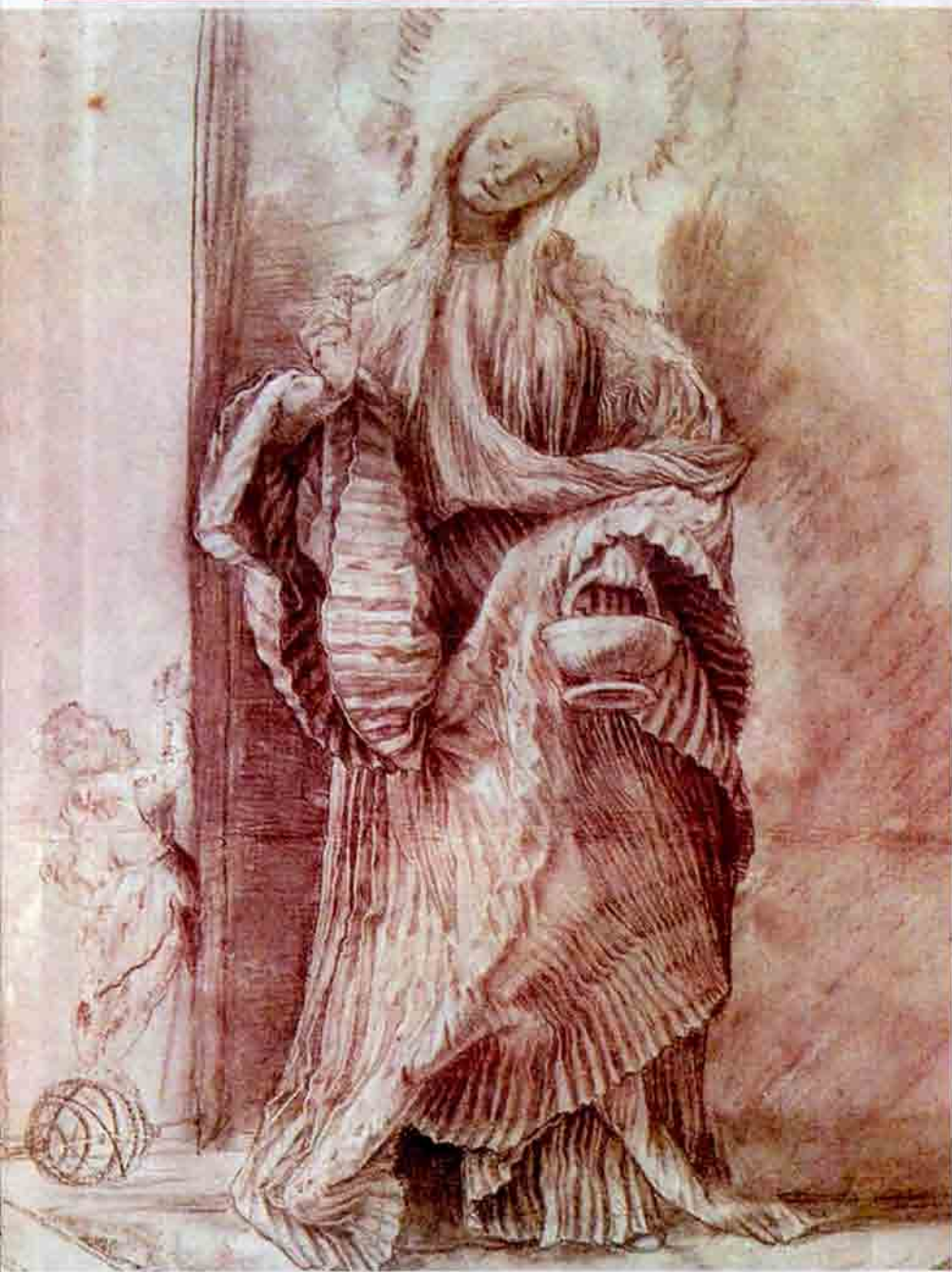
начиналась Реформация, полностью изменившая духовную жизнь страны, да и всей Европы.

И вот на фоне всех этих событий Грюневальд пишет свой Изенгеймский алтарь.

Главным в росписи алтаря, конечно же, является "Распятие". Поразительно символическая картина таинства жертвы. Тут и Агнец Божий с чашей, символ Христа, проливающего кровь в жертву Спасения мира, и Иоанн Креститель, Предтеча — обезглавленный задолго до казни Христа, он изображается как провозвестник Его великой жертвы и указывает на распятого. А сам Христос изображен в полтора раза больше остальных фигур: художник сознательно идет на нарушение законов перспективы — "Ему следует расти, а мне — умяляться", как сказано у Иоанна.

И все это — на темном, грозном фоне: в Евангелиях сказано, что тьма пала в тот страшный день на Землю, и художник строго следует Священному писанию, освещая только самое значительное, самое важное.

Грюневальд не случайно выбрал для центрального сюжета "Распятие". Изученный, растерзанный Сын Божий символизировал страдания всего рода челове-

Св. Доротея. Ок. 1516—1517.

Осмеяние Христа. 1503.

ческого. Распят Христос — и распята Божья справедливость, за которую Он боролся, справедливость, за которую боролся немецкий народ в начале XVI века. Эта символика была тогда понятна каждому, и не случайно повстанцы рисовали на своих знаменах распятие с Богоматерью, Иоанном Крестителем или Иоанном-евангелистом. Таким образом, Грюневальд просто изобразил то, что изображали народные художники на своих стягах!

Распятие Христа — катастрофа мирового масштаба. Его гибель — трагедия, которую переживает все человечество. А ниже, у подножия алтаря, лежит уже снятое с креста тело перед положением во гроб. Среди оплакивающих — Мария и Мария Магдалина, а также Иоанн Богослов. На правой створке изображен святой Антоний, покровитель ордена, со всеми атрибутами и знаками достоинства, благообразный старик с добрым лицом стоит, опираясь на посох, а за ним бьется в оконное стекло дьявол в бессильной злобе. Слева Грюневальд поместил святого Себастьяна.

Во время праздничной воскресной мессы открывалась другая часть алтаря, и перед молящимися предстала совсем иная картина — радостный гимн Рождеству Христову. Ангельский хор славит Марию, держащую на руках Иисуса-младенца, и природа вокруг пышно расцветает. Центральная часть обрамляется двумя створками — “Благовещением” (ангел Гавриил в польяхающем красном плаще несет Марии благовест) и “Воскресением” (на фоне усеянного звездами неба парит чудесно воскресший Христос, знаменуя победу божественного начала Сына Божьего).

И лишь немногим посвященным позволялось увидеть последнюю пару створок алтаря. В коробе помещались резные статуи святого Антония, по бокам — святых Августина и Иеронима, а боковые крылья были расписаны Грюневальдом. В соответствии с идеей прославления патрона монастыря художник изобразил эпизоды из жизни святого Антония. Слева — “Посещение св. Антонием св. Павла Пустынника”. Как рассказывает легенда, Антоний отправился на поиски первого анахорета Павла и нашел его в пустыне, где тот жил в полном одиночестве, питался финиками и хлебом, который ему по велению Бога приносил в клюве ворон. Когда Антоний нашел Павла, ворон принес хлеба на двоих. И вот Грюневальд создает удивительно теплую, мирную картину встречи двух близких, многое переживших и понимающих друг друга друзей, кажущуюся после трагичного, напряженно-го “Распятия” особенно умиротворенной.

Создатель этого масштабного произведения, Изенгеймского алтаря — уже вполне зрелый художник, настоящий мастер. Его влекут таинственные мистические видения и реальная красота окружающего мира, он умеет воспевать самые глубокие страдания и самые яркие радости человеческой жизни. И при этом во всем, что он делает, — поразительной силы страстность, глубочайшие чувства.

У мастера Матиса еще десять лет творчества, но, к сожалению, до нашего времени не дошло почти ничего из созданного им за этот период.

В 1515 году художнику пришлось провести некоторое время под арестом — расследовалось дело о хищении больших сумм при строительстве дворца в Ашаффенбурге, в котором принимал участие и Грюневальд. Но уже в августе 1516 года Матис Готхарт, по-видимому, признанный невиновным в краже денег своего хозяина, снова получает жалование в качестве живописца — “живописца архиепископа Майнцкого”, только теперь архиепископа величают кардинал Альбрехт Бранденбургский. Альбрехт (1490-1568) — человек незаурядный. В то время ему чуть больше двадцати, и впереди его ждала яркая биография. Он был последним гроссмейстером Тевтонского ордена. Умный, образованный,

Альбрехт примкнул к Реформации и в 1525 году обратил орденские земли в наследственное светское герцогство Пруссия, став первым прусским герцогом. Но это все в будущем, пока же его придворный художник Грюневальд расписывает алтари ашаффенбургских церквей, собора в Майнце и монастыря в Галле, а в 1517 году перестраивает один из фонтанов Ашаффенбурга, используя свое знание "водяного искусства". Будучи придворным, Грюневальд одевается в придворное платье, ему пожаловано право на герб. Благодаря своему положению, он имеет ряд привилегий — может работать, не состоя членом того или иного цеха, и его мастерская размещается там, где ему удобно. Положение придворного художника делало Матиса независимым от цеха, но обуславливало зависимость от прихотей его господина. Альбрехт очень заботился о блеске своего двора, собрал вокруг себя много художников, поэтов, ученых. И Матис вполне соответствует общему высокому интеллектуальному уровню окружения Альбрехта. Он много читает, изучает все новое, что появляется в области архитектуры и в инженерных делах. Его ценят, уважают. Поэтому когда архиепископ в качестве своей основной резиденции выбрал городок Галле на берегу реки Зале и решил строить там новый дворец, собор, монастырскую церковь и большой замок, получивший имя в честь покровителя города святого Маврикия — Моритцбург, он привлекает к этим работам своего придворного живописца и строителя мастера Матиса. Архиепископ и его каноник Рейтцман — основные заказчики Грюневальда. Каноник Рейтцман был ярым популяризатором нового для Германии культа — снежного чуда Марии. Легенда рассказывает, как папе римскому Либерию и римскому патрицию Иоанну одновременно приснился один и тот же сон: Богородица посыпала снегом то место на Эсквилине, где пожелала, чтобы ей воздвигли церковь. И когда папа и патриций, проснувшись, отправились на указанное им во сне место, там — о чудо! — действительно лежал снег. Папе пришлось лишь отметить сие место и построить там церковь — ныне Санта Мария Маджоре. И вот Грюневальд пишет по заказу Рейтцмана алтарь для ашаффенбургской монастырской церкви. Он изображает Мадонну — это красивая спокойная и величественная женщина в расцвете лет. На картине множество символов, удивительно органично вписанных в композицию. На боковой створке — сюжет о снежном чуде. Грюневальд изобразил Либерия, обозначающего заступом место будущей церкви. На заднем плане — здания в стиле античного Рима. А с небес за всем происходящим наблюдает Мария. Все как-то радостно, светло, оптимистично. Похоже, в душе мастера в то время наступил покой и радость, явно, что его не мучили тревога и ожидание горя и бед.

В 1520 году Грюневальд сопровождает архиепископа в поездке в Аахен, на коронационные торжества, и Дюрер отмечает в своем дневнике, что подарил Матису гравюру стоимостью в 20 гульденов, что по тем временам было суммой немалой. Подарок свидетельствует об уважении, которое питал Дюрер к своему собрату по искусству.

А в стране обстановка накалялась все больше, и укрыться от этого, не чувствовать близости войны было невозможно даже при благополучном дворе архиепископа. К 1519 году Лютер уже совсем разошелся с официальным Римом и сформулировал свои принципы, а в 1521 году его признали еретиком. Учение Лютера было с восторгом встречено и бюргерами, и рыцарями, и крестьянами, которые, протестуя против католической церкви, протестовали и против ужасных условий, в которых они жили благодаря могущественным отцам церкви — ведь одновременно те являлись и светскими властями, землевладельцами. А в 1524-25 годах в Германии разразилась Крестьянская война, во главе восставших

крестьян встал гуманист и теолог Томас Мюнцер. Крестьяне, поддерживаемые бюргерами, штурмовали монастыри и дворянские замки, захватывали целые города. Они требовали отмены крепостного состояния, уменьшения поборов, свободного пользования землями. Постепенно крестьянские волнения охватили всю Германию.

И Грюневальд, чутко отзываясь на все, что происходит в его стране, вновь обращается к страстям и мученической смерти Христа. До нас дошла одна из его последних работ — “Несение креста”. Христос упал под тяжестью креста. Он одинок, этот Человек, идущий на Голгофу, вокруг — лишь палачи. Христос с грубым, мужицким лицом, затравленно смотрит на зрителя; голова, увенчанная терниями, низко наклонена, Он гибнет, этот мужицкий Христос, а на фризе здания выведены на немецком языке слова пророка Исаии: “Он изъязвлен был за грехи наши” — те же слова, что звучали в устах восставших крестьян и горожан, ринувшихся в бой за свою свободу. Совершенно ясно, что в душе художника разлад, который выразился не только в таком страшном сюжете, но и в живописном несовершенстве картины — Гюйсманс назвал преобладающие цвета ее “больной зеленой незрелых лимонов”. Черты кризиса присущи и другой поздней картине Грюневальда — “Мертвому Христу” из ашаффенбургской монастырской церкви. Странная композиция у этого произведения: фигура Христа словно срезана понизу, у ног Иисуса маленькая по размерам Магдалина. Тело Христа занимает почти все пространство, даже выходит за пределы композиции. По-видимому, художник не захотел писать Марию — Ее боль отвлекала бы зрителя от Спасителя. И Матис решается на смелый шаг: он показывает только руки Марии — тонкие, полупрозрачные, лишь они говорят о переживаниях Богоматери, потерявшей сына. Это был конец — конец Христа, и конец живописного творчества Грюневальда.

Что заставило Грюневальда уйти из искусства? По-видимому, были на то причины как субъективные, так и объективные. Возможно, он почувствовал творческую усталость, возможно, что-то произошло в его личной жизни. Мы можем только строить догадки...

Когда началась Крестьянская война, судя по всему, Матис встал на сторону восставших. Насколько активно он участвовал в восстании, неизвестно, но так или иначе, это сильно повлияло на его жизнь и придворную карьеру — он лишился своей должности и превратился в бездомного бродягу. Вскоре восстание было подавлено. Погибло более 100000 человек, погиб и вождь повстанцев, пламенный Мюнцер — его взяли в плен и после страшных пыток казнили. Страну захлестнули волны террора.

В 1526 году, устроив своего приемного сына учеником в мастерскую резчика и последний раз получив жалованье у архиепископа, Матис отправляется во Франкфурт, центр повстанцев. Что там произошло, что заставило Грюневальда забыть о красках и холсте, мы не знаем, но с тех пор он больше не берет в руки кисть. Быть может, Грюневальд подпал под влияние иконоборческих идей и потому отказался от живописи. А может, просто испытывал творческий кризис. Но этот человек умеет многое, и вот он уже продает целебное мыло собственного изготовления. У него своя мастерская, он делает мыло, ссужает деньги ремесленникам. Казалось бы, все идет совсем неплохо, но через год Матис почему-то уезжает из Франкфурта. 8 мая 1527 года городской совет Франкфурта послал по запросу магдебургских властей выполненные “мастером Матисом, живописцем” чертежи мельниц, а вскоре для руководства строительством туда срочно выехал и сам мастер, причем выехал так внезапно, что даже не распла-

тился со столяром, делавшим для него мебель. Отъезд был очень поспешен — художник уехал налегке, оставив во Франкфурте почти все свое имущество, но зато успел написать завещание, видно, предчувствуя недоброе. Похоже, его срочный отъезд связан с принятием новой веры или хранением запрещенных сочинений и участием в повстанческой деятельности. По опять же неизвестным причинам Грюневальд поселяется в Галле, городе, подвластном майнцскому архиепископу, но подцепившем заразу лютеранства. Там он снова занялся гидравликой, делом, которое любил и хорошо знал, но смерть уже поджидала его, и в августе 1528 года он умер в доме своего друга шелкошвея Шлока.

Сразу после его смерти сделали опись его имущества, оставленного во Франкфурте. Список вещей проливает свет на его личность, но какие-то обстоятельства запутывает еще больше. В этом перечне почти нет домашней утвари, зато присутствует богатая и изысканная одежда. И дорогой набор красок, некоторые из них даже не известны местному живописцу, которого позвали на помощь в качестве эксперта. Спрашивается, зачем изгнанному художнику, принявшему твердое решение оставить свое ремесло, такие дорогие краски, и в таком количестве? Может, он собирался ими торговать, а может, его решение проститься с живописью было не столь твердым?

А еще здесь — грамота о пожалованном дворянстве. Возможно, обретение второго имени или прозвища связано с возведением его в дворянское звание — архиепископ или курфюрст имели право на выдачу дворянского звания.

В списке значатся и книги — “Множество негодных лютеранских книг” и поручительство за участника восстания — документ, гарантировавший художнику неприкосновенность. Все это совершенно четко говорит о приверженности к Реформации, о сочувствии к повстанцам, если не о прямом участии в революционных событиях. Среди вещей художника Матиса — лишь одна картина, с которой художник не расставался никогда, даже в самые тяжелые годы. На ней изображено распятие с Марией и Иоанном. Образ распятого Христа, борца за Божественную справедливость, находился с художником в самые тяжелые годы.

У Грюневальда не осталось учеников. Влияние Матиса на современников было ничтожно — его произведения мало знали, а гравюр, которые расходились по стране, он не делал. Ко всему прочему, многие его доски в потоке страшных событий, захлестнувших страну, просто погибли. Да и само его искусство, странное, странное, символичное, весьма необычное, его нелегко было воспринимать. Но большие художники того времени понимали значение работ Грюневальда. Вот и Дюрер в некоторых своих работах не смог избежать влияния Грюневальда. Можно полагать, что и Бальдунг Грин был потрясен, увидев Изенгеймский алтарь — в его работах явно видна тень мастера Матиса.

А между тем во Франкфурте и Майнце Грюневальда быстро забыли — воистину нет пророка в своем Отечестве.

Прошли годы. Теперь Грюневальд — всемирно признанный классик мирового искусства. И ныне во дворце Ашаффенбурга выставлены сохранившиеся работы мастера Матиса. А рядом, в городском музее, организована выставка, которая называется “Грюневальд и современность”. Здесь показывают картины и графические работы художников XX века — тут и Пикассо, и Руо, и Отто Дикс, и Тингели, и многие другие. Они, люди нашего времени, вновь и вновь возвращаются к образам великого немца, учась у него не столько живописному мастерству, сколько страстному восприятию жизни. Учатся ценить простые радости, не бояться смерти, любить и уметь пожертвовать во имя высокой цели самым дорогим, что есть у человека — своей жизнью.

Встретили по одежке

иллюстрация **Геннадия Новожилова**

Во все времена святой обязанностью армии была защита Отечества. Потому и отношение граждан к ней, ее талантливым полководцам отличалось теплотой. Правители же, как известно, если не хотели содержать свое войско, содержали чужое. Война — это всегда кровь, смерть, горе... Но войны каждой эпохи имели свое лицо. Что касается XVIII столетия, то тут зачастую поражают благородство и джентльменское отношение противников друг к другу, а также невероятно пышный "вояж" командующих на места боевых действий. В последнем вряд ли кто-то мог тягаться с нами.

Представим себе картину времен Семилетней войны, когда Фридрих Великий урывал территории у европейских государств, и Россия пришла на помощь союзной Австрии. Жители прусского городка в страхе ждут входа противника. Но любопытство пересиливает, и они на протяжении целого дня наблюдают из окон невиданную картину. Вот по улицам в сопровождении многотысячного конвоя потянулся караван верблюдов — он везет багаж и палатки главнокомандующего русской армии графа Фермора, лифляндца по происхождению. Затем в самом лучшем порядке гарцуют 2000 казаков и калмыков — это стража генерала, за ним шествует рота кирасир с литаврами, которые, как и остальная музыка, не умолкают. За “музыкой” едут два адъютанта, затем генерал-адъютант и, наконец, сам Фермор в окружении генералов. Узнать главнокомандующего нетрудно: он непременно в голубом кафтане с красными отворотами, поверх которого неизменно красовалась голубая лента ордена Андрея Первозванного. За свитой тянутся бесчисленное множество слуг, под прикрытием нескольких тысяч лейб-казачков.

Слава Богу, граф не имел обыкновения останавливаться в городах, а как истинный вояка располагался в своей палатке, которую разбивали посреди лагеря. Круглый турецкий шатер, освещавшийся сверху, внутри украшался белой и голубой парчой, а снаружи был обит крепким и ослепительно-белым сукном.

Как говорится, война войной, а обед по расписанию. Трапеза же Фермора могла поразить воображение любого европейца. За его столом царила пышная торжественность. Церемониймейстер в парадной одежде размещал гостей да свиту; кушанья разносили бравые гренадеры. Перед обедом непременно подавались ликеры, а вина за столом текли рекой, но никогда не пили во здравие кого-нибудь, только по большим царским праздникам Фермор провозглашал тосты. При этом при имени императрицы гремел сто один выстрел, а при имени великого князя — пятьдесят один, и столько же в честь союзных государей.

Да, с такой визитной карточкой не стыдно походить по Европе. А чего стоили въезды и выезды при склоненных знаменах и громе пушечной пальбы предшественника Фермора — графа Апраксина, сопровождаемого блестящей свитой; его огромный штат и колоссальный личный обоз. Поэтому можно себе представить недоумение офицеров, когда к армии прибыл Петр Семенович Салтыков, сменивший Фермора. Попросту говоря, его прибытие осталось незамеченным.

Посудите сами. По пути к своим войскам генерал-аншеф на несколько дней остановился в Кёнигсберге. Расхаживает себе по городу пешком в простеньком белом кафтане в сопровождении всего двух-трех офицеров. Ну кто, скажите на милость, мог признать в “седеньком, маленьком, простеньком” старичке главнокомандующего?! Неловко становится, когда читаешь строки из “Записок” Андрея Болотова. “Привыкшие к пышностям и великолепиям в командирах, чудно нам сие и удивительно казалось, и мы не понимали, как такому простенькому и по всему видимому ничего незначащему старичку можно было быть главным командиром столь великой армии, какова была наша, и предводительствовать ею против такова короля, которой удивлял всю Европу своим мужеством, храбростью, проворством и знанием военного искусства. Он казался нам сущю курочкою, и никто не только надеждоу ласкаться, но и мыслить того не отваживался, чтоб мог он учинить что-нибудь важное, столь мало обещал нам его наружной вид и все его поступки. Генерал наш хотел было, по обыкновению своему, угостить его великолепным пиром, но он именно истребовал, чтоб ничего особенного для него предпринимаемо не было... А сие было причиною,

что проезд его чрез наш город был нимало не знаменит и столь не громок, что несмотря хотя он пробыл у нас дни два и исходил пешком почти все улицы, но большая половина города и не знала о том, что он находится в стенах онаго. Он и поехал от нас столь же просто, как и приехал, и мы все проводили его хотя с усердным желанием, чтоб он счастливее был искуснаго Фермора, но с сердцами весьма унылыми и не имеющими никакой надежды, — столь великое и невыгодное мнение мы об нем имели”.

В общем, как водится, встретили генерала по одежке, но не пройдет и месяца, как эта “курочка” обернется орлом. Никто не подозревал, что с именем нового главнокомандующего, чьи скромность и простота в обращении доходили до чудачества, будут связаны самые крупные успехи русской армии в Семилетней войне. В кровопролитных сражениях неприметный старичок проявит завидную волю и энергию, в минуты наибольшей опасности “курочка” сохранит спокойствие и самообладание. В битве при Пальциге русская армия разобьет пруссаков во многом благодаря искусным стратегическим маневрам Салтыкова. Перехватив инициативу, он двинет войска на Берлин.

Петр Семенович Салтыков родился 11 декабря 1698 года в родовом поместье Марфино (ныне Мытищинский район Московской области). Отец его генерал-аншеф Семен Андреевич доводился родственником императрице Анне Иоанновне, мать которой была Салтыкова.

Пятнадцатилетний Петр поступил солдатом в гвардии Преображенский полк, и сразу же по приказу Петра I отправился во Францию обучаться морскому делу. С 1714 по 1730 год он прослужил во французском флоте. На Родину Петр Семенович вернулся после восшествия на престол Анны Иоанновны. В этом событии видную роль сыграл и Семен Андреевич Салтыков. Благодарная императрица “обласкала” его сына и удостоила камергером, но тот вскоре вернулся к военной службе. В 1734 году будущий фельдмаршал участвует в походе против Станислава Лещинского, провозгласившего себя королем. Благоволила к Салтыкову и правительница Анна Леопольдовна, которая возвела его в генерал-поручики. В 1742 году Салтыков проявил себя на русско-шведской войне, и за отличия в боях был награжден шпагой с бриллиантами. Естественно, что императрица Елизавета Петровна не могла питать симпатии к любимцу своих предшественниц, и Салтыков какое-то время находился в опале. Он командует Псковской дивизией, затем “ландмилицкими” полками на Украине. В 1756 году его перевели в Петербург на должность командующего Шуваловским корпусом.

Неудовлетворительное ведение войны против Пруссии в кампаниях 1757-1758 годов и непопулярность в войсках Фермора вынудили Елизавету искать среди русских генералов другую кандидатуру на пост главнокомандующего. По предложению Австрии выбор пал на Салтыкова, который 30 июня 1759 года и возглавил русскую армию. Назначение Салтыкова вызвало большое недоумение: он никогда не играл значительной роли в армии и не покрыл себя лаврами побед. При дворе его считали ограниченным, зато не сомневались в честности. Он был уже стар, горячо любил армию и был близок к солдатам. Не веря в способность и знания Салтыкова, ему настоятельно рекомендовали принимать решения по сложным вопросам только после предварительного согласования с Фермором, которого продолжали считать крупным военным специалистом. Салтыков принял инструкцию, но никогда ей не следовал. Он был чрезвычайно упрям и предпочитал обходиться не только без обсуждения вопросов с Фермором, но и без военных советов, созывая их лишь в случае действительной необ-

ходимости. Самостоятельно решая важные задачи, Петр Семенович внимательно вдавался и в мелочи управления, он лично контролировал доставляемые ему сведения, сам выезжал проверять посты и расположения передовых частей, нередко участвовал в рекогносцировках.

Впервые за эту войну во главе войска оказался генерал, ничего не искавший при дворе, искренне преданный интересам Родины и армии, стремившийся самостоятельно руководить операциями. Но именно эта самостоятельность с первых шагов привела его к столкновению как с союзниками, так и с Конференцией при высочайшем дворе, которая видела в лице главнокомандующего только исполнителя своих предписаний. Даже Венский двор сетовал на то, что их союзники не могли шага сделать без приказа из Петербурга и просили дать большую самостоятельность русскому командованию. К тому же, ясное понимание целей и задач своей армии неизбежно привело Салтыкова к конфликту с австрийским главным командованием, желавшим подчинить действия русских своим планам.

Приняв армию, Петр Семенович двинулся к Одеру для соединения с войсками союзников. Фридрих приказал Веделя перекрыть дорогу русским и разгромить их. Несмотря на рвение прусского генерала, Салтыков не попал, как кур в ощиц. Благодаря хорошей разведке, он постоянно опережал противника и своими маневрами ставил Веделя в неудобные для атак позиции. Тем не менее прусский генерал решил дать сражение, которое состоялось 12 июля у деревни Пальциг. Отчаянные атаки противника русские встретили плотным артиллерийским огнем и яростными штыковыми контратаками. Битва длилась до восьми вечера и закончилась полным разгромом Веделя.

В своей реляции Петр Семенович приписывал победу доблести и стойкости солдат. Он особо подчеркнул их удивительно человеческое отношение к побежденным: "...многие наши легкораненые неприятельских тяжело раненых на себе из опасности выносили; солдаты наши своим хлебом и водою, в коей сами великую нужду тогда имели, их снабжали".

За Пальциг императрица поощрила нижние чины полугодовым окладом жалованья, сам же главнокомандующий получил из Петербурга лишь письменную благодарность. Столь важную победу Салтыкова в столице явно недооценили, что нельзя сказать о великом Фридрихе. Поражение при Пальциге резко ухудшило его положение: Салтыков получил возможность соединиться с австрийцами и начать наступление на внутренние области королевства, в сторону Франкфурта и Берлина.

Фридрих в бешенстве. Во главе главных сил он форсирует Одер, желая ударом с тыла разгромить союзников. 1 августа у деревни Кунерсдорф произошло самое крупное сражение Семилетней войны. Салтыков учел излюбленную тактику "косою" атаки короля. Во главе своего правого крыла он назначил Фермора, левым командовал будущий фельдмаршал генерал-поручик князь Голицын, центром — знаменитый впоследствии Румянцев, а передовым войском — генерал-поручик Вильбуа. Австрийцы, под предводительством барона Лаудона, стояли сзади правого крыла. Всего у Салтыкова вместе с австрийцами было 70 тысяч, у Фридриха больше 50.

Историческая битва началась ураганным перекрестным огнем прусских батарей высоты, где располагался левый фланг. Король всей мощью навалился на Голицына. Петр Семенович видел, как наседавший противник в конце концов выбил с позиций его части и обратил их в бегство. Салтыков посылает туда Панина... Фридрих же послал в Берлин гонца с вестью о победе.

Не буду подробно описывать это сражение, хотя тут есть чему удивляться и восхищаться. Отмечу только, что русский главнокомандующий, расположив центр и правый фланг на господствующих высотах и укрепив их в инженерном отношении, преднамеренно побудил Фридриха атаковать левый фланг своих войск. Победоносно начав сражение, непобедимый Фридрих был наголову разбит "курочкой". Бойня, длившаяся весь день, завершилась беспорядочным отступлением горстки прусской армии. Король, подвергая свою жизнь опасности, пытался остановить бегство батальонов. Под ним были убиты две лошади; ружейная пуля прострелила мундир, Фридрих бросался в самое пекло, словно ища смерти.

— Неужели ни одно ядро не поразит меня? — воскликнул он в отчаянии.

Потрясенный неудачей, Фридрих едва не покончил с собой.

Елизавета, получив в Петергофе известие о "преславной" победе, одержанной над самим прусским королем, поспешила в Петербург, где в церкви Зимнего дворца отслужила молебен при пальбе из всех пушек крепости и Адмиралтейства. За победу под Кунерсдорфом она удостоила Салтыкова фельдмаршалским чином, особой медалью с надписью: "Победителю над пруссаками", а австрийская императрица Мария Терезия подарила ему бриллиантовый перстень и табакерку с бриллиантами.

Русский военный историк Масловский писал о Салтыкове: "Широкий, прямой и верный взгляд на военное дело, чисто русская преданность России и любовь к солдату были качества, присущие новому главнокомандующему". Именно с Петра Семеновича Салтыкова начался процесс укрепления национальных начал в развитии военного искусства России. Эти начала достойно развил Румянцев, которого великий Суворов назовет своим учителем.

После столь славной победы главнокомандующий тщетно ожидал содействия союзников, ради которых Россия вступила в войну. Но венский Кабинет щадил свою армию и убеждал российского полководца продолжать завоевания. В противном случае, он будет сменен и другой пожнет плоды знаменитых трудов его. Салтыков упрямо и с присущей ему прямоотой отвечал: "Если граф Даун не станет действовать наступательно, то российская армия непременно пойдет обратно в Познань". Он упрекал союзников, что они жар из костра чужими руками добывают, обвинял в том, что они нарушили соглашение и не обеспечили провиантом его армию.

Вместо совместных боевых действий, главнокомандующие двух армий обменивались упреками и колкостями. Даун посылает к Салтыкову генерала Букова с требованием двинуть русскую армию к Пейцу, чтобы помешать королю перебросить войско в Саксонию.

— Неприятель уже занял место около Пейца, — возражает Петр Семенович, — так разве мне его атаковать и оттуда выгнать. На это я отважиться не хочу, ибо и без того вверенная мне армия довольно сдержала неприятеля и немало претерпела. Теперь надобно бы нам покой дать, а вам работать, потому что вы почти все лето пропустили бесплодно.

— Да, благодаря вам у нас три месяца руки были связаны, — намекает на медленное продвижение русской армии Буков.

— Правда, нас можно попрекать за то, что мы неприятеля из Польши выгнали, разбили его и на положенный планом срок пришли к Одеру. Умалчивая о втором поражении неприятеля, мы этим одним столько сделали, что весь беспристрастный свет нам хвалу приписать должен. Однако я об этом долее не распространяюсь и, возвратясь к главной материи, объявляю, что мне долго здесь пробыть нельзя, ибо фуражу нет.

Но больше союзников донимала главнокомандующего Конференция, которая обрушила на него шквал обвинений, и в первую очередь, в бездействии. И это человека, который принял армию 30 июня, 12 июля одержал первую победу, а 1 августа наголову разгромил противника. "На это, — писал Салтыков в Петербург, — я никак не могу согласиться. Русская армия слишком много сделала для союзников, отрицать этого никто не может и никто не может от нее требовать большего в такое позднее годовое время".

Фельдмаршала раздражали затянувшиеся позиционные формы ведения войны. Скользяемые инструкциями из Петербурга и бесконечными согласованиями с Веней, Салтыков тяготился тем, что фактически не имел возможности самостоятельно организовывать решительные наступательные операции. В конце 1760 года, ссылаясь на пошатнувшееся здоровье, он отпросился у императрицы уехать в Познань для лечения и вскоре покинул пост главнокомандующего.

После смерти Елизаветы Петровны внешняя политика России диаметрально изменилась. Взойдя на престол, Петр III не только вышел из Семилетней войны, но войска, находившиеся в Пруссии, подчинил своему кумиру Фридриху. В период его кратковременного правления Салтыков находился в бездействии, но императрица Екатерина II вернула его на службу. В день своей коронации она пожаловала фельдмаршала золотой шпагой, усыпанной бриллиантами. В следующем году Петр Семенович стал членом правительствующего Сената, а в мае 1763 года был назначен главнокомандующим и генерал-губернатором Москвы.

На этом поприще Петр Семенович также успел себя проявить. Он учредил почтовые учреждения, при нем отремонтировали Головинский и Коломенский дворцы, Никольские, Воскресенские и у Тверских ворот, а также пришедшие в негодность мосты через Москву-реку. Началась реставрация и жемчужин Кремля — соборов. Фельдмаршал приказал разбирать стены Белого города, камень которых, по распоряжению императрицы, пошёл на строительство Воспитательного дома и "исправление" Арсенала. Уже в апреле 1764 года Салтыков сообщил в столицу об открытии в Москве Воспитательного дома.

Чтобы обеспечить москвичей провизией, Салтыков запретил вывозить из города привозной хлеб, а также стал закупать его у помещиков; при нём была обеспечена регулярная поставка в Москву вина, потребность в котором, согласно ведомости, составляла 575 тысяч вёдер. Вел Петр Семенович и борьбу с карточной игрой, разорявшей многих помещиков.

Все это время императрица благоволит к заслуженному генералу, пишет ему теплые письма. Она же и сообщила Петру Семеновичу о начале русско-турецкой войны и о назначении главнокомандующими двух армий Голицына и Румянцева. "Граф Петр Семенович!.. Если б я турок боялся, то бы мой выбор пал несомненно на лаврахи покрытого фельдмаршала Салтыкова; но в рассуждении великих беспокойств сей войны, я рассудила от обременения поберечь лета сего именитого воина, без того имеющего довольно славы. Я совершенно уверена, что на кого из моих генералов ни пал бы мой выбор, всякой будет лучше соперника... На начинщика Бог! Бог же видит, что не я начала. Не первый раз России побеждать своих врагов опасных. Побеждали и не в таких обстоятельствах, как ныне находимся; так и ныне от Божеского милосердия и храбрости Его народа всего добра ожидать. Впрочем остаюся непременно вам доброжелательною. Екатерина".

Приходилось Екатерине и вступаться за прославленного полководца, защищать его от нападок отца русского театра Сумарокова, отличавшегося скандаль-

ной натурой. Северный Расин атакует императрицу жалобами, и в ответ получает от нее отповедь. "Фельдмаршал желал видеть трагедию вашу. Сие делает вам честь; пристойно было в том удовольствовать первого в Москве начальника. Если же граф Салтыков заблагорассудил приказать играть, то уже надлежало без отговорки исполнить его волю. Вы более других, чаю, знаете, сколь много почтения достойны заслуженные славою и сединою покрытые мужи, и для того советую вам впредь не входить в подобные споры: чрез что сохраните спокойствие духа для ваших сочинений, и Мне всегда приятнее будет видеть представление страстей в ваших драмах, нежели читать их в письмах".

Но и успешной административной деятельности, и благоволению императрицы положила конец поистине национальная трагедия — в Белокаменную пришла моровая язва, приведшая к кровавому Чумному бунту. Бесстрашный на поле брани фельдмаршал оказался беспомощным перед лицом невидимого врага.

Причина недовольства императрицы ясна, но совершенно не понятно, каким образом в исторической литературе укоренилось мнение, что Салтыков струсил и покинул в опасную минуту москвичей, подав тем самым пример остальным чиновникам. Петр Семенович оставался полководцем до конца. Когда люди стали умирать тысячами, он спасает единственный стоявший в городе Великолуцкий полк, приказав вывести его и расквартировать в селе Мячево.

Народ побежал из Москвы, но не фельдмаршал. 7 сентября 1771 года в Сенате, кроме Салтыкова, присутствовали четверо, 12 и 13 сентября на службу явились фельдмаршал, Еропкин и Рожнов. 14 сентября Петр Семенович не выдержал и написал императрице отчаянное донесение. "Болезнь уже так умножилась и день ото дня усиливается, что никакого способу не остается оную прекратить, кроме чтобы всяк старался себя охранить. Мрет в Москве в сутки до 835 человек... по улицам находят мертвых тел по 60 и более. Из Москвы множество народу подлого побежало, особливо хлебники, калачники, маркитанты, квасники, и все, кои съестными припасами торгуют, и прочие мастеровые; с нуждою можно что купить съестное, работ нет, хлебных магазинов нет; дворянство все выехало по деревням. Генерал-поручик Петр Дмитр. Еропкин старается и трудится неуспешно оное зло прекратить, но все его труды тщетны, у него в доме человек его заразился, о чем он меня просил, чтоб донести в. и. в-ству и испросить милостивого увольнения от сей комиссии. У меня в канцелярии также заразились, кроме что кругом меня во всех домах мрут... Приемлю смелость просить мне дозволить на сие злое время отлучиться, пока оное по наступающему холодному времени может утихнуть..."

Не дожидаясь ответа, измученный генерал-губернатор в тот же день уехал в свое любимое Марфино. Уехал всего на два дня! И надо же было такому случиться, чтобы на следующий день, 15 сентября, вспыхнул Чумной бунт. Тем самым о кратковременной отлучке стало известно императрице.

В первый день бунта Еропкин, на которого тогда Екатерина возложила руководство Москвой, бездействовал. Узнав о зверском убийстве в Донском монастыре митрополита Амвросия, Петр Дмитриевич 16 сентября стал собирать по городу команду. Всего набралось 130 человек, включая 50 солдат Великолуцкого полка, оставленных в городе. Удалось раздобыть и две пушки. С этими силами генерал двинулся "очищать" Кремль от пьяной многотысячной разъяренной толпы, охваченной жаждой крови. Убийство архиерея не насытило ее, она жаждала новой крови и, в первую очередь, Салтыкова, Еропкина и врачей. Одновременно Петр Дмитриевич послал к Салтыкову с сообщением о бунте и с просьбой вернуть Великолуцкий полк.

Молниеносным натиском отряд выбил мятежников из Кремля, но те быстро пришли в себя и пошли на штурм. Особенно яростным он был у Воскресенских и Спасских ворот. По приказу Еропкина первый выстрел был холостой. Увидев, что никто не ранен, раздался радостный вопль масс:

— Православные! Нас смерть не берет, за нас Богородица заступается!

У Спасских ворот артиллеристы успели зарядить пушку картечью, но не успели выстрелить: налетевшая разъяренная масса завладела орудием, которое тут же развернули. У бунтовщиков не оказалось огня, и заминкой воспользовались солдаты, отважно бросившись в штыковую атаку. Мост у Спасских ворот был узок, поэтому горстке солдат удалось сбросить с него плотную массу народа и отбить пушку, из которой тут же дали залп картечью. Мост после штыковой атаки был весь покрыт трупами. После первого же выстрела в плотной массе народа образовалась улица. Артиллеристы заряжали пушку быстро, а между ее выстрелами раздавались залпы из ружей. Огонь погнал народ вниз, но смерть, как пишет очевидец, достигала мятежников вплоть до Яблоневого ряда.

В это время на противоположной стороне бунтующих собралось еще больше. Здесь штурм продолжался около 4 часов. Расходясь по домам, мятежники грозились: "Мы теперь пьяны, но завтра увидим!" Всю ночь отряд был начеку. Еропкин, несмотря на ранение и контузию, с коня так и не слез. Со страхом ожидали новый штурм. Все патроны и снаряды были израсходованы. Боеприпасов больше не было.

17 сентября — день памяти царевны Софьи, ее именем зачинщики спозаранку стали созывать к Варварке народ штурмовать Кремль. Людское море в несколько раз превосходило вчерашнее. Когда ударили в набат, поднялся столь чудовищный крик, что заглушил колокола Москвы. Пушки стояли у ворот только для устрашения. Солдаты, не имея ни единого патрона, готовились к штыковой атаке. Сотня — против многотысячной толпы. Людское цунами приближалось, приближалась неминуемая смерть. И в это время в Кремле раздалось дружное и громкое ура, в воздух полетели шапки — на Красную площадь входил Великолукский полк. Получив известие о бунте, Салтыков сразу же вернулся в Москву вместе с полком.

— Советую вам расходиться по домам, в противном случае все побиты будете, — обратился к бунтовщикам обер-полицеймейстер Бехметев.

Через несколько минут площадь опустела. Несмотря на это, буйство не унималось, народ продолжали подстрекать. Бехметев в сопровождении Шварца, сержанта и 12 солдат стал расставлять пикеты. Направляясь из Белого города к Никольским воротам, они наткнулись на пьяного попа — 55-летнего Михаила Иванова. С колом в руках и камнями за пазухой не в меру расхрабренный служитель Бога напал на полицейскую команду. "Разоружили" его быстро и перестали на него обращать внимание, да не тут-то было.

— Ставля-ста бекеты, растак вашу мать, вот ужо вечеру с ними насерете на плешь!

— Уймись, старик! — прикрикнул на попа Бехметев.

Но в ответ отец Михаил выдал тираду похлеще первой.

— Во дает служитель! Отродья такого не слыхивал, — поразился Шварц.

— Взять его под караул! — приказал обер-полицеймейстер, — свезти на гауптвахту! Пусть остынет слегка. Ишь, раскипятился!

Сержант с двумя солдатами подошли к попу, но тот, рухнув на землю, поднял неистовый вой:

— Караул! Помогите, люди добрые! Умираю за мать Пресвятую Богородицу! Спасите! Не дайте помереть смертью лютою!

— Караул тебе нужен?! — спокойно сказал сержант. — Так мы здесь, дружок. А не перестанешь орать, так пожалеешь, что на свет родился.

— Спасите! Умираю за мать Пресвятую Богородицу!.. — еще громче заорал Иванов.

Как написано в протоколе, пьяный поп оборонялся руками и ногами, да еще ужом извивался.

— Ах ты, бес! — зажал правую кисть сержант. — Ты еще кусаться! А ну, ребята, крути его!

Ор прекратился. Солдаты связали буяна, поставили его на ноги, и тут он получил внушительную затрецину.

— Еще раз рот откроешь, — убью! — пригрозил сержант.

Иванов то ли протрезвел, то ли потерял охоту поднимать народ на новый бунт, но стал нем, как рыба. Он посмотрел на сержанта невиннейшим взглядом, пожал плечами, точно говоря: "как прикажете", и в знак согласия мотнул головой. Солдаты рассмеялись и повели пьяного попа в караул.

Но не все были так безобидны. Салтыков доносил Екатерине: "Между пойманными злодеями множество подьячих, почти изо всех коллегий, и их солдаты. Старики отставного батальона гвардии, кои содержат караул в Кремле, более всех бунтовали и воровали, чему свидетель архитектор Баженов: он все видел из молельного дома и многие речи слышал. Сейчас получена ведомость, что на Пахре собирается много всякого народа и хочет идти в Москву со всяким оружием, и разбежавшиеся отсель по деревням пьяные грозятся все разорять".

Несмотря на то, что еще большая беда была предотвращена возвращением полка, Екатерина не простила Салтыкову двухдневную отлучку. "Главная причина печальных событий 15 и 16 сентября была очевидна: ничтожность военных сил, — писал С.М. Соловьев, — хотя, с другой стороны, естественно представляется вопрос: почему Еропкин с вечера 15 числа не начал собирать войско, не употребил на это всю ночь и не явился в Кремль на рассвете 16 числа, тогда событие в Донском монастыре было бы предупреждено? Как бы то ни было, старик фельдмаршал имел полное право жаловаться на недостаточность своих средств и опасность положения".

7 апреля 1772 года граф Петр Семенович Салтыков "отставлен по прошению от всех дел". Недолго фельдмаршал оставался не у дел: 26 декабря он скончался в своем любимом имении.

Москвичей скорбная весть опечалила, но "градодержатель", зная, что покойный находился в опале, не распорядился относительно похорон. Победитель Фридриха Великого мог бы оказаться всеми забытым, но благородство так же, как и подлость, вечны.

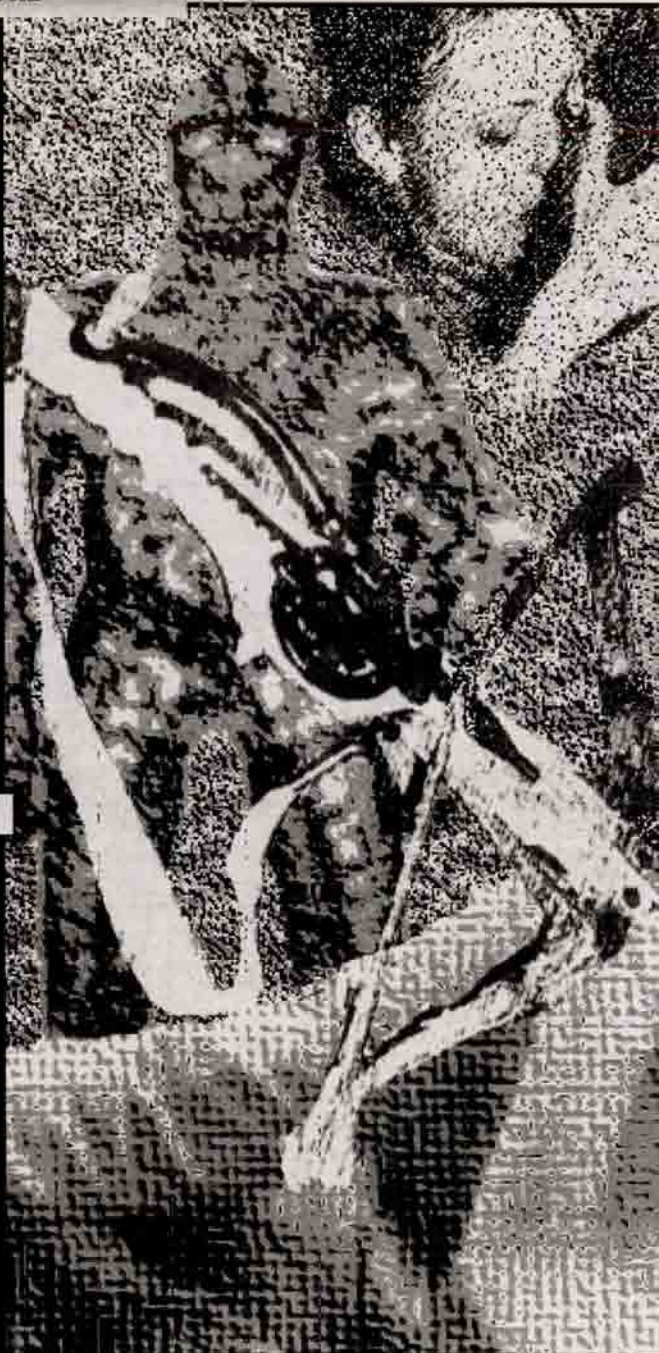
В траурной комнате вдруг с шумом растворилась дверь... Входит величественный воин в парадном генерал-аншефском мундире, в Андреевской и Георгиевской лентах — это сражавшийся под началом Салтыкова граф Петр Иванович Панин. Покоритель Бендер склонил голову у гроба почившего полководца. Он обнажает меч и становится в караул.

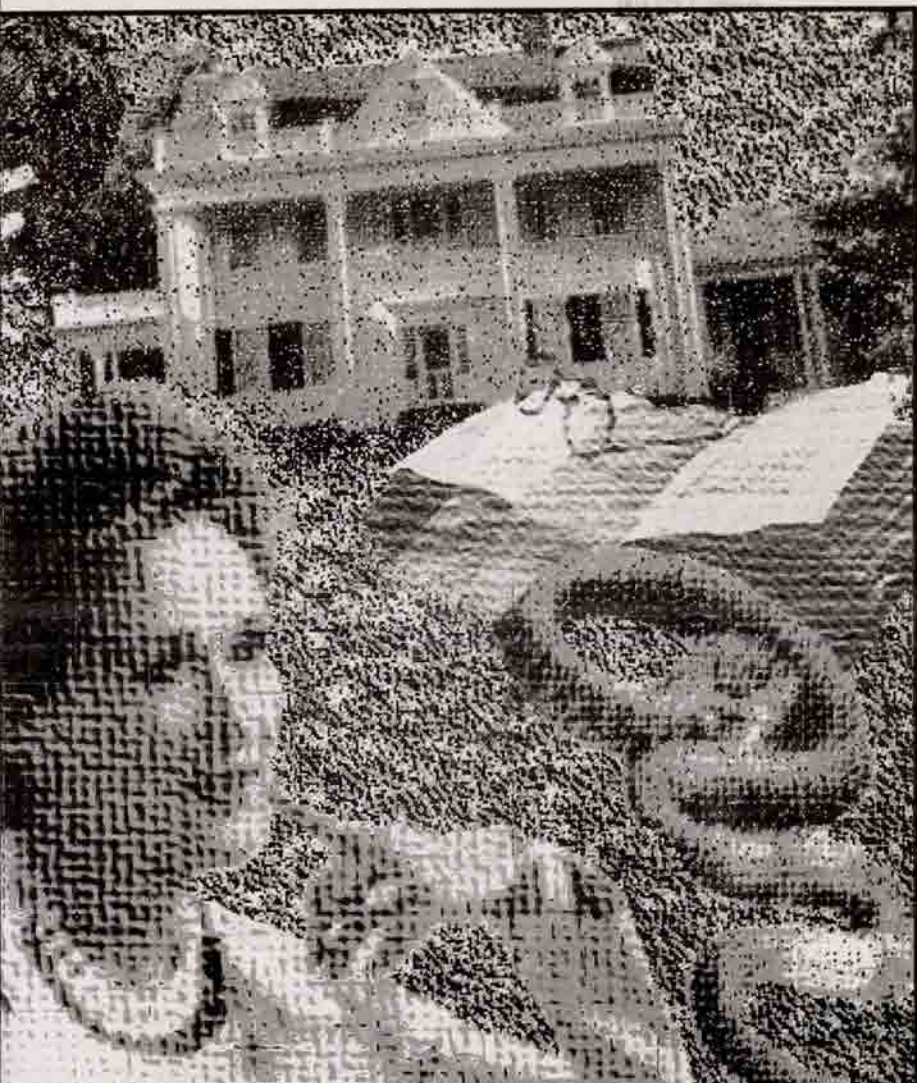
— До тех пор буду стоять здесь на часах, пока не пришлют почетного караула для смены.

Такова судьба предтечи великого Суворова. Скромный в жизни, он и похоронен был скромно, в присутствии всего лишь одного вельможи, так и простоявшего бесценно в почетном карауле.

иллюстрация **Алексей Остроменцкий**

Вестники Смерти

■ Ада представляла себе, как нетрудно ей будет поддержать его...
Господин на фотографии, которая была в письме фон Норингена, походил на мужчин с рекламы какой-нибудь известной марки шампанского. Рот, пожалуй, уж слишком сладострастен, и в глазах легкий фарфоровый блеск. Может быть, он был близорук и носил очки. Посмотрим.

Она отложила фотографию и легким движением поправила локоны. Флакон еще раз окружил ее мягким облаком духов, греховно дорогих. Она подумала о том, что, вполне возможно, господину фон Норингену очень скоро придется взять эти расходы на себя.

Ему было назначено на одиннадцать, и стеклянные часы на камине серебряным звоном пробили свой последний удар, когда в дверь позвонили.

Ада услышала голоса, а попозже вошла горничная.

— Господин фон Норинген, милостивая госпожа.

— Пожалуйста, проводите его сюда.

Ада вмиг изобразила смущение на своем лице, и щеки ее запылали.

В дверях появилась фотография, на этот раз живьем. Уже в первое мгновение Ада увидела, что глаза, несмотря на легкий фарфоровый блеск, вызывают доверие.

На господине фон Норингене был двубортный пиджак в изящную полоску. Зонтик свисал с одной руки, а другой он прижимал к животу котелок. Ада вспомнила, что Эдгар довольно неуважительно называл такие шляпы "биржевыми стальными шлемами".

Господин фон Норинген сдержанно поклонился. Ада пошла к нему навстречу.

— Как любезно, что вы пришли.

Губы господина Адриана нежно коснулись руки Ады.

— Признаюсь, милостивая государыня, что для этого нужно было собрать все свое мужество. Перед дверью оно меня почти покинуло. — Господин фон Норинген без труда выпалил эту ложь, тем более, что это была первая ложь с тех пор, как он переступил порог этой комнаты. Но она была не последней. Он продолжил: — Я знакомлюсь с дамой таким образом первый раз в моей жизни. Но я не раскаиваюсь!

Ада покраснела чуть сильнее.

— Давайте присядем.

Расположились в эркере. Ада позвонила горничной. Выяснилось, что господин фон Норинген не против рюмки шерри. Теперь Ада продемонстрировала на своем лице меланхолию, уставившись на сверкающую в лучах утреннего солнца бутылку.

— Простите меня — я так часто сживала здесь с моим мужем.

Адриан простил. Он был в курсе.

— Глубочайшим образом сожалею о постигшем вас горе. Позвольте заметить, что я вас так понимаю. Ведь и моя жена покинула меня полтора года назад.

Господин фон Норинген опустил нос к рюмке. Ада вздохнула.

— В моем положении очень трудно заводить новые знакомства. Вдова... Поэтому я подала это ужасное объявление.

Господин фон Норинген улыбнулся.

— Я был бы безутешен, если бы вы этого не сделали, милостивая государыня. А что касается меня, то разрешите вас заверить, что для меня речь может идти только о даме, которая уже была замужем, хотя мне не хотелось бы, чтобы она была разведена. Короче, вдова для меня лучший вариант. — Он на секунду задержал дыхание, как бы собираясь с духом, после чего добавил: — Хотел бы только надеяться, милостивая государыня, что вы удовлетворены исходом эксперимента так же, как доволен им я.

Он слишком спешит, подумала Ада, а вслух произнесла:

— Я еще плохо вас знаю, господин фон Норинген. Но я очень рада вашим словам. В свою очередь и я могу представить себе только того партнера, который имеет опыт супружеских отношений.

Адриан кивнул. Опыт у него имелся.

— Поэтому я благодарен судьбе за то, что в этом э-э несколько... необычном эксперименте я повстречался вам первым. Это просто счастье, что я познакомился с вами сегодня, — он ухмыльнулся, — а не раньше.

Ада удивленно посмотрела на него.

— Не раньше?

Адриан широко улыбнулся.

— Надеюсь, что вы не обидитесь за маленькую шутку, которую всегда позволяю себе один мой старый приятель, когда видит какую-нибудь вдову. Он говорит: "Благодарю тебя, Господи, что не я на ней женился! Иначе я был бы сейчас на том свете".

Ада смотрела на него несколько секунд с открытым ртом.

Как ты прав, подумала она. Потом рассмеялась громко, от всего сердца, без оглядки на свое вдовствующее положение и почившего Эдгара Джокастера.

Господин фон Норинген посмотрел на нее, облегченно вздохнул и тоже рассмеялся.

— С этим другом я хотела бы познакомиться, — заметила Ада.

Удобный случай для этого подвернулся четыре недели спустя — через четырнадцать дней после обручения госпожи Ады Джокастер с господином Адрианом фон Норингеном.

Доктор Карло Цигаглия был родом из Асконы и уже многие годы являлся адвокатом господина Адриана. Он все делал за своего друга, но, главным образом, дела, в которых требовалось особое чутье.

Опять сидели в эркере салона госпожи Ады и пили шерри, но уже втроем. Доктор выглядел очень изящным, а череп его был так высок, что, казалось, мог вместить всю юриспруденцию.

Цигаглия держал в руках аккуратно завязанную папку и благосклонно смотрел сквозь изящное пенсне на будущую чету.

— Еще раз подведу итог: из состояний обеих сторон в равных долях в банке дель Коттардо открывается общий счет в пятьсот тысяч швейцарских франков. Из этих средств приобретается земельный участок "Квадратная скала" в Ронко. Прежние землевладения не используются. Оставшаяся сумма на счете в банке дель Коттардо предназначается для ведения нового общего хозяйства. Кроме этого, будущим супругам разрешается иметь любые личные счета. Внесенные украшения, — он галантно склонил голову в сторону госпожи Ады, — мебель, домашняя утварь и так далее остаются собственностью лиц, их приобретших. — Доктор отхлебнул шерри из своей рюмки. — В случае ухода из жизни одного из супругов дом и поместье, общее состояние, а также личные счета переходят в собственность оставшейся в живых стороны. — Сделав паузу, он повысил голос. — Так как обе стороны не имеют ни близких родственников, ни каких-либо других наследников, мы делаем дополнительное примечание на тот печальный случай, когда из жизни уйдут оба супруга. Это примечание касается прав наследования. Оставшееся состояние, а также поместье "Квадратная скала", делятся на две равные части. Госпожа Джокастер называет наследницей свою давнюю подругу, госпожу Ирмелу Цирли, писательницу, проживающую в Лугано. Господин Норинген был ко мне так добр и назвал меня наследником своей половины. Ну, надеюсь, наша уважаемая чета будет иметь Божье благословение истратить деньги, которые они заработали за долгие годы своей жизни, в свое удовольствие.

Примечание о личном состоянии великолепно, подумали Ада и Адриан, и каждый надеялся, что другой не догадывается о его мыслях, а право пережившего супруга на наследство было естественным, им пользовалось большинство людей. Совершенно справедливо предполагать, что этот мир первым покинет один из супругов. Ада на основании своего жизненного опыта была совершенно убеждена, что первым будет господин фон Норинген.

И доктор Цигаглия был полностью удовлетворен тем, что ему удалось обоим склонить к последнему примечанию.

— Да, мой дорогой Карло, — сказал господин фон Норинген. — Ты сделал это, как всегда, великолепно.

— Обещайте не забывать нас, приходите почаще, — выдохнула Ада.

Цигаглия обещал.

Адриан неожиданно спросил:

— С леди Чистербир все улажено?

— Все, — ответил Карло. — Она освобождает дом через неделю. Если нам хватит трех недель для необходимого ремонта и обустройства, свадьбу можно праздновать в доме на "Квадратной скале".

Ада положила свою руку на руку Адриана. Он растроганно улыбнулся.

"Да" господина Адриана фон Норингена звучало мужественно и твердо. В образцовом костюме от Штреземана он был почти похож на милого Эдгара, который вот уже чуть больше года отдыхал под своей каменной плитой. Само собой разумеется, год траура был соблюден.

На ресницах Ады висели несколько нежных слезинок и делали звездочки ее глаз еще более прекрасными. Но и ее "да" звучало решительно. Черное платье от портного ей очень шло. Пять нитей жемчуга вокруг шеи свидетельствовали о том, как понимал Эдгар свой семейный долг.

Под звуки органа супруги покинули церковь у озера, немногочисленные свидетели сердечно поздравили их. Потом поехали к Джордино в Брисачо, где был заказан стол на четыре персоны. Доктор Карло Цигаглия сидел слева от госпожи фон Норинген, напротив нее сидела Ирмела Цирли, ее самая давняя подруга.

Ирмела была крупной женщиной. Тяжелое костистое тело, грубость которого продолжалась и в чертах лица, делало ее похожей скорее на сержанта из гвардии Наполеона, чем на литератора, а ее голос подчеркивал это впечатление. Но ее детективные романы, изобилующие убийствами и трупами, приносили ей достаточно денег, чтобы не обращать внимания на свою внешность.

Она обратилась к доктору:

— Значит, вам я буду обязана моей обеспеченной старостью, если вовремя уберу нашу супружескую чету?

Доктор Карло вежливо кивнул.

— Скромно позволю приписать это себе. Мне показалось, что нехорошо думать только о себе в случае внезапного удара судьбы. Поэтому и предложил, чтобы и наша уважаемая милостивая сударыня назвала своего наследника. Ее выбор пал на вас.

Услышав их разговор, Ада заинтересованно спросила:

— Ты хочешь нас убрать?

— Это самый простой путь.

— О-о, — Адриан кивнул, — а на каком методе вы остановились?

Ирмела не отрывала своих восьми диоптрий от артишока, который ей только что подали.

— Ну, в случае супружеских пар многое исключается, и подходит совершенно иное. В моем романе "Умирай скорей, мой любимый" деревенские молодожены попадают в молотилку. Несчастные. Их разорвало на клочки.

— Это, наверно, повысило урожай, — заметил господин фон Норинген. — Но для нас я предпочел бы что-нибудь более оригинальное.

— Озеро предлагает некоторые возможности, — произнесла Ирмела и задумчиво погрузила лист артишока в изысканный соус. — Ах, мне вспомнилось, одну чету я убила с помощью мелко нарезанной индонезийской травы, у которой были крючки типа рыболовных. Я подмешала зелье в соус "камберланд". Последствие — неукротимое желудочное кровотечение. Мучительный конец.

— Вот это будет получше, — улыбнулась Ада.

— Не волнуйтесь. Для вас придумаю что-нибудь, чего еще никогда не было. Я обещаю, — хмыкнула в ответ Ирмела.

Обед прошел в сердечной гармонии.

— Пора уходить, — предложил Адриан после кофе и вишневого наливки. — Давайте оставим время, чтобы не спеша осмотреть дом и окрестности. После этого отдохнем немного. Силы пригодятся нам еще и вечером.

— Могу себе представить, — пробормотала Ирмела. Было непонятно, что она имела в виду.

Огромный английский автомобиль приятно пах кожей. Адриан вел машину со спокойной небрежностью по дороге вдоль берега озера. Озеро блестело рядом с ними. Через двадцать минут приятной поездки дорога повернула от озера, и они попали в смешанный лес каштанов, акаций и кедров. Вскоре справа внезапно появилась стена в человеческий рост из грубых полевых камней. Метров через сто стена кончилась у железных, кованых ворот. Адриан остановил машину.

"Квадратная скала" — гласила мраморная доска.

Ада прижалась к Адриану. Он нежно поцеловал ее в щеку, вышел из машины и открыл ворота. Дорожка раздвоилась. Адриан поехал прямо к гаражу. В нем оказался спортивный автомобиль бежевого цвета с красной обивкой — свадебный подарок Адриана со своего личного счета.

Потом подошли к дому.

— Дорогая Ада, господа, — произнес Адриан не без волнения. — Я намеренно отложил приветственную речь до момента, когда мы приедем в это место. Предлагаю осмотреть его, лелея надежду, что ты, любимая Ада, будешь счастлива в этом доме, и вы, дорогие друзья, будете здесь частыми гостями.

Дом был четырехугольный, в длину больше, чем в высоту, с пальмовой крышей. Шесть окон в два ряда друг над другом. Двустворчатая дверь симметрично разделяла их. А над ней возвышалась маленькая башенка с часами. На часах вычурные стрелки и надпись на латыни.

— "Mors certa, hora incerta", уважаемые господа, — провозгласил доктор Цигалия. — "Смерть неотвратна, час ее неизвестен".

— Глубокая мысль.

— К сожалению, справедливая, — заметил Адриан. — Предлагаю осмотреть сначала участок.

И они отправились в большой сад с цветочными клумбами. Погуляв немного, вернулись к дому со стороны озера, и Ада восторженно захлопала в ладоши. Адриан сделал несколько осторожных шагов вперед. За очень узкой полосой деревьев берег вдруг круто обрывался. Это место было расположено на совершенно гладкой, почти квадратной скале. Отсюда и название поместья. Скала подходила непосредственно к правому заднему углу здания.

Норинген указал наверх. На высоте второго этажа на левой стороне выступало застекленное эркереобразное строение. Оно свободно висело над квадратной скалой.

— Там наверху бар, дорогие друзья. Должен признаться, что его расположение было существенным "за" при покупке этого дома. Выпиваешь, так сказать, свободно паря над озером — в двадцати метрах от поверхности воды.

Ирмела чувственно простионала.

— Чудное место для убийства! Можно было бы встроить проваливающийся люк...

Господин фон Норинген улыбнулся.

— И вид оттуда превосходный. Попозже мы будем иметь возможность насладиться им. Ну, а теперь быстро осмотрим парк и купальню.

Они пошли между клумбами назад.

Тропинка полого спускалась к берегу. Шум бьющихся о берег волн стал сильнее, и вот уже показалось голубое мерцание воды. Ада подбежала к воде и опустила в нее руку.

— Какая теплая!

— А вон там лодочный домик, — сказал ее муж и показал рукой налево, где волны бились о подпорки маленького сарая. — Я позволил себе приобрести маленький катер. Пожалуйста, госпожа Цирли, не хотите ли поразмыслить, как вы могли бы использовать его в ваших целях.

— Утопить! — проворковала Ирмела. — Это старомодно.

Доктор заинтересованно рассматривал табличку недалеко от берега. "Осторожно, змеи!"

— Это только для отпугивания посторонних, — объяснил Адриан. — К сожалению, многие не знают о них.

— Здесь есть змеи? — испуганно спросила Ада.

— Жаль, что их мало, милая моя, — ответила Ирмела. — Например, тессинская горная змея. Она ого-го!

— Господи! А как она выглядит?

— Ну, довольно привлекательно. Около тридцати-сорока сантиметров, до пяти сантиметров толщиной, красноватая или желтая. Крайне ядовитая, великолепная маленькая тварь.

Аду затрясло.

— Откуда ты знаешь эти ужасные вещи?

— О-о, мне надо было в последней книге отправить на тот свет младенца — он принял змею за игрушку.

Господин фон Норинген слегка откашлялся.

— А теперь, мои дорогие, мне придется немного потрудиться.

Все молча последовали за ним назад, к террасе. Адриан широко распахнул стелюжные створки двери, подошел к своей жене и с любовью посмотрел на нее.

— Ада, в моем возрасте это не просто, но я, с Божьей помощью, хочу попытаться.

И, прежде чем она произнесла слова удивления и несогласия, Адриан присел, обхватил ее руками и поднял. Вены вздулись на его шее и напрягли воротничок рубашки, но тот выдержал. Адриан глубоко вдохнул и на деревянных негнущихся ногах пошел к двери. У порога он оступился. Ирмела наблюдала за ним с сатанинским удовольствием. Но господину Адриану удалось снова выпрямиться. Он миновал порог с Адой на руках и осторожно поставил ее на ноги. Лицо его стало красным, как вареный лобстер.

Ада бросилась обнимать мужа.

— Адриан, да ты просто юноша!

— Давайте пройдем по дому, — предложил он, все еще тяжело дыша.

Зашли в широкий, залитый светом вестибюль. Ада восхищенно слушала мужа.

— Я не хочу задерживать вас длинными речами: первая дверь слева ведет в зимний сад, справа через музыкальную комнату мы попадем в бар, который я вам уже показывал. Вторая дверь слева ведет в библиотеку, которую нам придется немного пополнить. Тут я прежде всего имею в виду полное собрание сочинений нашей дорогой подруги, госпожи Цирли. Последняя дверь справа ведет в столовую. Если пойдем прямо, то попадем в переднюю прихожую к главному входу. — Адриан шагнул впереди. Под одобрительные возгласы процессия проследовала на второй этаж. По обеим сторонам располагались по две комнаты для гостей, ванные комнаты — на передней стороне дома. Задняя часть коридора имела только по две двери с каждой стороны. — Здесь, моя дорогая Ада, у каждого из нас будет свой собственный мирок: спальня, ванная комната, салон...

— Отдельные спальни, — пробормотала Ирмела. — Прекрасно. Не могу представить себе, как бы я спала в одной кровати с мужчиной.

Остальные не стали говорить, что и они не могли бы себе этого представить. Адриан показал своему другу помещения, которые он предназначил для себя. В это время до них то и дело доносились восторженные восклицания из комнат Ады. Когда все снова собрались в прихожей, Адриан открыл дверь в следующее помещение.

— А здесь наследство от леди Чистербир. Она безвозмездно передала его мне. Салон с камином и маленькая коллекция древнего оружия.

В комнате не было окон, и Адриан включил свет. У Ады вырвался крик ужаса. Прямо перед ней стоял железный рыцарь с опущенным забралом и угрожающе поднятой секирой.

— Не волнуйся, любимая. Он безопасен. Состоит только из вооружения.

— Посмотри-ка, посмотри-ка, — затрещала Ирмела и удовлетворенно закивала головой. — Количество уголков для смертных преступлений увеличивается. А какие для них великолепные инструменты!

У стен и на стенах стояли и висели алебарды, мечи, боевые палицы, старинные винтовки и арбалеты.

— Вы можете защищаться, если тессинцы вам объявят войну, — сказал доктор Цигаглия и потрогал лезвие одного из мечей. — Тебе нужно только облачиться в это снаряжение.

— Буду сражаться до конца. Ну, а теперь достаточно. Нас ждет бар.

Когда коктейли уже стояли на столе, господин Карло поднял свой бокал:

— Дорогие супруги фон Норинген, я хотел бы быть кратким и просто пожелать вам счастья. Пусть в каждом уголке этого прекрасного дома поселится радость. До последнего дня вашей жизни!

Все слегка кивнули головами и сдвинули бокалы.

Поздно ночью Адриан лежал в облаке пены в ванне, играя мыльными клубами, которые громоздились вокруг него, и обдумывал положение. Он был доволен развитием событий. Все сложилось наилучшим образом. Ада была милым восхитительным созданием. Адриан слышал рядом в ванной Ады плеск воды и улыбался.

В этом месте его размышлений ему вдруг показалось, что он слышит какой-то шорох со стороны коридора. Он поднял голову и прислушался. Плеск за стеной прекратился. Адриан дождался еще немного, потом, улыбаясь, вновь занялся пеной.

Это Ада бегала туда-сюда. Теперь он снова услышал тихий плеск воды и постучал в стену. Тут же раздался негромкий ответный стук. Она была рядом с ним,

в своей ванне, отделенная от него только пятнадцатью сантиметрами стены. Милое дитя.

Адриан поднялся, включил душ и смыл пену с тела. Вытираясь, он выполнил несколько легких гимнастических упражнений, освежающей эссенцией протер кожу головы и лица, тщательно разделил волосы на пробор и при этом подумал о жидких волосах своего друга Карло и об этой Цирли с ее методами убийств. Она когда-нибудь сама себя убьет от воодушевления.

Адриан надел шлепанцы, пижаму и сладко потянулся под ее шелком. Потом выключил свет и пошел к спальне.

Плотно закрыв дверь ванной, он вдруг затаил дыхание. Его рука застыла на ручке двери. Глаза немного сузились, на розовом лбу появились морщины. Он застыл, не двигаясь. Что-то было в комнате не так. Только этот факт дошел до его сознания при первом беглом взгляде на комнату, больше ничего. Он не знал, что это такое было, все стояло на своих местах, ничего не исчезло. Он отпустил ручку и снова осмотрел комнату и кровать.

И тут он увидел это.

На ночном столике лежала книга, которой раньше там не было. Она была открыта, лежала обложкой кверху, и конус света от лампы полукругом освещал темно-зеленый материал ее обложки.

Адриан точно знал, что раньше никакой книги там не было. И все-таки его охватило сомнение. Может быть, он принес эту книгу, чтобы почитать?

Ерунда. Он хотел пойти к Аде. Что это, черт возьми, за книга?

Он медленно пошел вокруг кровати к ночному столику. Остановился, еще раз огляделся — не нарушено ли еще что-нибудь?

Ничего. Только книга.

Адриан поднял ее. На обложке картинка, примитивно нарисованная яркими красками: "Белоснежка и семь гномов". Он держал в руках старое издание сказок братьев Grimm. Адриан медленно сел на кровать и все глядел на заглавие, на картинку, на захватанную, потрепанную обложку. Потом перевернул книгу. Она была открыта как раз на том месте, где начиналась сказка. Заголовок был подчеркнут толстой красной чертой.

"Вестники смерти".

В свете ночной лампы Адриан прочитал сказку о богатом человеке, к которому пришла смерть. Она заявила ему, что скоро заберет его, но богач не хотел умирать и стал с ней торговаться, просил отсрочки.

Наконец смерть согласилась послать ему вестников, прежде чем сама придет за ним. И ушла. Богач ждал, ждал, но никаких вестников не было. Вместо этого он заболел и думал уже, что смерть не сдержала своего слова и заберет его, не прислав своих вестников. Но он выздоровел и продолжал жить. Время шло, ему пришлось перенести еще много болезней, но каждый раз он выздоравливал. Он подумал, что смерть забыла о нем или просто хотела его напугать. Но вдруг смерть снова предстала перед ним.

Богач испугался и напомнил ей об ее обещании.

— Разве я не посылала тебе своих вестников? — спросила она. — Разве не трясла тебя лихорадка? Не мучили боли? Твои болезни и были моими вестниками.

И забрала его с собой.

Адриан растерянно смотрел на маленькую пеструю картинку под последней строчкой, на которой костлявая тащила за собой Богача. Он пытался вспомнить, когда в последний раз читал какую-нибудь сказку. Должно быть, больше пяти-

десяти лет назад. И сегодня, в день своей свадьбы, он снова держал в руках сказку, словно маленький мальчик.

В груди что-то кольнуло. Ладно. Это Ада хотела доставить ему удовольствие. Мило с ее стороны. Вот только почему она выбрала именно эту сказку?

Он встал и крепко завязал пояс халата. Все выяснится. Лампу Адриан оставил включенной. Книгу понес с собой, держа палец между страницами, где начиналась сказка.

Он постоял немного перед дверью в комнату Ады, прежде чем постучать. Голос жены прогнал все мрачные мысли. Она лежала в кровати в прозрачной ночной сорочке, на лице нежно-розовый румянец.

— Нехороший! Почему ты так долго не приходил? Я уже подумала, что ты утонул в ванне.

Господину Адриану был неприятен намек на смерть такого рода. Несмотря на это, он сохранил сияющее выражение лица.

— Да нет, мое сокровище. Мне пришлось прочитать одну сказку.

— Сказку? — Ее лицо выражало недоумение.

Он сел на край кровати, открыл книгу.

— Думаю, тебе она известна, а то бы я прочитал ее вслух. Мне интересно, почему ты отдала предпочтение именно этой сказке?

Ада приподнялась на кровати. Она смотрела на него так, как будто он свалился с луны.

— Я ничего не понимаю.

Он погладил ее по голове.

— Твой сюрприз удался. Очень. Хотя мне казалось, что я все время слышал, что ты в ванной.

— Адриан, что ты говоришь? Слышал, что я в ванной?

Улыбаясь, Адриан поднял книгу.

— Эта книга, дитя мое, лежала на моем ночном столике, когда я вышел из ванной. Гм. Прошло уже несколько десятилетий, с тех пор как я брал сказки себе в постель. Книга была открыта. — Он перевернул книгу и показал заголовок, подчеркнутый толстой красной чертой: "Вестники смерти", братья Гримм. — Прекрасная глубокомысленная сказка. Прочитал с удовольствием. Но удовольствие будет не полным, если ты не поведаешь мне, почему это пришло тебе в голову.

Ада схватила книгу и уставилась на заглавие, затем резким движением вернула ее.

— Адриан, что это такое? Ты серьезно думаешь, что это я принесла книгу тебе в комнату?

— Я все-таки так думаю, сердце мое. Потому что иначе я должен задуматься, кто мог сделать это.

Несколько мгновений стояла тишина. Адриан продолжал улыбаться. Как же мило она лгала.

— Адриан, клянусь тебе, что я не выходила из своей комнаты с тех пор, как мы расстались. Я никогда в жизни не видела этой книги, не говоря уже о том, чтобы класть ее на твой столик. И этой странной сказки я вообще не знаю. Ты меня дразнишь?

— Это была не ты?

— Нет! Я с самого начала не понимала, о чем ты говоришь! О, Адриан, что все это значит?

— Прежде чем я отвечу на твой вопрос — прости меня, дитя мое, — он поцеловал ее в щеку, — прости меня, моя хорошая, я спрошу тебя еще раз: это правда была не ты?

— Правда, не я.

Адриан с неприязнью смотрел на угрожающие слова над красной чертой.

— В таком случае это может обозначать только одно, что...

— Что? Что?

— Что в этом доме, кроме нас, есть кто-то еще.

Ада тихо вскрикнула и закрыла рот рукой. Адриан обнял ее за плечи.

— Успокойся, любимая, все выяснится.

— Адриан, скажи, что это неправда. Ты просто так шутишь.

— Я бы никогда не позволил себе таких шуток.

— Но... может быть, ты что-то перепутал. Может, ты сам взял ее из библиотеки и забыл об этом? Вспомни, Адриан.

— Я сразу взвесил все "за" и "против", А дочка. Это исключено. Наверх мы пошли вместе. И шли не через библиотеку. Ты наверняка помнишь, что у меня не было с собой никакой книги. И никакой книги не лежало на моей тумбочке, когда я вошел в спальню.

— Ты уверен, Адриан?

— Совершенно уверен, любимая. Я бы сразу это заметил. И после обеда там ничего не было, когда мы с Карло осматривали комнату. Я разделся и выкупался, так же, как и ты. А когда вышел из ванной, книга лежала на столике. Открытая. Эта сказка. Эта красная черта под названием.

— Но кто же это творит? Что все это значит?

— Не знаю, дитя мое. Ты ведь поймешь, почему я сначала подумал на тебя. Ты хотела просто надо мной пошутить, положила мне сказку на ночь, как маленькому мальчику. И вот... — Он замолчал, болезненно сознавая, что от него скоро потребуются решительные действия.

— Это была не я, Адриан.

— Я верю тебе. И вспомнил теперь, что слышал какой-то шорох, когда лежал в ванне, пожалуй, из коридора.

Ада бросилась к нему и обняла так быстро, что он чуть не потерял равновесие.

— О, Адриан, что нам делать? Я боюсь.

Я тоже, хотел сказать господин фон Норинген, но прикусил язык. Ничего не делаешь. Нельзя показывать, что тебе страшно. Приходится прямо в первую брачную ночь изображать из себя героя. Он мягко освободился из объятий и решительно встал.

— Не волнуйся, любимая. Я посмотрю. — Адриан схватил книгу и широкими шагами направился к двери.

— Адриан! — жалобно воскликнула Ада. — Не уходи. Я умру от страха.

— Нет никакого повода бояться, моя милая. Запри за мной дверь. Я обыщу дом. Не открывай, пока не услышишь мой голос.

Ада протянула к нему руки. Как она была хороша! Как глупо, что надо обыскивать дом.

В коридоре горел свет, все было тихо. Адриан промаршировал к двери своей спальни. И здесь ничего не изменилось. Он положил книгу на ночной столик и осмотрелся. Куда он дел эту штуку?

Верно. Она должна быть в большом чемодане. Еще обставляя дом, Адриан подумал, что было бы неплохо иметь в доме какое-нибудь ружье. Местность-то мирная, это так, но какое-нибудь отродье могло объявиться там, где его не ждут. Поэтому он приобрел мелкокалиберную винтовку, не дешевую, но великолепную, двадцать второго калибра, под названием "Лонг Рифл", пятнадцать выст-

релов можно сделать, не перезаряжая. Идеальное оружие, не требующее лицензии.

Адриан попросил объяснить действие механизма, сделал несколько пробных выстрелов в тире и с легким сердцем оплатил покупку.

Теперь он входил в свой рабочий кабинет. Большой чемодан стоял в углу, его привезли только вчера, и он был еще не полностью распакован. Адриан открыл чемодан, потом узкий ящик в его глубине. Ружье угрожающе блеснуло хромовыми облатками. Адриан осторожно вытащил его. Были там и патроны. Он разорвал коробку, отсчитал пятнадцать штук и наполнил магазин.

Заряжая ружье, Адриан успокоился. А после того как заполнил магазин, почувствовал себя совсем хорошо. Но, осторожности ради, решил оставить ружье на предохранителе и снять с него только в случае крайней необходимости. Время на это всегда найдется.

Держа большой палец на предохранителе, Адриан опять вошел в свою спальню и открыл дверь в коридор.

Ужас охватил его так мгновенно, что он застыл на пороге, как будто его схватила невидимая рука. Волосы встали дыбом. Он не мог шевельнуться, не мог даже нажать рычаг предохранителя. Правда, не в кого было стрелять.

Просто перед дверью стоял... гроб.

Адриан никак не мог придти в себя. Он все смотрел и смотрел на гроб перед дверью своей спальни. Гроб стоял поперек коридора. Узкая его сторона была направлена прямо на вооруженного мелкокалиберной винтовкой Адриана. Похоронить в таком гробу можно было разве что лилипутика, потому что гробик был длиной сантиметров пятьдесят. Но это был шикарный гробик для похорон по первому классу, точная копия: маленькие серебряные шарниры, маленькие серебряные замочки, а на крышечке — серебряный крестик.

Адриан вышел из оцепенения, снял винтовку с предохранителя, приставил приклад к щеке и прицелился точно в середину креста.

Ни звука.

Вдруг он осознал всю глупость ситуации и опустил ружье. Он больше не мог сдерживать дыхание и шумно вдохнул. Потом взглянул на дверь справа, где в своей постели лежала Ада и молилась за него.

Никого.

Адриан сунул винтовку прикладом под мышку. Сделал два осторожных шага в направлении гробика. Его пальцы ощупали грубое папье-маше. Теперь, с близкого расстояния, он увидел всю безобразную примитивность подделки. Гроб из папье-маше, который размалевали черной акварелью и покрасили бронзовой краской. Жалкое подобие.

Господин фон Норинген резким движением поднял крышку. И его снова пронзил ужас.

В гробу, уютно растянувшись, лежал маленький скелетик. Анатомически идеально выполненный, тоже из папье-маше, как понял Адриан, когда пришел в себя. Пустой череп выражал некоторую веселость. Господину Адриану захотелось разломать череп на кусочки, но ему опять пришлось затаить дыхание: в костлявой ручонке скелет держал кусок бумаги.

Записка легко вытащилась, и Адриан прочитал: "Будь готов! Вестники смерти".

Слова были написаны большими буквами. Они были неприятно похожи на буквы, которыми было написано название сказки, что читал сегодня Адриан. И здесь не забыли провести жирную красную черту.

Адриан вытер лоб тыльной стороной руки. Снится ему все это? Кто разыгрывает перед ним это безобразие в его собственном доме? В свадебную ночь!

Тут он услышал какие-то звуки, справа, из комнаты Ады, и вскочил.

Бело-голубая фигура скользила в его направлении. Адриан отпрыгнул назад и рывком поднял ружье на плечо. Фигура испустила пронзительный крик. Как раз вовремя — Адриан не успел выстрелить.

Это была Ада.

Адриан был на грани нервного срыва. Винтовка опустилась сама по себе.

Ада вскрикнула во второй раз, когда увидела гроб. Адриан отшвырнул его ногой в сторону и свободной рукой обнял жену.

— Но, дитя мое, я же настоятельно просил тебя не...

Она расплакалась.

— Я так боялась, Адриан. Что это за ужасный гроб?

— Бумажный, — мрачно проговорил господин фон Норинген. — Все из бумаги. Наш нежданный гость поставил его перед дверью, пока я был в кабинете и доставал ружье. Вот — это дружеское приветствие тоже было там.

Ада с ужасом прочитала записку.

— Ты слышала что-нибудь подозрительное из своей комнаты?

Она отрицательно покачала головой.

Адриан дико озирался вокруг.

— Он должен быть где-то здесь, поблизости. Я бы только хотел знать, кто это позволяет себе такие шуточки. Но я найду его, ей-богу, и запущу ему все пятнадцать пуль прямо в задницу... Я обыщу весь дом. Ты пойдешь назад, в свою комнату. И на этот раз не выходи, пока я не вернусь.

Ада обняла его за шею.

— Нет, Адриан, я не оставляю тебя одного. Ни в коем случае не позволю тебе идти одному. Я буду с тобой.

— Но, А дочка...

— Я — твоя жена и должна быть рядом.

— Мне придется не только выслеживать непрошенного гостя, но и думать о твоей безопасности, это будет вдвойне трудно.

— У меня тоже есть оружие!

— Да ну! — удивился Адриан.

Ада побежала в свою комнату. Ночная сорочка обвивала ее фигуру. Очень скоро она опять появилась, закутанная в серебристо-пепельный халат. В руке она держала револьвер величиной с зажигалку.

— Вот! Что ты теперь скажешь?

Адриан кисло улыбнулся.

— Боюсь, что тебе придется приставить твой пистолет прямо ему к уху, чтобы хотя бы испугать его, дорогая моя. Но тем не менее... — И вновь Адриана пронзил ужас. Это Ада выстрелила прямо в череп скелета. На метр вокруг него треснула штукатурка. Торжествуя, Ада покачивала револьвером.

— Пусть поостережётся! Пошли!

Адриан с трудом овладел собой.

— Подозреваю, что ты его уже спугнула, сердце мое. Давай осмотрим сначала наши комнаты. Потом с этой стороны пройдем в каминную комнату. Если он здесь, наверху, то не сможет ускользнуть от нас.

В комнатах Адриана не было ничего нового. Большой чемодан стоял в кабинете, каким он его и оставил. Книга лежала на ночном столике нетронутая. Ванная была пуста.

Тот же результат был и в комнатах Ады. При виде кровати Ады Адриан с тоской подумал о своем намерении, которое он хотел бы сейчас, собственно говоря, осуществить, вместо того чтобы носиться с дурацкой винтовкой по всему этому проклятому дому.

Он потянулся губами к уху Ады.

— В оружейную комнату. Ты справа! Я с другой стороны.

Ада молча кивнула. Идеальная союзница.

Адриан прокрался на цыпочках за угол коридора. Открывать дверь бесшумно не имело смысла. Свет в коридоре освещал его со спины, и он появился бы в проеме двери, как кинозвезда на экране. Здесь могла помочь только мгновенная реакция.

Он толкнул дверь и прыгнул на порог. В то же мгновение с другой стороны также молниеносно распахнулась вторая дверь. Появилась Ада. Ее револьвер был направлен Адриану в область живота.

— Руки вверх! — звонко прокричала она.

Адриан отпрыгнул в сторону и нащупал выключатель. При этом он натолкнулся на железного рыцаря. Боевая секира с грохотом покатилась на пол.

Когда вспыхнул свет, они увидели, что, кроме них, в комнате никого нет.

— Боюсь, что так мы никого не поймаем.

— Но все было сделано правильно, — с легким укором ответила Ада. — Если бы он был внутри, он не смог бы убежать!

Она подошла к Адриану и обняла его. Он поцеловал ее в лоб.

— Ну, давай искать дальше.

В комнате все было на своих местах. Оружие висело на стенах, мебель не сдвинута, камин глазел на них своим открытым молчаливым ртом.

Адриан поднял секиру и воткнул ее в железный кулак рыцаря.

— Пойдем дальше. Но с этой минуты мы будем рядом. Держись позади меня, дитя мое.

Они осмотрели оставшиеся комнаты верхнего этажа. Помещения для гостей и слуг были нетронуты, как будто в них уже десятилетия никто не входил. Ада сморщила носик.

— Какой затхлый запах!

— Ты права. Нам надо позаботиться о подходящем персонале. Иначе будет пахнуть еще хуже.

Лестница тихо заскрипела, когда они пошли вниз. Адриан включал все лампочки, до которых только мог дотянуться.

На первом этаже не было следов чужого человека. В комнатах тихо, пусто, убрано.

— Боюсь, что мне надо выпить, — сказала Ада, когда они вошли в бар. — У меня дрожат колени.

— Посиди здесь, — ответил ей муж. — Я хочу еще осмотреть подвал.

— Ты ни в коем случае не пойдешь один, — уверенно проговорила Ада. — Мы начали вместе, и нам надо оставаться вместе до конца.

Адриан не сопротивлялся. Они вошли в кладовку рядом с кухней. Дверь подвала была закрыта на задвижку с внешней стороны.

— Вряд ли кто-то прячется в подвале, если задвижка закрыта с этой стороны. И все-таки посмотрим для порядка.

На них повеяло сухим прохладным воздухом. Все двери и окна были закрыты. Адриан открывал одну дверь за другой, держа перед собой винтовку.

— Здесь никого нет, — заключила Ада.

— Это легко было предугадать, дитя мое. Во всяком случае, мы теперь заслужили нашу выпивку. Пойдем.

Они вернулись в бар. Адриан прислонил винтовку к стене ниши. Потом вытащил лед из открытого деревом холодильника и налил чистое виски на кубики льда. Оба выпили, посмотрели друг на друга и улыбнулись. Адриан тяжело дышал.

— Это хорошо расслабляет. Должен признаться, волнение слишком на меня подействовало. Но, к сожалению, вопрос, как попала эта книга на мой столик, и этот гроб перед моей дверью, так и остался тайной.

— Но что это все может значить?

— Я не знаю, дитя мое. Должно быть, в доме до самого недавнего времени был кто-то чужой.

— Но мы же ничего не нашли!

— Это еще не доказывает обратное. Он мог улизнуть через какое-нибудь окно.

— Они все закрыты!

— Мы же не проверили каждое, дорогая моя. Кроме того, у него могли быть сделаны ключи от одной из дверей. Завтра при дневном свете я осмотрю еще раз.

— Адриан, а если он все еще в доме?

— Вряд ли. Ему удалось обе шутки. Я только не вижу смысла этих...

Ада взвизгнула так внезапно, что он пролил виски себе на колени.

— Адриан, я догадалась! Догадалась!

Господин фон Норинген внимательно посмотрел на жену. Его взгляд не выражал ничего, кроме неодобрения.

— Что с тобой, дитя мое?

— Я догадалась! И книга, и гроб! Это же Ирмела! Это могла быть только моя подруга Ирмела Цирли! Это ее манера преподносить свадебные подарки. У нее в голове одна криминалистика. И она для нас выдумала нечто особенное. Типичная Ирмела.

Адриан крепко задумался.

— Ты, пожалуй, права. Никому, кроме нее, не могло придти эдакое в голову. Она же весь день болтала о методах убийства. Но это не пройдет ей даром.

— И как только она пробралась сюда?

— Об этом, моя дорогая, она расскажет нам сама, — пообещал Адриан. — Я призову ее к ответу.

— Но, дорогой, может быть, мы простим ей, с ее точки зрения, вполне невинную шутку. Не будем из-за такого пустяка портить с ней отношения.

— Будь спокойна. Я найду способ отомстить ей за нашу испорченную свадебную ночь. По крайней мере, мы можем теперь успокоиться и послать несколько часов.

Ни о чем другом супруги и не думали. Каждый направился в свою комнату. Забытая винтовка осталась стоять в нише бара. Перебирая в памяти пережитое, Адриан вспомнил о ней, вернулся в бар, отнес винтовку в рабочий кабинет. Разрядил ее и хотел, было, уложить в футляр, как вдруг опять услышал пронзительные вопли Ады и с винтовкой в руках понесся по коридору. Он должен помочь Аде, пусть даже винтовка и не заряжена.

Ему надо скорее к Аде.

Уже не надо. В дверях своей спальни он со всего маху натолкнулся на нее. Она повисла у него на шее.

— Ты жива! — выдохнул Адриан. — Слава Богу! Я уж подумал...

Ее слезы омочили его халат.

— О-о, Адриан, это было ужасно.

— Что, дитя мое? Что было ужасно?

— В моей ванной, о-о!

Господин фон Норинген немедленно начал действовать. Он провел ее в свой кабинет и усадил в кресло. Потом вновь нашел патроны. Пальцы уже дрожали не так сильно, все получилось довольно легко. Он послал в магазин восемь пуль. Этого должно хватить.

— Останься здесь. Я сразу же вернусь. — Адриан вышел в коридор. Что ожидает его в ванной? Какой-нибудь новый грязный трюк этой трижды проклятой чертовой бабы, этой Цирли.

Дулом винтовки он толкнул дверь в ванную комнату. И сразу увидел, что стрелять было не во что. На верхней подставке душа покачивалась обвислая фигурка человечка. Кукла, наполненная опилками, в костюме разбойника из Аbruццы. С такой же развеселой физиономией, что и у скелетика в гробу, хотя разбойник висел с петлей на шее, как будто палач только что ушел.

Адриан с отвращением рассматривал поделку. Он ткнул дулом ему в живот, но человечек продолжал радостно скалиться. Только теперь Адриан заметил на груди куклы записку. И в третий раз за эту ночь увидел грубые буквы и красную черту под ними.

“Скоро вы последуете за вашим супругом”.

— Невероятно, — заскрипел зубами господин фон Норинген, схватил куклу и сорвал ее с подставки. — Какое безграничное бесстыдство!

Широкими шагами он промаршировал в свои апартаменты. Ада сидела там, где он ее оставил.

— Я должен сказать, Ада, что твоя дорогая подруга с ее бесконечным чувством юмора...

Ада направила на него влажные виноградины своих глаз.

— Адриан, мне жаль, что я тебя так напугала. Но я открыла дверь, а там эта отвратительная вещь...

— Успокойся. Главное — ты жива и здорова. Ты читала записку?

— Записку?

Адриан перевернул куклу.

— Вот здесь! Теми же буквами, что и в моей записке: “Вы скоро последуете за своим мужем”. Дама ведет себя так, будто я уже мертв! Ты согласна, дорогая моя, что это заходит уж слишком далеко? Решительно, слишком далеко! Мне придется подумать, не стоит ли навсегда отказать госпоже Цирли в посещении моего дома. — Он замолчал и застыл. В его голове молнией пронеслась мысль. — Чердак! — Адриан звонко стукнул себя по лбу. — Мы ведь забыли про чердак! Она должна быть там! На этот раз ей не уйти!

Он бросился вон, прежде чем Ада смогла вымолвить слово. На бегу снял винтовку с предохранителя и понесся вверх по лестнице. Наверху Адриан затаил дыхание. Было темно. Напрасно он шарил в темноте рукой в поисках выключателя. В приступе все нарастающего гнева он вскинул винтовку и крикнул: “Руки вверх! Выходите, госпожа Цирли! Игра окончена!”

Темнота ответила угрожающей тишиной. Адриан собрал все свое мужество. Осмотрительно, шаг за шагом, он передвигался вдоль стены и пытался нащупать выключатель.

Он мог бы поклясться, что она была здесь. Как иначе кукла попала в ванную комнату Ады? Вероятно, Цирли теперь сама испугалась и спряталась.

Тут господину фон Норингену что-то послышалось, и он остановился,

Холодные отвратительные царапающие звуки, совершенно незнакомые, никогда прежде не слышанные, как будто не из этого мира. Адриан не мог вспомнить,

чтобы он когда-либо слышал подобное. На него напал липкий адский страх, и ноги его подкосились.

Звуки набирали силу. Уханье и дребезжание раздавалось все ближе, все более угрожающе. Адриан хотелось убежать, но ноги не слушались его. Тут он вспомнил о винтовке и восьми пулях в магазине и рывком поднял приклад к щеке. Спусковой крючок не слушался, потому что ружье было на предохранителе. Бесчувственными пальцами он снял винтовку с предохранителя. У него не оставалось времени. Звуки накатывались и гремели в его голове. Он потянул спусковой крючок. Грохот залпов наполнил чердак, раскаленные стрелы пуль понеслись из дула винтовки. Адриан стрелял и стрелял, пока не опустошил магазин.

Отвратительные шаркающие звуки еще продолжались, но вдруг прекратились, как будто черт в уголке хотел перевести дыхание, прежде чем броситься на Адриана. И после этого башенные часы чисто и звонко пробили три раза.

— Адриан! — кричала снизу Ада. — Бога ради, что там происходит?

Адриан, шатаясь, пошел к полосе света, которая проникала на чердак из коридора, и слабым охрипшим голосом ответил:

— Ничего, моя любимая. Я стрелял в часы.

— В часы? Зачем?

— Иди наверх, — попросил Адриан.

Теперь он нашел выключатель. Загорелись все лампочки. Вверх по лестнице шла Ада, переливаясь серебром. Она тоже была бледна, как и ее муж. Он взял ее за руку и прошел внутрь чердака. Свет заливал все уголки.

Ирмелы нигде не было.

Адриан взял себя в руки.

— Я не нашел выключатель и стоял в темноте. Тут начала работать звонница часов. Я ужасно испугался и начал стрелять в направлении этих звуков.

— Я чуть не умерла от страха, — сказала Ада. — Я подумала, что ты застрелил Ирмелу... Надеюсь, ты не повредил часы?

— Надо посмотреть.

Адриан нашел следы от пуль. В основном, они попали в ступеньки и в перила.

— И все же ружье стреляет на удивление кучно. А механизм, кажется, цел. Слава Богу, я невысоко поднял дуло.

Ада робко огляделась.

— Но Ирмелы здесь нет! Как же она смогла уйти?

— Черт ее знает. Мне сейчас не хочется ломать над этим голову. Хватит, Ада. Пойдем спать.

Она потрогала его лоб.

— Совсем мокрый. Бедный мой. Сколько всего перенес. Ты проявил такое мужество!

— Ты не меньше, дитя мое. С нами жестоко пошутили. Но завтра я обязательно разберусь, что к чему. Это так же точно, как точно то, что меня зовут фон Норинген.

Они пошли вниз по лестнице. Позади них безразлично тикали часы. Адриан выключил свет. Когда они проходили в дверь чердака, в оружейной комнате что-то глухо громынуло. Ада так сильно ухватилась за Адриана, что порвала свой халат. Адриан закачался. Глаза вылезли из орбит. Он схватил ружье за ствол, рванул вперед, пинком открыл дверь. Ада увидела, что загорелся свет. Потом ее ушей достигла такая ругань, что, несмотря на весь свой страх, она покраснела.

— Адриан, как ты можешь?

Адриан вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

— Этот вшивый железный дурак опять уронил свою секиру, — гневно проговорил он. — Прости мои нехорошие слова, мой ангел, я очень раскаиваюсь. Но я не знаю, смогу ли жить в этом доме, если и дальше так пойдет.

— Успокойся, миленький мой Адрианчик. Все объяснится. Мы переутомились и перенервничали. Наверно, ты прикрепил секиру недостаточно прочно.

— Должно быть, так, — пробормотал Адриан. — Пойдем спать.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросила Ада, когда они уже лежали в постели.

— Никак не могу понять, как она ускользнула. Она же не могла раствориться в воздухе!

— Она на таких вещах собаку съела. Подумай о ее книгах!

— Наверно, так оно и есть. Но завтра, завтра я буду...

Невозможно было услышать, что будет делать Адриан завтра. Голос его затих, голова упала набок. Он провалился в сон.

Господин фон Норинген держал винтовку у щеки и непрерывно стрелял. Он уже выстрелил раз двести, но ему никак не удавалось попасть в скелет, который плясал перед его глазами.

— Разве я не посылал тебе моих вестников? — спрашивал скелет.

У Адриана вдруг вместо ружья в руках оказалась секира, и он попытался разбить череп скелета, но секира была весом с добрый центнер, и он никак не мог ее поднять.

Тут он проснулся.

Ада держала его за руку, нежно трясла ее и улыбалась ему улыбкой, полной любви.

— Доброе утро, мой дорогой. Я бы и дольше дала тебе поспать, ты так сладко спал, но подумала, что было бы замечательно позавтракать вместе.

Адриан непонимающе смотрел вокруг. Переживания прошедшей ночи все еще преследовали его мозг.

— Который час? — спросил он.

— Только что пробило одиннадцать. Часы, и правда, не повреждены.

— Ах да, часы, — пробормотал Адриан и нежно поцеловал ее. — Прости, моя дорогая, я ужасно устал. Да еще невезение с этими...

Ада ответила на его поцелуй.

— Хороший мой, я тоже сразу уснула. А сейчас я готовлю для нас чудный завтрак.

— Правильно. А я оденусь и за это время еще раз осмотрю дом и участок вокруг. Может быть, где-нибудь остались следы, которые выведут твою сочинительницу на чистую воду.

Господин фон Норинген вернулся в свою комнату.

Вещественные доказательства: гроб, скелет и кукла-разбойник — все были налицо. Он нашел оставшиеся патроны, заново зарядил ружье, оделся и начал обход.

На чердаке он еще раз рассмотрел следы своей скоропалительной пальбы. Часовой механизм не был поврежден. Ничто не указывало и на взломщика.

В каминной комнате рыцарь стоял, как он его оставил после своей неприличной ругани. Адриан поднял секиру, воткнул ее под железную руку и пробормотал:

— Идиот чугунный!

Он не нашел ничего, чего бы не заметил еще ночью. Поиски в других комнатах и на первом этаже тоже не принесли успеха. Ни в подвале, ни на террасе он не увидел ничего подозрительного.

Как же госпожа Цирли все это проделала? Может быть, она бывала в этом доме раньше и хорошо знала его? Может, ей был известен какой-нибудь потайной ход, о котором никто не знал.

Ну, он заставит ее все сказать. Сегодня же.

Адриан повесил ружье на плечо и пошел дальше. Он шел тем же путем, каким вчера вел своих гостей. Мягко кружась, дорожка вела вниз, к пляжу. Он осмотрел лодочный домик и ничего не нашел. Взглянул на табличку, предостерегающую от змей, хотя их тут никогда не видели, и пошел вверх к дому. Над ним начали звонко бить часы. Он остановился и посмотрел вверх. Солнечные часы ласкали надпись: "Mors certa horra incerta" — "Смерть неизбежна, час ее неизвестен".

Адриан вспомнил, как его друг Карло переводил эту фразу госпоже Цирли, и вдруг среди ликующей природы увидел перед собой книгу и сказку о вестниках смерти. Смерть взяла богача за руку и увела с собой...

Не стоял ли за всем этим Карло? Из-за завещания? Нет, невозможно. Не мог это быть Карло.

Вдруг он почувствовал, что голоден, и пошел назад к дому. Из одного из кухонных окон махала белая ручка.

— Готово, мой дорогой! Иди сюда!

Адриан зашагал быстрее. Он был весел и беззаботен. Еще одно маленькое усилие, и все прояснится — тайна будет вырвана из цепких рук госпожи Цирли.

— Что-нибудь нашел? — спросила Ада, наливая кофе в его чашку.

Адриан с наслаждением вонзил зубы в бутерброд с медом.

— Замечательная женщина, госпожа Цирли. Я все еще не понимаю, как она это сделала. Надо признать, что шутка ей удалась.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь...

Ада энергично подняла руку.

— Подожди, извини, что перебиваю, давай я к ней схожу.

Адриан внимательно посмотрел на жену.

— Ты хочешь...

— Будет лучше, если пойду я, Адриан. Она не станет мне лгать. А если пойдешь к ней ты, то я не знаю. И если она признается, я могу позволить себе более резкие слова, чем ты. Я знаю ее, как свои пять пальцев.

Адриан покачал головой.

— Ну-у, очень мило с твоей стороны, что ты хочешь внести свою лепту в решение этого вопроса. Тем не менее, я это считаю больше мужским делом. Некоторые вещи ей надо разъяснить довольно жестко...

— Не забудь, что у тебя нет доказательств. И если мы обвиним ее несправедливо, для меня это не будет так мучительно, как для тебя.

Господин фон Норинген вынужден был признать, что его жена права. Ему вспомнилось, что и ночью он сыграл далеко не блестящую роль. Если он еще и от Цирли получит от ворот поворот, позор будет полный.

— Я не хочу с тобой спорить, любимая, — произнес он дружелюбно, — тем более, что подозревать начала ее именно ты.

— Конечно, и, поверь мне, я устрою ей хорошенькую головомойку, если все это устроила она. Можешь на меня положиться.

Адриан закончил свой завтрак в наилучшем расположении духа. Потом провёл жену до гаража. Маленький автомобиль приветливо заурчал.

Адриан махал рукой, пока она не выехала на улицу, ответил на ее воздушный поцелуй и проводил взглядом ее развевающуюся косынку.

Ада ехала по яркому ландшафту. Ветер щекотал ее кожу. Она доехала до Асконы, потом проехала по ней почти до другого конца.

Ирмела жила в маленьком сельском домике, немного в стороне от всех, в полном уединении, как это и полагалось при ее профессии. Ада припарковала свой автомобиль у забора, увитого плетистой розой, и позвонила. Из домофона раздался голос Ирмелы:

— Да?

— Это я, призрак мой ночной!

Что-то затрещало, и дверь открылась. Появилась лошадиная физиономия Ирмелы.

— Иди сюда, моя дорогая.

Ада поздоровалась с ней и прошла в дом. Беспорядок был фантастический. В рабочем кабинете Ирмелы у окна стоял огромных размеров письменный стол, на котором возлегло центнера два бумаги. Вокруг громоздились целые стены из закрытых, тоже бумагой, книг, многие метры которых были созданы самой Ирмелой.

Обе дамы уселись за стол, уставленный оставшейся после завтрака посудой.

— Как поспала? — спросила Ирмела. — Первая ночь в собственном доме.

— Благодаря твоим очаровательным сюрпризам, не очень хорошо, — ответила Ада.

Дым кружился от кончика сигареты Ирмелы.

— Сюрпризам?

— Ирмела, — решительно начала Ада. — Я с трудом удержала Адриана, иначе он сидел бы сейчас здесь. Он был очень, очень зол. Три четверти ночи мы глаз не сомкнули...

— Было бы мило с твоей стороны, если бы ты объяснила мне, о чем говоришь.

— Сначала эта чудная книга на ночном столике Адриана! Перед дверью его спальни стоял гроб со скелетом внутри! В моей ванной висела безобразная кукла в костюме разбойника с надписью, что я скоро последую за моим мужем — ночью кто-то был в нашем доме! Скажи, что это была ты! Мы уже достаточно наволновались. Бедный Адриан!

В веселых глазах Ирмелы появилась чертовщинка.

— Кто-то в доме? Очень интересно! Ты должна рассказать мне обо всем поподробнее.

— Не делай вид, что ничего не знаешь. Это отвратительно! Расскажи, в конце концов, как ты все это устроила. Если бы ты видела, как я была напугана, тебе бы сейчас не было так весело. Как ты вошла? Где пряталась?

Ирмела всхлипывала от смеха.

— Я вообще не входила, дитя мое. А была я до восхода солнца у Франчези. Чудное зрелище!

— Ирмела, ты врешь.

— Нет, в нашем с тобой случае было бы ложью, если бы я сказала, что была у вас.

Ада разочарованно смотрела на Ирмелу.

— Это была не ты?

— Не я, дорогая моя. К сожалению. Я бы очень хотела, чтобы это была я. Я могла бы тогда этим гордиться. Но я от вас поехала прямо к Франчези. Добрый Франчези подтвердит. Хочешь, позвони ему!

Ада не произнесла ни слова.

— Признаюсь, очень польщена тем, что вы подумали сразу на меня. Очень благоразумно с вашей стороны. И я тоже подумала бы на себя. Сказки братьев Гримм. "Вестники смерти". Превосходно!

— Да, но кто же тогда?.. Тогда это может быть только Цигаглия!

— Карло — адвокат. Боюсь, что и здесь тебя ждет разочарование.

— Я сейчас же поеду к нему.

— Это бессмысленно, милая моя. Он был со мной у Франчези и не чувствовал никакой усталости. Вместо этого он чувствовал жажду. Я охотно приняла приглашение. Франчези был очарователен.

Ада молчала. Она знала, что Ирмела говорит правду. Не было никакой нужды звонить Франчези.

— Пожалуйста, дай мне сигарету.

— С удовольствием, дорогая.

Ада торопливо закурила.

— Но ради всего святого, кто же это тогда был? Кто на такое способен? И зачем? Что значит этот вздор и смешные угрозы?

— Ну-у, тут есть много вариантов. Из этого всего может получиться миленький шантаж. Такое бывает частенько. Я это применяла уже несколько раз. Вон там, видишь книгу "Смерть после медового месяца"? Я с удовольствием дам тебе ее почитать, если ты...

— Ах, Ирмела, лучше скажи, что нам теперь делать?

— Пока не очень-то многое можно предпринять, сердце мое. Только ждать. Если это была шутка одного из знакомых, то она больше не повторится. А если за этим стоит что-то более серьезное, то случится еще что-нибудь. — Ирмела удовлетворенно облизала губы, предвидя возможные последствия. — Совершенно уверена.

— Тогда я расскажу обо всем полиции, — решительно заявила Ада. — Сейчас же.

— Полиции? — Ирмела презрительно скривилась. В своих книгах она работала исключительно с частными детективами. — В полиции посмеются над тобой. А сделать они ничего не могут. До тех пор, пока у тебя не появятся серьезные происшествия вроде взлома или пары трупов, они и пальцем не пошевелят.

— Но что-то же нужно делать, — беспомощно проговорила Ада. — Знать, что в доме чужой... Ты была моей последней надеждой! Что я скажу Адриану?

Ирмела проницательно посмотрела на Аду.

— А не мог твой разлюбленный муж сам позволить себе эти шуточки?

Ада не сразу поняла, о чем она. Потом нервно рассмеялась.

— Адриан? Это невозможно! Тебе надо было бы видеть, как он на все это реагировал. А чего он хотел этим достичь? И, между прочим, куклу в моей ванной он никак не мог повесить. Это исключено. У него не было возможности пойти в мою комнату. Мы все время были вместе.

— А подельник?

— Ой, Ирмела, ты опять вся в своих романах. Адриан не имеет с этим делом ничего общего!

— Хочется надеяться, хорошая моя, — зло покосилась Ирмела. — Уже произошли самые странные вещи. В настоящий момент я тебе ничего не могу посоветовать, кроме как ждать и держать ухо востро. И если ты хочешь, я как-нибудь осматриваю все в вашем доме. Скелет безумно заинтересовал меня.

Ада встала.

— Уже пора обедать. Не хочу тебя больше задерживать.

— О-о, ты меня совсем не задерживаешь. И было бы очень мило с твоей стороны, если бы ты держала меня в курсе. Я чувю интригу для нового романа.

Ирмела проводила Аду до садовых ворот. Машина тронулась. Ада коротко кивнула. Ирмела не пошевелилась. Только зло сверкнули стекла ее очков.

Господин фон Норинген, чрезвычайно обеспокоенный, направился к телефону и провел несколько переговоров. После этого он сел за обеденный стол рядом со своей женой.

— Все правда, дитя мое. Они были целую ночь у Франчези, с тех пор как уехали от нас. Я говорил и с Карло. Он просто обескуражен нашими событиями.

— У него есть идея, как это все объяснить?

— Ну, он кое-что сказал, что мне кажется вполне разумным. За всем этим могут стоять люди, которые хотели купить этот дом, а теперь не могут простить леди Чистербир, что она продала его нам. Мы все-таки здесь чужие, и, вне всякого сомнения, среди старожилов могли быть люди, заинтересованные в приобретении этого дома. Карло свяжется с леди Чистербир, чтобы узнать, кто еще хотел купить дом. Я думаю, что таким путем мы продвинемся в этом деле.

Ада протянула через стол свою руку и положила ее на руку Адриана.

— Милый, как хорошо, что ты об этом думаешь. Я так волновалась, после того как Ирмела оправдалась. Она еще смеялась надо мной.

— Подруги, — пожал плечами Адриан. — Что можно от них ждать... Я помогу тебе убрать посуду, дитя мое. А мыть не надо, потому что полोजе придет служанка. Я нанял ее на три часа в день. Если она тебе понравится, мы возьмем ее на постоянную работу. Кроме нее придет еще садовник. Он будет появляться один раз в неделю. — Адриан прищурил глаза. — Наверно, будет лучше, если мы за ними все-таки будем присматривать. Хотя они и получили рекомендации от леди Чистербир, но кто их знает.

Они отнесли посуду, потом Ада приготовила кофе. Неожиданно в дверь позвонили.

— Это, наверно, они, — сказал Адриан. — Извини меня, пойду открою.

Садовник оказался угловатым гигантом с простодушными глазами, из речей которого можно было понять только половину. Служанка — кругленькая и бодрая. Ее звали Трудели. Аде пришлось узнать все о ее родственниках уже в первые пятнадцать минут.

— Как тебе Трудели? — спросил Адриан, когда слуги ушли.

— Немного напрягает. Но думаю, можно ее оставить. А как тебе садовник?

— Как раз то, что нам нужно.

— Он тебе не показался подозрительным?

— Нисколько. А как было с Трудели?

— Никак. Безобиднейшее существо... Ну, а что мы сегодня будем делать?

Адриан улыбнулся.

— Я предлагаю сначала погулять по парку и пораньше лечь спать. Перед этим я пройду по дому и запру все двери. В этот раз нас не одурачит ни один призрак.

После ужина Адриан достал свое ружье, тщательно его осмотрел. Обошел парк, пока Ада прибирала на кухне, а затем ждала его в баре.

— Ну?

— Абсолютно ничего.

Они обошли весь дом, закрыли все окна и двери.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес Адриан, — наш ночной покой обеспечен.

Ада украдкой зевнула.

— И заслуженно.

— Я сейчас же буду у тебя, любимая.

Ада исчезла, махая ручкой. Попозже Адриан пошел к ней. Он услышал, как она подошла к двери и повернула ключ.

— Я заперла дверь на замок.

— Очень благоразумно, дитя мое. Все в порядке?

— Да.

— У меня тоже. Думаю, что наши меры дают о себе знать. Если вообще планировались другие козни.

— Ты опять с этим кошмарным ружьем?

— Ну, — усмехнулся Адриан, — само по себе оно не выстрелит. Пойдем в постель.

Ада, блестя глазами, кивнула.

Комната погрузилась в темноту. Только через несколько мгновений они смогли различить бледный четырехугольник окна. Занавески слегка шевелились.

— Ты оставила окно открытым?

— Да, Адриан, оно полуоткрыто. Иначе задохнешься.

— Ты права.

Внезапно Ада повернулась к нему. Он почувствовал ее руки вокруг своей шеи и тоже повернулся к ней. И тут дом пронзил звонок у ворот. Супруги так вздрогнули, что кровать жалобно скрипнула. Звонок прервался и завизжал вновь.

— Включи же свет, — сердито проговорила Ада.

Ругаясь, Адриан нащупал пальцами лампу.

Оба сели прямо в кровати. Ада закрыла руками рот и смотрела на дверь. Адриан — на винтовку на стуле. Через короткие промежутки звонок взвизгивал снова и снова.

— Не знаю, сколько я здесь еще выдержу, — сердито бросил Адриан. — Кажется, мы допустили ошибку.

Нервы Ады оказались на этот раз крепче.

— Не говори так, любимый. Может же иногда кто-нибудь позвонить.

— Только не в это время!

— Может быть, к нам кто-то приехал. Что-нибудь важное. Адриан, я уверена, что это связано со вчерашним розыгрышем. Может, это Ирмела или Карло? Они, определенно, что-то разузнали. Кто еще мог заявиться к нам так поздно?

Адриан уставился на жену, наморщив нос.

— А вдруг господин с гробом придумал новый трюк? И хочет нас выманить.

— Я так не думаю. Тогда ему незачем звонить нам. Давай посмотрим, кто там. Этот перезвон сводит меня с ума.

Адриан гневно опустил с кровати ноги.

— Но парню придется иметь дело со мной, если ему опять вздумается шутить.

— Мы пойдем вместе, — воскликнула Ада и отбросила одеяло. — Я возьму револьвер.

Муж растроганно посмотрел на нее.

— Ты такая мужественная, любимая моя. Пойдем же.

Они набросили на себя пару вещей. Перезвон все еще тиранил их уши.

Адриан схватил винтовку и отправил первую пулю в ствол. Они побежали по коридору к лестнице. Ада на ходу включала все лампочки.

— Завтра я посмотрю, как можно отключить этот проклятый звонок. До костей достает, — заметил Адриан.

Площадка перед домом была ярко освещена, и ряд светильников с двух сторон окаймлял дорожку к воротам.

— Из нас получается превосходная мишень, — пробормотал Адриан.

— А разве нельзя открыть ворота, не выходя из дома?

— Можно, если бы я не закрыл их еще и на засов. Лучше тебе туда не ходить.

— Я не оставлю тебя одного.

Под их ногами скрипел песок, и теплый ночной ветер развеивал халаты. Неожиданно перед ними появились ворота, и они остановились. Адриан с шумом вдохнул.

— Кто там? — взревел его голос.

С другой стороны ответили высоким дискантом:

— Это я! Я! Леди Чистербир. Мистер фон Норинген, это вы? Ах, мне так жаль...

— Мы должны впустить ее, — прошептала Ада. — Может быть, она сможет нам что-либо объяснить!

Адриан согласно кивнул.

— Дай мне ключ, да, вот этот, большой. Слава Богу, что она теперь больше не жмет на звонок!

Адриан с трудом повернул ключ в увесистом замке, после чего открыл засов.

Перед воротами стояла фигура в развевающихся одеждах. Леди Чистербир походила на шотландку со старой гравюры: на ней был дождевик и шляпа, напоминающая берет. За ней, на мостовой, стояло такси с зажженными габаритными огнями. Она подошла поближе.

— Мистер фон Норинген, вы что, на кого-нибудь охотитесь?

— Да нет... Мы... Идите сюда, леди Чистербир. Это моя жена.

— Какой восхитительный халатик! — проворковала леди Чистербир. — Мне очень приятно, миссис фон Норинген. Так не хотелось вас беспокоить, но во всей Асконе в гостиницах нет ни одного свободного номера. Я и подумать не могла. И не забронировала номер, представляете? Я бы пришла к вам завтра, в более подходящее время. А сейчас вы — моя единственная надежда. Иначе мне придется ночевать в зале ожидания! — Она скорчила мину обиженной герцогини.

Ада очаровательно улыбнулась.

— Ну, я думаю, что у нас хватит места для леди Чистербир. Не так ли, Адриан?

— Само собой разумеется, леди Чистербир. Пойдемте, миледи.

— Одну минуточку, мне надо отпустить это ужасное такси. О-о, это будет стоить целое состояние.

Адриан хотел предложить ей заплатить за нее, но вовремя вспомнил, что при нем нет денег.

— Я возьму ваш багаж. Ада, будь добра, поддержи ружье.

Теперь Ада была вдвойне вооружена — винтовкой и револьвером.

Адриан пошел за леди Чистербир и ухватился за чемоданы. Такси взревело и удалилось. Ада закрыла ворота и задвинула засов.

— Вы ведь уже были в постели, — жалобно заговорила леди Чистербир. — Если бы я только знала. Это просто скандал.

— О-о, всего лишь пять минут, — ответила Ада. — Не стоит говорить об этом. Очень хорошо, что приехали именно вы. Надеюсь, вы у нас погостите.

— Как мило с вашей стороны, что вы мне это предлагаете. Но завтра вечером мне надо ехать в Женеву. Нужно переночевать только эту единственную ночь. Поэтому я и не заказала гостиницу. Так нелепо все получилось.

Адриан с удовольствием поставил бы чемоданы и передохнул немного, но надо было держаться.

— Скажите мне, ради Бога, зачем вам все это оружие? — спросила леди Чистербир. — Боитесь взломщиков? За восемь лет, которые я прожила здесь, не было ни одного. В конце я даже злилась.

Ада и Адриан обменялись взглядами.

— Взломщиков не было, — пыхтя, проговорил Адриан. — Это вызвано другими обстоятельствами. Хорошо, что вы здесь, леди Чистербир. Произошли некоторые странные вещи. Быть может, вы сможете помочь нам понять, что, собственно говоря, происходит.

— Странные вещи? — удивленно воскликнула леди Чистербир. — В первый раз слышу об этом доме что-либо подобное. Я хотела бы, чтобы со мной произошло что-либо удивительное.

Ада открыла дверь и первой прошла в дом. С силой выдохнув, Адриан поставил чемоданы.

— Надо же, как мило вы все здесь обставили! — воскликнула леди Чистербир.

— Надеюсь, что вы чувствуете себя здесь, как дома, — ответила Ада. — Наверно, вы хотите привести себя в порядок. Мы тоже быстренько оденемся и посидим в баре. Ты не против, дорогой?

— Совершенно правильно, дитя мое.

Адриан вновь ухватился за чемоданы и потащил их вверх по лестнице. Дамы последовали за ним. Леди Чистербир заняла комнату для гостей на стороне Ады.

— Не хотите ли перекусить? — предложила Ада.

Леди Чистербир была согласна. Она проголодалась.

Адриан не спеша оделся. Он взял с собой все, вплоть до куклы-разбойника из ванной комнаты Ады. Когда он вышел в коридор, почти одновременно вышли из своих комнат Ада и леди Чистербир.

— Что это у вас в руках, господин Норинген? Хотите поиграть в кукольный театр?

— Это связано с нашей странной историей, которую мы хотели бы вам рассказать. Но и у вас что-то в руках?

— Я хотела навестить вас завтра утром и преподнести вам мой маленький свадебный подарок, — сказала леди Чистербир. — Это старая картина из Шотландии. Портрет какого-то родственника. Конечно, его давным-давно нет в живых. Мы владели этой картиной более двухсот лет.

— И вы хотите расстаться с ней? — спросил Адриан. — Мы никак не можем принять такой подарок.

— Вы возьмете ее, мой дорогой. Неужели вы думаете, что я потащу ее обратно? Нет-нет, никаких отговорок! А теперь пойдемте. Я, наконец, хочу услышать вашу историю.

Они пошли вниз. Адриан осторожно поставил картину к стене в курительной комнате.

— Я сейчас же к вам вернусь, — быстро шепнула Ада. — Начинай рассказывать.

— Что позволите вам налить? — спросил Адриан.

— Виски, — решительно настояла леди Чистербир. Она сидела на высоком стуле у стойки бара и разглядывала бутылки. — У-у, я вижу "Старого контрабандиста". Давайте его.

— И я его люблю, — ответил Адриан. И вкратце поведал, что с ними случилось. Леди Чистербир слушала с большим интересом.

— Это не подруга моей жены, — закончил рассказ Адриан. — И теперь у нас другая версия, не мог ли это все устроить человек, заинтересованный в покупке дома, чтобы испортить нам таким образом удовольствие обладать им.

— Но больше не было никого, кто хотел бы купить этот дом! — воскликнула леди Чистербир.

Адриан растерянно посмотрел на нее, медленно опуская в фужеры кусочки льда.

— Никого?

— Да нет же. Я обратилась по поводу продажи к доктору Цигаглия. И он сразу связался с вами.

— И никто не знал о ваших намерениях?

— Никто вокруг. Только несколько родственников в Англии.

— И не было официального объявления?

— Не было никакой необходимости, потому что вы сразу решили покупать. Я радовалась, что все так быстро устроилось.

Адриан задумался, покусывая нижнюю губу. Виски золотистыми струйками полилось в фужеры на кусочки льда.

— Да, но тогда... — беспомощно пробормотал он. — Простите меня, но это была наша последняя и единственная возможность объяснить произошедшее. Может быть, здесь есть еще кто-нибудь, кому мы не нравимся?

— Ну что вы, дорогой мой! Людям совершенно все равно, кто живет в этом доме. Нет ли у вас самого какого-либо врага? Или у вашей жены? Некоторые люди очень злопамятны.

Адриан знал, что такое возможно, но не проронил ни слова.

Вошла Ада с серебряным подносом в руках.

— Подумай только, — обратился к ней муж, — леди Чистербир никому не говорила о своем намерении продать дом. Никаких конкурентов, кому можно было бы приписать все события.

— Нет? — Ада выглядела такой же растерянной, каким только что был он. Она в смятении переводила глаза с одного на другую, потом на фужеры с виски. Глаза леди Чистербир последовали за глазами Ады.

— Ну, я предлагаю сначала немного выпить. — Твердой рукой она ухватила фужер. — Может, это поможет нам придумать еще какую-нибудь подходящую версию. Я хотела бы выпить это замечательное шотландское виски за молодоженов!

И тут одновременно произошло несколько вещей.

Леди Чистербир отпила от своего виски большой глоток. Адриан поднял ко рту свой стакан. Ада поставила поднос и взяла свой фужер. Адриан посмотрел на леди Чистербир и увидел, как исчезает с ее лица одухотворенное выражение. И еще он вдруг почувствовал в нежном аромате изысканного напитка чужеродный отвратительный, смертельный запах.

Горький миндаль.

Леди Чистербир закашлялась.левой рукой она ухватила за топаз своей золотой брошки на шее. Фужер упал на пол.

— Ада! — в смертельном страхе закричал Адриан. — Не смей пить!

Ада не пила. Глазами, полными ужаса, она смотрела на леди Чистербир. Лицо пожилой дамы слегка покраснело. Все морщины застыли. Ее тряс кашель. Она хватала ртом воздух, потом потянулась вверх, как будто кислород, которого ей не хватало, был над ней. Затем скорчилась. Ее руки обхватили стул, на котором она сидела, тело рухнуло на него, стул опрокинулся. Леди Чистербир покатила в сторону. Теперь ее кожа имела синевато-желтый оттенок. Она хрипела, все меньше, все ти-

ше, пока совсем не затихла. Глаза были широко открыты и смотрели сквозь потолок.

Ада закричала, уронила свой фужер, побежала вокруг стойки к мужу и прижалась к нему.

Адриан стоял, как вкопанный. Он видел перед собой скончавшуюся женщину, книгу, гроб, и у него было ощущение, что лед лежит не в фужере, а у него между лопатками.

— Это все, комендант, — слабым голосом произнес Адриан. Комендант Сталакарро был полковником полиции кантона. Он с омерзением смотрел на бутылку виски, из которой наливал господин Норинген. В углу сидела рыдающая Ада. Несколько помощников ходили по бару. Один из них, с всклокоченными волосами, фотографировал труп.

— Мы были сегодня вечером на волосок от того, чтобы выпить это виски, — объяснял господин Норинген. — Перед тем, как пойти спать.

— А почему вы этого не сделали?

— Мне захотелось коньяку. И моей жене тоже. И вот... — Адриан сглотнул. — Бедная леди Чистербир.

Сталакарро наклонился. Осторожно откинул крышку гробика. В нем, улыбаясь, возлегал скелет. Глаза Сталакарро осмотрели записку, потом куклу-разбойника. Он взял со стола книгу, полистал ее и пробормотал:

— Вестник смерти. Гм, шуткой назвать все это нельзя ни в коем случае.

— Я полностью поддерживаю ваше мнение, — вытолкнул из себя Адриан. — А я в эти места отправился, собственно говоря, чтобы обрести покой!

— Я тоже, — ответил Сталакарро. — Ну, там видно будет. Леди Чистербир не предупредила о своем приезде?

— Она приехала, как снег на голову. Мы были уже в постели.

— Она ничего не говорила о цели своего приезда?

— Ничего. Только то, что завтра вечером должна отправиться дальше в Женеву.

— Ей что-то надо было уладить, — добавила Ада. — Но что, мы не знаем.

— Возможно, ей надо было к доктору Цигаглия, — предположил Адриан. — Может быть, что-нибудь, связанное с продажей. Я не могу этого сказать.

— Дайте мне адрес господина Цигаглия. И госпожи Цирли тоже.

Адриан продиктовал, и полковник Сталакарро аккуратно записал адреса.

— Здесь у вас больше нет знакомых?

— Нет. Садовник и прислуга заходили сегодня. — Ада назвала и их адреса.

Люди Сталакарро закончили свою работу. Труп леди Чистербир был вынесен. Ада провожала носилки опухшими глазами.

Сталакарро потер подбородок. Он опять рассматривал бутылку виски.

— С очень большой вероятностью можно предположить, что виски препарировал тот же человек, который подбросил книгу и куклу. Совершенно точно, что все эти акции были предназначены вам обоим — не леди Чистербир.

— Но кто все это устраивает? — отчаянно воскликнула Ада.

— Я этого не знаю, уважаемая госпожа. Мы обыскали весь дом, сверху донизу. Но до сих пор не нашлось никакого доказательства, что в дом проникал кто-либо посторонний.

Адриан выпрямился.

— Что вы хотите этим сказать?

Сталакарро улыбнулся, как бы прося прощения.

— Это, например, могло означать, что таким продуманным способом вы и ваша жена убили леди Чистербир.

Господин фон Норинген возмущился.

— Я запрещаю вам такие шутки.

Сталакарро продолжал улыбаться.

— Вы не можете за это обижаться на меня. Криминалист думает сразу в нескольких направлениях. Это в определенной мере его обязанность. Конечно, здесь мог побывать и чужой, следы которого ускользнули от наших поисков. А то, что один из вас хотел бы убить другого, довольно неправдоподобно. Но возможной надо предполагать и версию, что вы оба инсценировали эти смешные угрозы, чтобы вызвать впечатление, будто синильная кислота предназначалась вам. И потом, вы предложили леди Чистербир виски, а сами ничего не пили. Вам понятен ход мыслей?

Адриан опустился на стул и промокнул себе лоб.

— Но это же полный идиотизм! Зачем нам убивать леди Чистербир?

На лице Сталакарро появилась озабоченность.

— Вот именно. Это как раз и не сходится: у вас нет мотива. Покупка ведь оплачена?

— Три недели назад.

— И у вас не было больше никаких обязательств по отношению к леди Чистербир?

— Ни единого.

— Вы были знакомы с ней раньше?

— Я впервые увидел ее на переговорах у доктора Цигаглия.

— Действительно, непонятно, почему вам нужно было убивать леди Чистербир, — пробормотал Сталакарро.

Ада облегченно вздохнула.

— Что же теперь будет? — сдавленно произнесла она.

— Мы изучим все данные, уважаемая госпожа. Я прикажу незаметно наблюдать за вашим участком. Если вам будет угодно, я могу оставить постового в вашем доме, по крайней мере, на следующие три дня. А вы будете сообщать мне обо всех, даже самых малейших происшествиях.

— Я не знаю, останемся ли мы здесь, — сказала Ада и посмотрела на своего мужа.

Он кивнул.

Сталакарро опять улыбнулся.

— Я бы не стал так сразу сдаваться. Теперь за дело взялись мы. Ведь произошло убийство.

— А вы можете заверить нас, что не произойдет второе? — горько спросил Адриан.

Сталакарро встал.

— К сожалению, нет.

Над озером сгустились сумерки, когда все четверо ушли с террасы. Ада пригласила гостей в курительную комнату. Адриан аккуратно отрезал кончик бразильской сигары.

— Прошу вас не помнить зла за то, что я подозревал сначала вас, — обратился он к госпоже Цирли, которая села напротив него. — Вы так весело посвящали нас в разные методы убийств. Вот мы и подумали, что это вы хотели с нами так мрачно пошутить. С вашим-то талантом! Правда, любимая?

— Правда. Но Ирмела вовсе не обижается. Извините меня, я присмотрю за пирожками.

— Наоборот! — воскликнула госпожа Цирли. — Я уже говорила Аде, что завидуя находчивости того, кто это сделал.

— И убийству тоже? — сухо спросил доктор Цигаглия.

— Честно говоря, нет. Синильная кислота в виски — такая избитая тема.

— Но каждый раз без осечки, — пробормотал Адриан.

— Как подумаю, что она умерла мгновенно, — просто ужасно.

— От цианистого калия всегда умирают быстро. Кстати, этот полковник очень к вам приставал? — спросила Ирмела у доктора.

— Все нет, — ответил Карло. — Он был очень доволен моими ответами.

— И моими тоже, — воскликнула писательница.

— Леди Чистербир приезжала сюда, чтобы взять оставшуюся от продажи сумму, которую я хранил для нее. К сожалению, она ее так и не получила.

— А что же теперь будет с деньгами? — с любопытством спросила Ирмела.

— На них теперь набросятся родственники, — объяснил адвокат. — Предположительно, из Шотландии.

Пришла Ада и пригласила всех к столу. Она испекла маленькие слоеные пирожки с мясом. Длинный нос Ирмелы ходил ходуном, втягивая их аромат.

Сели за стол. Ада пожелала всем приятного аппетита. Взялись за вилки, но воспользоваться ими не спешили.

— Что такое? — спросила Ада. — Что-нибудь не так? Соуса не хватает? Вот ворчестерский.

Цигаглия смущенно улыбнулся и продолжал ковырять вилкой в тарелке.

— О-о, тысячу раз прошу прощения, всего хватает, правда. Ради Бога, не портите себе аппетит.

— Ты подумал о синильной кислоте? Да? — спросил Адриан.

— Ты угадал.

— Должен признаться, что и я тоже.

— Это смешно, но... — Ирмела приблизила нос к рагу. — Пахнет нормально.

— Как противно! — воскликнула Ада. — Вы сейчас же будете есть! — Она торопливо проглотила три полные вилки рагу и спросила: — Ну?

— Я вижу, что ты жива, сокровище мое, — улыбаясь, проговорил Адриан. — Прости нас. Это все еще сидит в печенках.

Он начал мужественно жевать. Карло немного подождал, глядя на Адриана, потом тоже начал есть. Ирмела еще пошмыгала носом, принюхиваясь, прежде чем медленно начала глотать по маленькому кусочку.

— Я вижу, — заметил Адриан, — наш детектив тоже не торопится.

— Я никогда ничего не имею против того, чтобы умерщвлять других, — ответила Ирмела. — А самой умереть не хотелось бы. Но рагу восхитительно, А дочка.

До конца трапезы царил молчание. Когда тарелки опустели, Ада посмотрела вокруг.

— Я вижу, все еще живы.

— Как мило с твоей стороны, что у тебя еще хватает чувства юмора, — улыбнулся Адриан. — А теперь без страха выпьем виски.

Они встали. Доктор Цигаглия извинился и пообещал скоро вернуться. Через вестибюль он пошел к туалету. Еще не совсем стемнело. Цигаглия не стал зажигать свет в маленькой комнате. Он обдумывал события. Его взгляд упал на противоположную стену. В нижнем углу промелькнула чья-то тень.

Сначала Цигаглия подумал, что ему показалось. Мало ли что привидится в сумерках. Он напряженно смотрел в правый угол под раковиной. И не ошибся!

Из угла, прижимаясь к стене, ползла желтоватая полоска. Ее движения можно было бы назвать прямо-таки изящными. Цигаглия разглядел круглое тельце почти полуметровой длины, диаметром сантиметра в три.

Тессинская горная змея. Очень ядовитая. Доктор Цигаглия был в полном тупике. Что делать? Он пойман в туалете дома фон Норингена. Ядовитая змея преградила путь к двери. Оставался один выход — забраться на фарфоровый унитаз.

Он надеялся, что bestия не сможет туда заползти. Горная змея, петляя, приближалась все ближе. Карло смотрел на нее, как загнипнотизированный. Она остановилась перед унитазом и подняла голову. Карло понял, что ей к нему не забраться, и ему стало легче. Но он не посмел спуститься вниз. Отвратительная желтая лента двигалась совершенно бесшумно. Она ползла вокруг унитаза, временами останавливаясь, потом ползла дальше. К сожалению, не настолько удаляясь, чтобы Карло отважился прыгнуть к двери.

Он оценил окно: слишком узкое, и, кроме того, на нем декоративная решетка. Он почувствовал под мышками липкий пот. У него дрожали ноги. Объятый паническим страхом, он громко позвал Адриана.

Но прошло много времени, прежде чем он услышал шаги.

— Карло, что случилось?

— Здесь внутри горная змея! — хрипло закричал Карло.

— Что ты сказал?

— Змея! Горная змея!

— Господи, Боже мой! Она укусила тебя?

— Нет, я стою на унитазе. Но не могу добраться до двери. И теперь не вижу, где она. Уже совсем темно!

— Жди! Стой там, где стоишь. Мы сейчас...

Цигаглия сверлил темноту горящими глазами. Где же она сейчас? Огненной стрелой его пронзила мысль, что она все-таки обовьет унитаз и сможет подобраться к ногам. Рубашка прилипла к телу, как компресс. Карло повернулся и положил обе руки на узкий подоконник. Он поднялся на носках и подтянул правую ногу. Долго он в таком гротескном виде не выдержит.

Топящие шаги за дверью! Загремел голос Ирмелы.

— Держитесь, доктор! Мы пришли!

Одуряющий грохот! Кто-то обрабатывал дверь каким-то тяжелым предметом.

— Ирмела! — вскрикнула Ада. — Будь осторожней!

— Да чего там!

Дерево затрещало. Еще один грохочущий удар, и дверь распахнулась. Яркий свет из коридора хлынул в туалет. Карло вздрогнул. Змея спокойно лежала перед дверью. Она начала медленно двигаться, как только на нее упал свет. В двери во весь рост стояла Ирмела. Двумя руками она держала секиру железного рыцаря из оружейной комнаты. Змея приподнялась и, легко скользя, поползла к Ирмеле.

— Осторожно! — закричал Карло.

Ирмела улыбнулась, размахнулась и с грохотом ударила секирой по кафельному полу. Полетели осколки.

Змея была рассечена на две половинки. Обе извивались в дикой судороге. Ирмела, подождав мгновение, стукнула еще раз. Голова рептилии отлетела в угол.

— Вот так, — пробормотала Ирмела. — Спускайтесь, доктор.

Карло оперся о стену. Ноги не слушались его, и ему пришлось сесть. Ирмела схватила его за руку и рывком потянула к двери. Адриан бросился к нему и обнял его.

— Карло, слава Богу, ничего не случилось!

— Ничего, — прошептал Карло.

— Присядь, дорогой мой!

Адриан повел друга к лестнице. Карло опустился на ступеньки. Адриан вернулся к туалету. Ада робко пошла за ним.

Ирмела буравящими глазами осматривала помещение.

— Мне хотелось бы знать, как эта bestия могла сюда попасть. Нигде нет никакого отверстия. Через окно она никак не могла проникнуть — слишком высоко. Разве только через переднюю дверь и через дверь туалета, когда та была открыта... Но я никогда не слышала, чтобы этот вид проникал в дом чело-века.

— Ты считаешь?..

Ирмела посмотрела на подругу.

— Я считаю вот что: кто-то принес ее сюда. Специально.

После ее слов наступила настороженная тишина. Слышно было лишь, как, сидя на лестнице, тяжело дышал Карло.

Адриан растерянно спросил:

— Как же он это сделал?

— О-о, совсем просто. Здесь же есть горные змеи. Если найти и иметь крепкие нервы, можно и поймать. Обыкновенным сачком или чем-либо подобным. А потом ее можно выпустить, где хочешь.

Адриан был бледен, как полотно.

— Идите вниз, — сказала Ирмела, — я унесу то, что от нее осталось.

Не говоря ни слова, Ада с мужем взяли под руки Карло. На негнущихся ногах все пошли к вестибюлю.

В баре Карло выпил три рюмки коньяку, одну за другой. Лицо его начало постепенно розоветь. Через десять минут вернулась Ирмела.

— Ничего подозрительного. Мне тоже что-нибудь нальют?

— Конечно, конечно, — тихо проговорил Адриан.

— Я от всего сердца благодарен вам, — беспомощно улыбнулся Карло. — Если бы она меня укусила...

— И тогда бы вы совсем не обязательно умерли, — трескучим голосом проговорила Ирмела, как будто сожалела об упущенной возможности. — Они не все одинаково ядовиты. Но это был исключительный экземпляр.

— Но как же она могла попасть в дом? — спросила Ада.

— Не знаю, — обессиленно ответил муж. — В этом доме что-то не так.

— Мы должны сказать об этом Сталакарро, Адриан. Мы же должны о любом происшествии...

— Я знаю, дитя мое, — устало отмахнулся Адриан. — Мне уже ничего больше не хочется. Нам просто хотят испортить жизнь, это совершенно точно. Самое лучшее — уехать прочь отсюда.

Ада посмотрела на него с глубокой печалью. Ее глаза подозрительно увлажнились. Ирмела нацелила свой подбородок на хозяина дома.

— Уехать? Ничего не хочу? Да об этом и речи не может быть! Теперь, когда становится так интересно!

— Вам — может быть, — раздраженно ответил Адриан. — Но не нам. Ведь один человек уже убит. На наших глазах. И с Карло это могло случиться. Когда я буду лежать на кладбище, будет слишком поздно.

— Адриан, не говори так!

— А как мне говорить? Этот чужак Сталакарро ничего не нашел. Он не может гарантировать нам, что не будет совершено еще одно убийство. Ада и я здесь совсем одни...

Доктор Цигаглия откашлялся.

— Именно это и надо исправить, хороший мой. Вы двое не можете заглянуть в каждый уголок, не говоря уж о том, чтобы контролировать. Я, хотя это коснулось сегодня и меня самого, придерживаюсь мнения госпожи Цирли: тебе больше не удастся приобрести такие владения. Я бы никогда от них не отказался, несмотря ни на что.

— Что ты предлагаешь?

— Прежде всего, здесь нужен надежный персонал. Лучше всего ваши земляки, на которых вы можете положиться. Чем больше людей в доме, тем больше риска для чужого человека.

— Я хотел первые недели провести с Адой наедине, — с горечью в голосе произнес Адриан.

Ада нежно взяла его за руку.

— Но Адриан, мы все равно должны будем когда-нибудь кого-нибудь нанять.

Господин Норинген мрачно разглядывал поверхность стола.

— Утро вечера мудренее, — наконец сказал он. — Сейчас я слишком раздражен.

— Что же мне тогда говорить? — заметил Карло.

— Конечно, конечно, но поверь мне, что это подействовало на меня так же, как и на тебя. — Андриан сделал слабую попытку улыбнуться. — И только наша уважаемая подруга, кажется, в полном порядке.

— Бой был наслаждением, — сияя, проговорила Ирмела. — Мне бы хотелось, чтобы опять случилось что-нибудь эдакое!

— Завидую вашему душевному равновесию. И только надеюсь, что мои будующие слуги будут обладать таким же.

— Ты обязательно найдешь неподходящих людей, — утешил его Карло. — Если хочешь, мы завтра вместе пойдем и подадим пару объявлений.

— Ты так добр, — отсутствующе пробормотал Адриан. — Но я уже сказал, что это все мне надо обдумать. — Он устало провел руками по глазам. — Уже поздно, друзья мои, пойдем спать.

Доктор Цигаглия встал.

— Извини меня, Адриан, мы слишком задержались, но это виновата история со змеей.

Внезапно Ада спросила:

— А вы не хотите остаться на ночь?

— На ночь? — Даже для Ирмелы это было неожиданностью.

— Почему нет? — Ада посмотрела на мужа. — Комнаты готовы. И вам не надо проделывать этот долгий путь домой. К тому же было бы очень кстати, если бы сегодняшнюю ночь мы провели не одни, Адриан.

Адриан почувствовал себя слегка уязвленным.

— Тебе уже недостаточно моей защиты?

— Конечно, мне ее хватает! Но ты уже столько всего перенес, и тебе нужен покой. А они все равно уже здесь!

Адриан слабо отмахнулся:

— Знаю, знаю, дитя мое. Моей защиты мне и самому уже не хватает. Быть может, это самое разумное. — Он встал. — Адочка, проводи свою подругу и дай ей все, что нужно. А я снабжу Карло всем необходимым для сна.

— Мы еще немного приберем здесь.

— Хорошо, а мы с Карло хорошенько запрем дом.

Мужчины ушли из бара. Ада и Ирмела поставили бутылки на место.

— Кажется, Адриан начинает нервничать, — радостно заметила Ирмела.

— Тебя это удивляет?

— Вообще нет. У него не самая сильная конституция.

— Он хотел укрепить ее здесь, — озабоченно проговорила Ада.

Они встретили мужчин в вестибюле.

Через полчаса каждый лежал в своей постели.

Доктору Цигаглия в левой спальне для гостей не спалось. Он чувствовал себя очень неудобно. Прислушивался к каждому потрескиванию мебели и к каждому крику ночных птиц. Как только начинал дремать, он тут же видел ползущую к нему змею.

В другой комнате на правой стороне Ирмела лежала на спине и курила. Она еще не выключила лампу на ночном столике и с удовлетворением следила за поднимающимся к потолку дымом. Уже кое-что произошло. Значит, произойдет еще что-нибудь, в этом она была уверена. Ее инстинкт на такие вещи никогда не подводил ее.

В пятнадцать метрах от нее спала Ада. Она была единственной, кто действительно спал. Дышала ровно и тихо.

Мозг Адриана напряженно трудился. Что-то было в этом доме, что нарушало его планы и угрожало ему. Чего-то он не учел. Проклятое изнурительное невезение.

Вестники смерти, подумал он. Кто их посылает?

— Горная змея? — спросил Сталакарро. — Уже давно не видел ни одной.

— Вчера у вас была бы такая возможность, — не без сарказма ответил господин Норинген. Он сидел в офисе полковника, держа на коленях шляпу. По его глазам можно было понять, что он думает о полиции кантона.

— Кто же принес ее в дом? — спросил Сталакарро, обращаясь больше к самому себе. — Правду говоря, подозревать можно только четырех человек, тех, что были в доме.

— Рад слышать, — язвительно произнес Адриан, — что, кроме меня и моей жены, появились еще двое подозреваемых. Больше не чувствуешь себя таким избранным.

Сталакарро никак не отреагировал на замечание Адриана.

— А сегодня ночью все было спокойно?

— Впервые. Сожалею, но вынужден признать, что сам немало удивлен.

— Утром вы не заметили ничего подозрительного?

— Ничего.

— Кто сейчас в доме?

— Моя жена и госпожа Цирли. Она не захотела оставлять Аду одну, пока меня нет.

— А доктор Цигаглия?

— Уехал со мной. Ему надо было в свою канцелярию... Скажите, у вас уже есть какие-нибудь версии относительно леди Чистербир?

— Ничего существенного, — ответил Сталакарро. — Она мертва, вот то единственное, что нам известно наверняка. Правда, есть одна маленькая информация. Но она касается не леди Чистербир.

— А кого же?

— Вашей жены, господин фон Норинген, или вас, смотря как к этому отнестись.

— Относитесь, как хотите. Я-то могу узнать, в чем дело?

— Конечно, конечно. Надеюсь, что это вас не слишком расстроит. После убийства я предпринял все необходимые расследования обо всех участниках события. Вы ведь понимаете, не правда ли? Рутинное дело, не более того. Это сегодня делается быстро...

Адриан начал ерзать на стуле.

Сталакарро быстро продолжил.

— Вы, собственно, в курсе, что предыдущий муж вашей жены был убит?

Господин фон Норинген больше не ерзал на стуле. У него опустилась челюсть.

— Убит? Джокастер?

Сталакарро участливо кивнул.

— Джокастер. Двадцать второго июня шестьдесят первого. Поехал в командировку. На следующую ночь был найден в собственной машине. Застрелен. Предположительно, разбойное нападение. Грабеж. Похоже, взялся кого-то подвезти. К сожалению, не того.

У Адриана вдруг пересохло в горле.

— Преступника нашли?

— Пока нет, но, принимая во внимание усердность нашей полиции... — Он не закончил своей мысли.

Господин Норинген, не отрываясь, смотрел на свою шляпу. На лбу заблестели капельки пота.

— Ваша жена ничего вам не рассказала?

Адриан молча покачал головой.

— Ну, я бы сказал, что это разумно с ее стороны. Она не хотела вас расстраивать.

— Не хотела расстраивать, — повторил Адриан.

— И сейчас у вас нет причин для беспокойства. Оба случая, что совершенно очевидно, не связаны между собой. Джокастер пал жертвой простого грабежа.

— Ему вряд ли показалось это таким простым, — с горечью произнес Адриан.

— Конечно, нет, но за событиями в вашем доме стоит, вне всякого сомнения, нечто иное. Нападки направлены на вас обоих.

— Вы не обидитесь, если я назову это утешение очень слабым?

— Ни в коем случае. Я только хотел бы обратить ваше внимание на различные мотивы преступлений.

Адриан встал.

— Благодарю вас, полковник. Вы позволите мне удалиться?

Тот мягко улыбнулся.

— Разрешите дать вам один маленький совет: не упрекайте вашу жену. Она хотела, как лучше. И не забудьте при малейшем подозрении на что-либо поставить меня в известность.

Адриан поклонился и ушел. Когда он выходил из офиса, решение уже было принято. Он поехал в одно агентство и подал объявление. Адриан фон Норинген набирал обслуживающий персонал для своего дома. Объявление должно было появиться в той же газете, где он так заинтересованно читал объявление Ады о желании найти спутника жизни.

Между Белинцоной и Локарно, конечном пункте своего путешествия, у окна поезда стоял молодой человек. Поезд ехал медленно. Был чудный солнечный день.

Молодой человек обдумывал то, что его ожидало. Поезд подъехал к платформе и, мягко тормознув, остановился. Молодой человек ухватился за свои чемоданы, уже стоявшие рядом с ним в проходе, вышел из вагона и огляделся.

Не было никого, кто был бы ему знаком. Он медленно пошел к концу платформы. У локомотива стояла женщина.

— Извините, мадам, — обратился к ней молодой человек. — Позвольте спросить, не вы ли будете от господина Норингена?

Женщина улыбнулась.

— Именно от него. Я — Ада фон Норинген.

— О-о! Тысяча извинений, моя госпожа, я никак не мог ожидать, что вы сама...

— У нас еще нет слуг. Вы — наше первое приобретение. У моего мужа кое-какие дела. А вы господин ла Верне?

— Анастасиус ла Верне. Но Стази уже достаточно, если вам будет угодно меня так называть.

— Пойдемте, Стази, машина недалеко.

Господин ла Верне подхватил чемоданы и последовал за своей новой госпожой. Начало было очень дружелюбным.

Машина, действительно, стояла рядом. Спортивный кабриолет бежевого цвета с красными сиденьями.

— Я поведу машину, госпожа?

— Этого мы не допустим. Вы будете возить моего мужа. А это — моя машина. Я хочу на ней разбиться без посторонней помощи.

— Надеюсь, этого не произойдет, — испуганно произнес Стази.

Он подождал, пока в машину сядет Ада, потом сел сам. Машина стрелой полетела вперед. Стази уперся руками в приборную панель под передним стеклом.

— Откуда у вас такая фамилия? — неожиданно спросила Ада.

— От гугенотов, — ответил Стази. — Они не хотели больше загнивать и покинули Францию и своего Бога.

— Так вы француз?

— Уже давно нет. Столетия превратили меня в германца.

— Какой кошмар. Но, по крайней мере, ваш французский выдержал эти столетия?

— Да.

— Очень хорошо. Какие языки вы знаете?

— Английский и итальянский.

— А сколько вам лет?

— Двадцать девять.

— Двадцать девять? А выглядите моложе.

— Сожалею, моя госпожа, что этот комплимент я не успел сделать первым.

— Вы же не знаете, сколько мне лет!

— И несмотря на это, вы выглядите моложе.

— А почему вас называли Анастасиус?

— Мой отец очень набожен, — ответил Стази. — У него слабость к церковным именам, и он очень милый человек. Но Анастасиуса я ему никогда не прощу.

— Он еще жив? Кто он?

— Он служащий, госпожа. Все ждал пенсии и дождался.

— Чудесно. А вы? Вы понимаете, мне хочется знать, на что тратит деньги мой муж.

— Конечно, мадам. Я учился в школе переводчиков. Потом несколько семестров занимался экономикой, но признаюсь, что ничего не делал и ничему не научился. Тому, что мне действительно нужно, я научился на своих рабочих местах.

— Это чувствуется. А где вы работали?

Стази чутьочку смутился.

— В разных местах. Шофером, автослесарем. Я люблю машины. Потом работал в туристическом бюро, иностранным корреспондентом...

— О-о, вы растете.

— Слава Богу, уважаемая госпожа. Последние два года я работал секретарем в Англии. У сэра Эверетта де Аллингтона. Виски было у него превосходное.

— Значит, карьера авантюриста?

— Да, мадам. Но я на пути к исправлению.

— Женаты?

— Нет. Жениться следует только после завершения образования.

Ада снизила скорость. Когда она снова заговорила, то больше не улыбалась.

— Послушайте, Стази. Мы одни в доме, и, так или иначе, нам нужен персонал. Но то, что мы берем именно вас, имеет другую причину. — Она помолчала. Стази вежливо и внимательно смотрел на нее. — У нас произошли некоторые странные вещи, жутковатые и опасные, такие, что пришлось подключить и полицию.

— Ага, — только и сказал Стази.

— Вам все расскажет мой муж. Я хотела вас только немного подготовить.

Ада притормозила, и машина бесшумно скользнула вдоль каменной стены. Ворота были широко распахнуты. Она въехала в гараж. Стази с восхищением смотрел на большую черную машину фон Норингена.

Ада энергичным рывком поставила машину на тормоз и выключила зажигание.

— *Nous voila, Monsieur.* Вот, это то, что вы будете водить.

— Такого не было даже у сэра Эверетта.

— Пойдемте. Мы сразу отправимся к моему мужу.

Стази вытащил свои чемоданы. Втайне он надеялся, что идти недалеко. Чемоданы были по некоторым причинам довольно тяжелыми.

Ада шла быстро. Неожиданно она повернулась к Стази.

— Я надеюсь, что...

Ее голос прервался. Стази вздрогнул. Его руки стиснули ручки чемоданов. Из дома донесся глухой грохочущий звук. Кто-то стрелял. Чемоданы с грохотом упали на землю.

Молодой человек со странным именем Анастасиус поддержал Аду фон Норинген, прежде чем она могла упасть. Тело ее дрожало, как в лихорадке.

— Мой муж, — прошептала она. — Мой муж.

Глаза на мертвенно-бледном лице были закрыты. Между ресницами блестели слезинки. Стази подвел ее к своим чемоданам. Один из них был опрокинут. Он осторожно усадил ее на этот чемодан.

— Оставайтесь здесь, я сейчас вернусь.

Казалось, она не слышала его слов. Стази бросился в дом. Он по-другому представлял себе прием на "Квадратной скале". Дверь в дом не была заперта. Он стоял в прихожей. Распахнув наугад одну из дверей, оказался в большой комнате. Никого.

Стази помчался по всем комнатам. Он соображал, что будет делать, если где-нибудь кто-нибудь ждет его с револьвером или с ружьем. Миленькая перспективка. Уже задыхаясь, заглянул в бар, потом на террасу. Пожалуй, он был единственным

человеком на первом этаже. Тут до него дошло, что звук донесся откуда-то сверху. Он побежал наверх и снова начал свои поиски.

Первая дверь — комната для гостей, вторая — пожалуй, тоже для гостей. Стази захлопнул дверь и осмотрелся в коридоре. Ничего подозрительного. Третья дверь находилась с другой стороны лестницы. Просторная приветливая комната с кафелем и никелированной арматурой.

Человек, которого он искал, сидел в кресле в углу комнаты: господин фон Норинген. На коленях древнее ружье с толстым дулом, направленным на дверь, в которую вошел Стази. Адриан не пошевелился. Глаза его были закрыты.

Стази подошел поближе. На седой голове никаких повреждений. И на костюме никаких следов крови. Нигде никакой стреляной раны. И тут господин фон Норинген задышал. Он был жив, двигал губами.

— Клянусь, оно было не заряжено, — прошептал Адриан. — Я знаю точно, что вчера еще оно было незаряженным.

— Господин фон Норинген, — только и сказал Стази.

Старик поднял голову и увидел высокого молодого человека со светлыми глазами и темными волосами.

— Анастасиус ла Верне, — представился молодой человек. — Стази.

Господин фон Норинген не пошевелился. Стази осторожно снял ружье с его колен, перевернул его и понюхал дуло. Оно терпко пахло сожженным черным порохом.

Стази медленно обернулся и увидел, куда попала пуля: на противоположную стену у двери.

— Что случилось? — неожиданно спросил он.

Господин фон Норинген заговорил...

Когда Стази вышел из двери дома, Ада все еще сидела на чемодане там, где он ее оставил. Он подошел к ней и бережно тронул за плечо.

— Ничего не случилось, госпожа, не нужно беспокоиться, господин фон Норинген хотел почистить ружье. Он думал, что оно не заряжено, но оно было заряжено, поэтому и выстрелило, но господина фон Норингена не задело.

Они медленно пошли к дому и потом также медленно прошли сквозь притихший дом.

Адриан все еще сидел в кресле в оружейной комнате. Когда он увидел жену, то попытался встать, но его качнуло, и он ухватился за спинку кресла.

— Извини меня, дитя мое...

Ада подбежала к нему.

Стази остановился и скромно опустил глаза.

— Ты испугалась, любимая, — сказал господин фон Норинген. — Наш господин Стази рассказал мне. Мне так жаль.

— Это совсем не важно, Адриан! С тобой ничего не случилось? Правда, ничего?

— Нет, ничего. Я держал ружье дулом в другую сторону. Не знаю, что и как попало в эту чертову штуку. Я вчера держал ее в руках и, клянусь, она была не заряжена. Кто-то зарядил ружье, — тихо закончил он.

— Да, но — кто же?

— Кто? Ты же знаешь! Тот, кто не хочет, чтобы мы радовались и веселились в этом доме.

Ада молчала. В ее глазах опять появились слезы.

У двери послышалось вежливое покашливание, и Адриан посмотрел в ту сторону.

- Да, мой друг?
- Вы не разрешите мне осмотреть остальное оружие?
- А вы что-нибудь понимаете в оружии?
- Немного понимаю. У моего отца есть небольшая коллекция.
- Пожалуйста. Но не будьте так неосторожны, как я.

Стази снял оружие со стены. У первой винтовки был удален замок. Из нее невозможно было выстрелить. Вторая, пожалуй, была произведена в шестнадцатом веке. Ее фитильное зарядное устройство отсутствовало. Значит, никакого заряда. Третья была еще более старым двухствольным дробовиком с очень красиво изогнутой рукояткой и серебряным окладом. Курки не взведены. Стази повернул рычаг на прикладе винтовки. Стволы откинулись вниз.

Он медленно потянулся и спросил:

— Это ружье тоже не было заряжено, господин фон Норинген?

— Тоже не было, — устало ответил Адриан. — Я все проверял.

Стази поднял стволы. Оба толстых дробовых патрона упали ему в ладонь. Он зажал их между большим и указательным пальцами и показал присутствующим руку.

Девушка была блондинкой, бессовестно красивой блондинкой. Слишком красивой для горничной. Стази стоял почти на том же месте, где три дня назад его ждал Ада.

Девушка появилась с первыми пассажирами. У нее были сумка и большой чемодан.

Стази оттолкнулся спиной от столба, к которому он прислонялся, и пошел ей навстречу.

— Извините, не имею ли я честь лицезреть фрейляйн Натхолм?

— Ах, вы из "Квадратной скалы"?

— Именно так. Разрешите представиться: Анастасиус ла Верне.

— Анастасиус? — повторила она.

— Да, Стази.

— Я — Корри Натхолм, — девушка подала ему руку и улыбнулась.

Стази посмотрел ей в глаза и почувствовал легкие спазмы в желудке.

— Меня послала госпожа фон Норинген. Она бы и сама встретила...

Девушку это немного озадачило.

— Ее здесь нет?

— Нет. Господа в Асконе по каким-то делам. — Стази подхватил ее чемодан. — О-о, что это там у вас? Посудомоечная машина?

— Нет, атомный реактор.

— Ах, вот в чем дело. Позвольте все-таки попытаться идти впереди.

Девушка весело бежала рядом с ним.

— Вы уже давно у Норингенов?

— Три дня.

— Ну и как?

— Очень увлекательно.

— Надеюсь, не так скучно, как на моем последнем месте.

Стази поставил чемодан, посмотрел на девушку сбоку и понял, что останется в "Квадратной скале" столько, сколько времени там будет она.

— "Квадратная скала" — это все, что угодно, но только не скука. И я надеюсь, что вы не начнете тосковать по скуке.

— Как это? — серьезно спросила она. — Привидения?

— Что-то в этом духе. Я вам потом расскажу. Чемодан немного путает ход моих мыслей.

Они подошли к маленькому автомобилю. Стази поднял чемодан и поставил его на заднее сиденье.

— Интересно, выдержит ли задний мост? Прошу, Корри, если мне можно вас так называть.

— Только если мне можно называть вас Стази.

— Как угодно, только не Анастасиус.

По дороге он узнал, что ее зовут Коррина. Она немка, тридцати двух лет, была воспитанницей в доме своей тетки, потом у одной старенькой, сморщенной баронессы, примерно в той же роли. Баронесса знакома с Адой и уступила ее ей по ее просьбе. Надо же ребенку когда-нибудь начинать самостоятельную жизнь...

Когда они подъезжали к гаражу, Корри тоже уже знала все самое существенное о милом молодом человеке, который встретил ее на вокзале.

— Ну что ж, теперь разделаемся с тобой, ты, чудовище, а не чемодан, — ухмыльнулся Стази.

— Я помогу, — предложила Корри. — Ужасно. Никогда не думала, что платья такие тяжелые.

— Наверно, вес добавляют их цены. Обратите внимание на ботанические изыски по бокам дорожки. Сейчас будет виден и дом.

— Вы мне все-таки расскажите, что же здесь происходит, — полюбопытствовала Корри.

Стази все еще тянул с ответом.

— Да, многоуважаемая прекрасная коллега. Но стоит ли мне опережать господ? Господин фон Норинген и так прочтет вам целую лекцию. Да и мадам тоже. Поэтому прошу сделать вид, что вы ничего не знаете.

— Ой, какой красивый дом, — радостно воскликнула Корри. — Думаю, мне здесь будет очень хорошо. А что это за записка?

— Записка?

— Да, на входной двери.

Записка болталась на одной кнопке на деревянном косяке. Стази поставил чемодан. Их головы соприкасались, когда они читали две строчки, написанные грубыми неумелыми буквами:

"Добро пожаловать на "Квадратную скалу". Не волнуйтесь. Придет и ваш черед".

Стази почувствовал, что Корри смотрит на него.

— Что это такое?

— Не знаю. Но на распоряжение для поварахи это не похоже. Пойдемте наверх. Я покажу вам, где живет фрейляйн Натхолм. — Они вошли в комнату, и Стази поставил чемодан на стул. — Если хотите, распаковывайтесь, а я пока позабочусь о любовной записке и вернусь обратно.

Корри покачала головой ему вслед, потом открыла чемодан. Она слышала, как он идет по лестнице.

Стази открыл дверь на улицу и быстрым взглядом обвел парк. Ничего подозрительного. Он вытащил из кармана носовой платок и накрыл им свои пальцы. Осторожно вытащил кнопку и сложил записку, не оставляя на ней отпечатков. Затем вернулся в свою комнату, положил записку в ящик ночного столика и пошел в комнату Корри.

Комната была усыпана платьями. Он беспомощно огляделся. Корри быстро спрятала нижнее белье в шкаф.

— Черт возьми, да тут половина коллекции от Диора. Вам потребуется еще один шкаф. Можно мне остаться и поглазеть?

— Только если расскажете то, что хотели рассказать.

— В этом доме что-то не так. Будто кому-то очень не нравится, что пожилая чета хочет мирно провести здесь остаток своих дней.

Корри ничего не поняла.

— Как это? Кому не нравится?

— Пока установить невозможно. Во всяком случае, не полиции для иностранцев. Происходит всякая отвратительная чертовщина. И записка на двери из того же ряда.

— Что за чертовщина?

— Все началось с книги сказок. Но подробности вам расскажет сам господин фон Норинген. Нас, собственно, и наняли, чтобы мы держали ухо востро. Господа напуганы, и мне кажется, важно то, что мы ничего не боимся.

— Вы меня пугаете, — тихо проговорила Корри. — О чертовщине в договоре ничего не упоминалось.

— В моем тоже. Но я думаю, что все эти чудеса — ерунда. Не принимайте близко к сердцу ничего из того, что расскажет вам старик. Насколько я изучил его, он любит откровенность и презентует вам каждый ночной шорох. После этого не убегайте отсюда так уж сразу. Вам ведь тогда опять придется упаковывать ваши тряпки. А я буду очень огорчен, если мне придется прощаться с вами на том вокзале. Я хотел бы начать нашу экскурсию. Не возражаете?

Через террасу они спустились в парк. Сад был расцвечен пестрыми красками.

— О-о, а нам тоже можно там купаться? — спросила Корри, когда увидела внизу под ними пляж.

— Конечно. Более гуманной семьи, чем Норингены, нам никогда не найти.

С улицы послышался гудок автомобиля.

— Это гудок благородного "бентли"! Опустить мост! Поскакали навстречу лордам!

— Вы были в Англии?

— Служил там, мисс. Два года. Все еще хочется ездить по левой стороне и очень хочется виски!

Они быстро пошли вверх по дорожке навстречу хозяевам. Адриан и его жена шли рука об руку от гаража к дому.

Ада внимательно и спокойно посмотрела на девушку.

Стази поклонился.

— Это фрейляйн Натхолм. Я позволил себе показать ей сад и дом.

Корри шагнула вперед и слегка присела в книксене, когда господа подали ей руки.

— Мы очень рады, милое дитя, — сердечно произнес господин фон Норинген. — Вы, наверно, голодны. Моя жена позаботится о вас.

— Вы уже видели вашу комнату? — спросила Ада.

— Господин Стази уже показал мне ее, милостивая госпожа. Она великолепна.

— Отлично. — Адриан потер руки. — Тогда мы вот что сделаем, моя дорогая. Сначала с фрейляйн Натхолм побеседуешь ты, а я попозже добавлю кое-что еще.

— С удовольствием, Адриан.

Корри и Стази последовали за господами, почтительно соблюдая расстояние.

— Пойдем наверх и немного поговорим? — спросила Ада. — Или вы умираете от голода?

— Нет, госпожа. Я ела в вагоне-ресторане.

— Прекрасно. Тогда идемте.

Раздался резкий звонок у входной двери.

— Это, наверно, повариха, — заметил Адриан и поднялся. — Я пойду наверх. Откройте дверь, Стази. И садовник должен еще придти.

Хотя повариха и Стази были уже знакомы, он все еще смотрел на нее с явным недоверием. Можно ли было подозревать ее? Едва ли. Но все-таки надо за ней присматривать, Присматривать надо за всеми.

Обедали часом позже. Говорили мало. Корри не поднимала глаз, и Стази заметил, что она бледна.

— Думаю, надо разрешить обоим обедать с нами, — сказала Ада после обеда. — Ну, если только будут гости, тогда... Как ты думаешь, Адриан?

— Полностью согласен.

— Тебе нужен господин Стази после обеда?

— Думаю, что нет, любимая.

— Тогда было бы очень хорошо, если бы он помог мне, когда придет садовник... Давай немного приляжем?

Господин Адриан последовал за женой. Корри начала собирать посуду. Стази, подмигивая, наблюдал за ней.

— Ну что, невкусно было?

— И вы еще спрашиваете? Удивляюсь, что вообще смогла что-то проглотить. После того, что узнала!

— Было так страшно?

— Но послушайте!

— Тсс, — он приложил палец к губам. — Потом, на улице. А сейчас всю посуду быстро вон!

Стази помог ей отнести посуду на кухню, и повариха начала ее мыть.

— Пойдем немного погуляем, — предложил он, взял Корри за руку и повел ее вниз к купальне. Они сели у воды. — Вот так. Откройте мне вашу душу.

— Кажется, вы слишком легко на все это смотрите, — упрекнула его Корри. — Я тоже могу многое вынести, но меня это потрясло. Стази, что все это значит?

Он поднял камень и бросил его в воду.

— Я здесь всего лишь три дня. Откуда мне знать? Я тоже был озадачен.

— Но должно же это иметь хоть какой-нибудь смысл. Это же не шутка. Синильная кислота, и леди...

— Чистербир.

— Она умерла от синильной кислоты.

— Да, — сказал Стази, — вы совершенно правы. Не может это быть шуткой. И это не шутка. То, что здесь творится, — какая-то дьявольская игра. Я не знаю, зачем, и не знаю, кто это делает. За три дня я все здесь осмотрел, сверху донизу. Никого здесь нет, кроме них двоих. Нет и места, где мог бы спрятаться чужой человек. Ни в доме, ни в парке. Похоже, он поднимается из ада и опять исчезает.

Корри растерянно посмотрела на него и вдруг решительно проговорила:

— Я не останусь здесь. Об этом не договаривались.

— Есть и другие обстоятельства, о которых не договаривались, — заметил Стази.

— Какие?

Он притянул ее к себе. Она сопротивлялась немного, но потом уступила. Стази поцеловал ее и забыл и про дом, и про вестников смерти.

— Например, это. Останься, Корри. Мы справимся.

Она посмотрела на него и начала улыбаться.

— Я подумаю.

Вечером Корри была на кухне. На террасе она услышала шаги. Кто-то вошел в комнату перед кухней. Корри не хотела оборачиваться, но все-таки заставила себя. Сердце ее гулко стучало.

Но это оказался господин фон Норинген.

— О-о, я вас напугал?

— Нет, нет, — торопливо ответила она.

— Мне было бы очень жаль. — Адриан по-отечески улыбнулся. — Моя жена и все остальные все еще в саду. Она придет через полчаса. Будьте так добры, накройте стол для ужина. Я буду наверху в каминной комнате.

В парке господин ла Верне шел за Адой и садовником. Он должен был записать, что хозяйка хотела приобрести для парка и сада.

Садовник попрощался, когда они закончили запись, и Стази проводил Аду в дом.

— Как мило, что вы помогли мне, — сказала она. — Я люблю цветы.

Они вошли в дом через парадный вход. Из столовой доносилось тихое позвякивание. Это Корри расставляла посуду.

— Уже можно ужинать?

— Конечно, госпожа.

Корри надела поверх своего платья белый фартук, и Стази нашел, что он ни в коем случае не уменьшил ее обаяния.

— Где мой муж?

— Наверху. В каминной комнате.

— Ах, Стази, вы не позовете его?

— Слушаюсь, госпожа.

Стази пошел по коридору к лестнице. Он прислушался у правой двери, прежде чем постучать, но за ней не было ни звука. И на стук никто не ответил.

Стази нахмурил лоб. В его лице появилась злая угроза. Потом он решил, открыл дверь и... остался стоять на пороге. Его тело ослабло и налегло на дверной косяк, губы задрожали.

Никакие вестники смерти не могли больше взволновать господина фон Норингена. Он был уже на другом берегу.

Адриан сидел в том же кресле, где сидел, когда ружье выстрелило у него в руках. У его ног лежала старинная винтовка. Тело свешивалось влево, и голова свесилась в том же направлении.

Глаза фон Норингена были широко открыты, как будто он хотел получше рассмотреть стрелу, вонзившуюся в его сердце.

Сталакарро был в вязаных перчатках. Он стоял в каминной комнате дома Норингенов в нескольких шагах от мертвеца. В руках он держал арбалет, из которого стреляли в господина фон Норингена.

— Я все время думал, что это оружие годится только для детских игрушек.

Анастасиус ла Верне показал на мертвеца.

— Он, наверно, тоже так думал.

Полковник посмотрел на него.

— Вы не трогали арбалет руками?

— Я толкнул его ногой, когда хотел подойти поближе.

— Зачем?

- Посмотреть, не жив ли он еще.
- Вы его не трогали?
- Нет. Уже не было необходимости.

— Превосходный медицинский диагноз! — воскликнул Сталакарро, повернулся и подошел к стене. Между двумя копьями висел колчан. Рядом на обоях выделялись два крючка. Он повесил на них арбалет. — Здесь его место. Пожалуй, преступнику не хватило времени. — Он наклонился. Под арбалетом висело приспособление для его зарядки: рычажное устройство с железным зажимом. Сталакарро снова снял арбалет со стены и попытался натянуть тетиву рукой. Стази наблюдал, как исказилось от напряжения его лицо.

— Не получается, — пробормотал тот и приладил на арбалет заряжающее устройство.

Рычаг медленно повернулся назад, сработало натяжное устройство, и тетива вновь была натянута. Сталакарро снял зарядное устройство и потянул курок. Струна ударила вперед, и несколько мгновений было слышно ее жужжание. Стази непроизвольно посмотрел на погибшего.

— Странно, — удивился Сталакарро. — Как же это он спокойно наблюдал, пока убийца обстоятельно заряжал арбалет, вкладывал стрелу и целился в него? У вас есть объяснение?

- Даже два, — спокойно ответил Стази.
- Ну?

— Во-первых, арбалет уже был заряжен, и стрела была уже в нем. Она не может выпасть, если висит прикладом к стене...

— Во-вторых?

— В комнате был кто-то, кого господин Норинген хорошо знал. Сидя в кресле, он объяснял устройство арбалета, или убийца делал вид, что его очень заинтересовало древнее оружие, и, шутя, зарядил его.

— Гм, и я так думаю. Шутя. — Сталакарро взял стрелу из колчана и неслышными шагами пошел к господину фон Норингену. Приставил свою стрелу к стреле, торчавшей из груди мертвеца. Они были совершенно одинаковые. — Ну, пока все ясно. К сожалению, это всего лишь самая малая часть необходимого знания. Где госпожа фон Норинген?

— У себя в комнате. Она совершенно изнемогла. Нам пришлось отнести ее в постель. Не знаю, в сознании ли она. У нее там врач и фрейляйн Натхолм.

— Горничная, которая работает с сегодняшнего дня?

— Да.

Сталакарро подошел к камину, положил стрелу назад в колчан. Потом осторожно положил арбалет на курительный столик и, сняв перчатки, указал на покойника:

— Фрейляйн Натхолм была одна с ним в доме?

— До тех пор, пока мы не вернулись из сада, да. Если только здесь не было чужого.

— Я пока никого не видел.

— Вы не находите, что это диковатые шуточки? До сих пор подозревать в совершении убийства можно только вас и горничную. А вы здесь только три дня, а фрейляйн Натхолм только один день.

— Но вся эта чертовщина появилась уже давно!

— Чертовщина? — тихо проговорил Сталакарро. — Бессмыслица. Леди Чистербир мертва — зачем? Норинген мертв — зачем? Бессмысленно все это. Но я доберусь до причины всех этих несчастий... Пойдемте!

— Пригласите фрейляйн Натхолм! — приказал полковник. — И помогите доктору, если ему что-нибудь будет нужно.

Стази повиновался. Он постучал в дверь комнаты госпожи Ады и вошел. Сразу после этого оттуда вышла горничная.

Корри непринужденно смотрела на Сталакарро. В уголках ее глаз виднелись слезы.

— Фрейляйн Натхолм?

— Да.

— Я полковник Сталакарро. Мы можем пройти в вашу комнату?

— Конечно, — она открыла дверь рядом со спальней госпожи Ады. — Извините, здесь еще не... Я приехала только сегодня утром.

— Я об этом слышал, — со значением сказал Сталакарро. — Можно присесть?

— Конечно, конечно, прошу вас.

— Приехала сегодня утром, — задумчиво продолжал Сталакарро. — И сразу вот эдакое.

— Ужасно. — В ее словах не чувствовалось никакой фальши. — Он был таким милым.

— Вы останетесь здесь?

— Не знаю. Думаю, нельзя оставлять госпожу фон Норинген в беде...

Сталакарро одобрительно кивнул.

— Так будет правильно с вашей стороны. Вы можете сейчас ответить на несколько вопросов?

— Конечно.

— Когда господин ла Верне встретил вас на вокзале, он рассказал вам что-нибудь о событиях в доме?

— Да, на вокзале он сделал несколько намеков. А когда мы приехали... А-а, да, конечно, там была записка.

— Записка?

— Да, на двери дома висела записка. С угрозами. Господин ла Верне хотел ее забрать, пока я распаковывала вещи.

Сталакарро вытащил из кармана кончиками пальцев записку и подошел к Корри.

— Это она?

— Да, похоже.

— Что еще?

— Потом он мне еще кое-что рассказал. Якобы кто-то что-то имел против наших господ. Много чего случилось — чертовщина какая-то, сказал он, и еще что-то о сказке "Вестники смерти".

Сталакарро кивнул.

— Так, а еще что?

— Больше ничего. Он сказал, что господа мне все сами расскажут, а он хотел только подготовить...

— И вам господа все рассказали?

— Да. Я была очень напугана. Сначала хотела уволиться и уехать, но господин ла Верне удержал меня.

— Когда это было?

— После обеда. Мы были вместе на пляже. Господа спали.

— Дальше!

— Мы пошли назад. Я в свою комнату, а господин ла Верне хотел пойти в гараж, что-то сделать с машинами. Потом господа пили кофе на террасе. А затем пришел садовник.

- Когда это было?
- Около четырех часов. Я ему открывала. Они все вместе пошли в парк.
- Все?
- Да. Я осталась одна в доме. Убиралась на террасе, застилала постели, ой, потом еще писала письмо.
- Можно узнать, кому?
- Баронессе, у которой служила до этого.
- Вы написали ей об этих событиях?
- Корри энергично помотала головой.
- Это слишком сильно взволновало бы ее. Она знакома с госпожой фон Норинген!
- Очень хорошо. Рассказывайте дальше.
- Около шести я пошла на кухню, чтобы приготовить ужин. Повариха приходит только в обеденное время или если бывает какой-нибудь прием. Потом вошел господин фон Норинген.
- Когда?
- Она пожала плечами.
- Должно быть, в седьмом часу. Он сказал, что жена, господин ла Верне и садовник еще на улице, а мне следует подготовить все к ужину. Он будет наверху, в каминной комнате.
- Вы все время были на кухне?
- Да. Когда я закончила готовить ужин, то понесла в столовую тарелки и поднос. Но тогда уже вернулись Ада и Стази.
- И вы ничего не видели и не слышали? Ни шороха? Ни человека?
- Ничего, правда, ничего.
- Вы говорите, что все время были в доме, до тех пор, пока не пришел господин фон Норинген. А потом были только с ним?
- Корри немного опустила голову.
- Должно быть, так.
- Не волнуйтесь, — ободряюще произнес Сталакарро. — Здесь произошло уже много необъяснимых вещей. Убийца был здесь. Совсем близко от вас. И, конечно, это к лучшему, что вы его не видели.

“Бентли” бесшумно подкатил к portalу. Стази поставил машину на тормоз и выключил зажигание. Затем выскочил из машины и открыл заднюю дверь.

После церемонии похорон Ада была очень бледна. На ней был черный костюм, шляпа с вуалью и никаких украшений. Стази поддерживал ее, пока она вылезала из машины. Доктор Цигаглия выбрался с другой стороны и обошел вокруг машины. Он взял Аду под руку. В другой руке у него была папка внушительных размеров.

— Мне пройти с вами в дом? — спросил Стази.

Ада благодарно посмотрела на него.

— Вы очень добры, Стази. Ничего, доктор Цигаглия поможет мне.

Стази слегка поклонился и закрыл дверцу машины. Медленными шагами Ада и доктор Цигаглия пошли к входу в банк. Стази из-за машины смотрел им вслед. Адвокат открыл дверь. Ада вошла, и тяжелая дверь портала мягко закрылась за ними.

Ада и ее спутник дошагали до зала с многочисленными окошечками. Цигаглия проводил ее к одному из кресел.

Он обменялся несколькими тихими словами с господином за барьером. Господин удалился. Цигаглия стал ждать. Через минуту господин вернулся. Они снова пошептались. Цигаглия пошел к креслу, в котором сидела Ада.

— Прошу вас, пройдемте с нами.

Они не спеша последовали за господином. Лифт поднимал их с приятной осторожностью. На верхнем этаже они подошли к обтянутой кожей двери. Безмолвный сопровождающий нажал на кнопку звонка. Вспыхнула надпись на стеклянном табло. Господин открыл дверь, поклонился и удалился.

Директор банка Волтези был невысок ростом и улыбочив. Чувствовалось, что он склонен к хорошему настроению, и у него были на то все причины — они касались его состояния. Серьезное выражение лица, которое сейчас приличествовало моменту, давалось ему с трудом. Он поспешил к Аде, поцеловал ей руку.

— Дорогая, уважаемая, досточтимая госпожа — у меня нет слов! Простите мне. Эта потеря... — Он умолк.

Ада одарила его слабой улыбкой. Цигаглия и банкир Волтези подвели ее к креслу и бережно усадили.

— Прошу, доктор.

Цигаглия тоже сел. Серьезное выражение его лица полностью соответствовало моменту.

— Мы вам очень обязаны за то, что вы были так добры и приняли нас сразу, господин Волтези.

Руки директора запорхали со всей страстью.

— Прошу вас, доктор, не заставляйте меня объяснять само собой разумеющееся.

Цигаглия открыл свою папку.

— Убежден, что, для того чтобы уладить наши формальности, не понадобится много времени. Я уже вчера говорил вам по телефону, что речь идет о личном счете почившего господина Адриана фон Норингена, который был клиентом вашего банка. Я — его полномочный исполнитель завещания. — Доктор Цигаглия вытащил узенькую папочку из своего большого портфеля и открыл ее. — Позвольте мне зачитать. В четвертом абзаце завещание гласит, что личный счет оставляющего наследство в случае его смерти должен перейти во владение его супруги — право наследования госпожи Ады фон Норинген подтверждено документально, завещание прилагается. Госпожа фон Норинген, само собой разумеется, хотела бы остаться клиенткой вашего высокопочитаемого банка. Тем самым, я полагаю, переносу личного счета ничто не... — Цигаглия задержал дыхание. Что-то в лице директора заставило его замолчать. На круглом лице не осталось и следа от улыбочивости. Только полнейшая растерянность. — Что такое, господин директор?

— Я глубочайшим образом сожалею, уважаемая госпожа... — Банкир выхватил носовой платок, и промокнул лоб.

Ада насторожилась.

— Что-то не в порядке, господин Волтези?

— Вовсе нет, формально все в порядке. Только вот... — он обратился к Цигаглия с выражением искреннего отчаяния, — только вот после вчерашнего разговора я велел принести мне все документы. Вот они. Я хотел...

Цигаглия потянулся головой вперед. Его лицо стало квадратнее.

— Мы можем узнать, о чем идет речь?

— Конечно, конечно, уважаемый доктор! Я мог бы проинформировать вас еще вчера, но посчитал, что будет лучше, если сообщу обо всем лично. Простите меня. — Он передохнул и открыл папку. — Господин фон Норинген обналичил все ценные бумаги двадцать седьмого июля. В тот же день он снял деньги наличными и погасил счет.

- Двадцать седьмого июля? — тихо переспросил Цигаглия. — За день до своей смерти?
- За день до своей смерти, — повторил директор банка. — Я бесконечно сожалею, господа. Не мог и предположить... Я думал, что вам это известно...
- Мой муж ничего мне не сказал, — прошептала Ада. — И вам ничего, Карло?
- Ни слова, — резко произнес Цигаглия. — То, что я здесь услышал, застало меня врасплох. Когда был здесь господин фон Норинген?
- Двадцать седьмого до обеда, в обычное рабочее время.
- Цигаглия повернулся к Аде.
- Вы можете вспомнить?
- Из-под вуали на него смотрели совершенно беспомощные глаза.
- Двадцать седьмого?.. Это было за день до его... Как же. Помню. До обеда... Он сказал, что ему нужно уладить какую-то мелочь. Очень скоро вернулся. Привез мне шоколадные конфеты.
- Он ездил один?
- Да. Он всегда ездил один, чтобы не терять навык, как он говорил.
- Цигаглия уставился на банкира.
- Господин фон Норинген часто бывал здесь?
- Редко. Очень редко. И изменения в счете были очень незначительными.
- Учитывая обстоятельства, вы, я думаю, не намерены назвать нам сумму счета?
- Почему нет, почему нет? — Казалось, Волтези был рад услужить хоть чем-нибудь. — Госпожа является наследницей, кроме того, счет закрыт. — Его коротенькие пальцы скользили по документам. — Господин фон Норинген обладал акциями швейцарского банка, еще акциями...
- Сумма! — взревел Цигаглия.
- Да, да. Сумма. Весь пакет мы обналичили — минуточку — за девятьсот пятьдесят тысяч франков!
- Цифра эхом отозвалась в голове Цигаглия. Не говоря ни слова, он посмотрел на Аду. Она не открывала глаз.
- А сколько было на безналичном счете?
- Семьдесят пять тысяч франков.
- Их он тоже снял?
- Тоже.
- Миллион двадцать пять тысяч франков, — пробормотал Цигаглия, — были сняты за день до смерти. Что это может значить?
- Ада открыла глаза. Руки впилась в подлокотники кресла.
- Но что же он со всем этим сделал?
- Волтези участливо посмотрел на нее.
- Пятьдесят тысяч франков он взял с собой.
- Наличными? Но у него же ничего не было... Я имею в виду... Мы у него ничего...
- Цигаглия вытянул шею.
- А остальное?
- Остальное господин фон Норинген перевел в другой банк. В Цюрих.
- Лицо доктора Цигаглия просветлело. Он посмотрел на Аду.
- О-о, я начинаю понимать. Предполагаю, что он хотел сделать эти деньги более доступными для вас. После того, как над ним нависли все эти угрозы. — Он рывком повернулся к Волтези. — Счет. Счет в том банке открыт на его имя?

Директор банка уменьшился в размерах, как будто хотел найти укрытие за своим столом.

— Мне очень жаль сообщать вам, что перевод был сделан на тайный номерной счет.

— Номерной счет?

— Номерной счет.

Ада молчала. И Цигаглия тоже молчал. Ему было ясно, что скорее рухнет весь мир, чем швейцарский банк выдаст тайный вклад.

Стази ждал у открытой дверцы машины. Ада поблагодарила его слабой улыбкой, а Цигаглия с каменным выражением лица бросил:

— На "Квадратную скалу"!

— Хорошо, господин доктор.

Когда Стази тронул машину с места, Цигаглия поднял стекло, отделяющее переднее сиденье шофера от заднего. Стази часто смотрел в зеркало заднего вида, как это и полагается шоферу. Цигаглия что-то возбужденно внушал Аде.

Не очень веселое настроение, думал Стази. И были в банке не так долго, как им того хотелось.

— Должна же быть причина, — говорил Цигаглия на заднем сиденье. — Обещаю вам, я разыщу эту причину. И сделаю все, чтобы добраться до денег...

— Как только сделать это? — прошептала Ада. — Он мне всегда все говорил. Он так доверял мне.

— Он хотел вам об этом сказать. Я уверен. Он чувствовал опасность, хотел все объяснить, но убийца опередил его!

— Убийца. Мне так страшно, Карло.

— Вам нечего бояться.

Справа появился каменный забор "Квадратной скалы", потом ворота. Стази приостановил машину, открыл ворота. Быстро оглядел парк. Как знать, могло случиться еще что-нибудь.

И вправду, очень интересный дом. Нескучный. Не надо уходить с этого места. А что, если Аде придет в голову мысль отказаться от шофера? Невозможно представить себе, как можно оставить здесь в одиночестве сладенькую Корри.

Стази подъехал к дому. Из двери вышла Корри и улыбнулась ему, очень мило, но нельзя было не заметить. Они помогли Аде выбраться из машины.

— Вы не обидитесь, доктор? — спросила Ада. — Я должна прилечь. Мы можем попозже...

Цигаглия был само понимание.

— Я подготовлю все необходимые документы, и буду сообщать вам о каждом результате.

Ада благодарно улыбнулась.

— Стази, пожалуйста, отвезите доктора домой.

— Слушаюсь!

Ада медленно пошла с горничной к дому. Доктор опять сел в машину. Раздельное стекло не опустил. Стази видел, как он вытаскивал из портфеля бумагу за бумагой и читал их, наморщив лоб. Выходя из машины, он протянул Стази пятифранковую монету.

Не спеша, Стази поехал назад. В гараже было тихо и прохладно. Спортивный автомобиль госпожи Ады стоял покинутый. Стази задумчиво рассматривал его. Потом опустил стальные ворота и закрыл гараж на замок.

В парке никого не было. Перед дверью Стази покопался в карманах, ища ключ. Дверная ручка зашевелилась и дверь тихо открылась. Это была Корри.

Она приложила палец к губам.

— Тихо, она спит.

Стази улыбнулся.

— Классная горничная, в самом деле. Я уж испугался, что кто-то выскочит с алебардой, и я окажусь следующим на солнечном кладбище.

— Ты чудовище! Я и так боюсь! Хочешь внушить мне еще больший страх?

— Честно говоря, у меня несколько другие планы.

Стази закрыл дверь, поцеловал Корри и целовал ее так долго, что она отстранилась от него, упершись в него руками.

— Что случилось? Мне казалось, что мадам спит.

— Это не повод, чтобы четверть часа целовать меня.

— Это было всего лишь минуту. У тебя найдется для меня кофе?

— Я сварю тебе чашечку. Но только не шуми. Что было в банке? — спросила Корри на кухне.

— Потрясающе. Они шагали в банк, как герцог и герцогиня в Букингемском дворце. Старый Цигаглия выглядел так, будто хотел купить этот банк, и у него еще останется мелочь на бриллиантовую диадему для Ее Величества. Но когда они вышли... Что-то там у них не получилось. Мадам шла с закрытыми глазами, как будто ее вела собака-поводырь, а доктор — ему, пожалуй, сделали инъекцию соляной кислоты.

— Господин ла Верне, ты не знаешь жалости.

— Пока мы ехали, он говорил с ней, как на исповеди, а она лежала на подушках и изображала умирающую. Видно, плохо было дело под сводами несгорающего шкафа. Она тебе что-нибудь сказала?

— Ничего. Только чтобы ты позаботился о лодке на пляже.

— О лодке? — удивился Стази. — Хочет сбежать на другой берег?

— Не знаю. Она только сказала, что хочет, чтобы лодка была на ходу.

— Хорошо. Я подготовлю ее к плаванию. Все равно совсем нечего делать. — Он поцеловал ее в лоб. — Пока! Если буду нужен, я — в гавани.

Стази сидел в баре у окна и пил виски, в которое положил побольше льда. Время от времени он поглядывал на озеро и на свои часы.

Проверещал звонок. У двери стоял полковник Сталакарро с каким-то неизвестным человеком.

— Госпожа дома?

— К сожалению, нет. В открытом море. Катаются с Корри на лодке. Не хотите ли войти?

Сталакарро протиснулся в дверь.

— Мой ассистент, фельдфебель Хадик. А это господин ла Верне, секретарь Норрингенов.

— Очень рад, Хадик, — сказал Стази. — Но я всего лишь шофер у мадам. Мертвым чаще всего не нужны секретари. Может быть, господа пройдут со мной в бар? Госпожа фон Норринген несколько не будет возражать, если я налью вам виски.

— Хорошо, — согласился Сталакарро.

Стази придвинул к столу еще два стула.

— Какую марку предпочитаете?

— Любую шотландскую, только не ту, которая прикончила леди Чистербир.

— Я не думаю, что эта марка все еще в доме.

Стази придвинул обоим фужеры и сел. Они осторожно выпили. Стази держал пустой стакан перед собой и рассматривал его. Потом весело посмотрел на остальных.

— У меня такое чувство, что я все еще жив.

— Надеемся, что и останетесь таковым, — сухо проговорил Сталакарро. — Я хотел бы оставить Хадика здесь, в доме. Мне кажется, это будет разумно.

— Это полностью совпадает с мнением госпожи фон Норинген, — заметил Стази. — Я тоже считаю это правильным. Я очень стараюсь, но не могу быть везде одновременно. Господин Хадик может спать в одной из комнат для гостей. Он может выбрать восточную сторону или западную, в зависимости от политической ориентации. И, если мне будет позволено добавить, на восточной стороне он будет ближе к госпоже Норинген.

Хадик не изменил выражения лица.

— Это мы обсудим позже. — Сталакарро посмотрел на часы.

— Я безутешен, что вам приходится ждать. Если бы только госпожа знала... — Стази встал и широко распахнул ставни. Солнце залило комнату. Стази приставил руку к глазам. — Ну, вот. Галера в зоне видимости. — И показал пальцем на озеро.

Катер был удален от берега метров на сто пятьдесят и как раз делал красивый поворот. От винта за палубой образовывались небольшие волны. Было видно, что Корри сидела сзади за рулем, а Ада возлегалла на пляжном кресле около надстройки каюты. Девушка направила катер к берегу, потом повернула лодку и начала выписывать красивые петли по бирюзовой воде.

— Она проделает еще парочку фигур, — с сожалением произнес Стази, — вода притягивает. Надеюсь, хватит... — Он хотел сказать бензина, но слово застряло у него в горле. Полицейские высунули головы в окно и услышали глухой щелчок. Катер затрясся, как будто его протаранили. Лег на бок, покачнулся назад и потерял управление. Они увидели, как вскочила Ада. Потом со стороны руля поднялось облако серо-коричневого дыма. Безобразное грязное пятно под чистым голубым небом.

Катер начал тонуть. Бортовой мотор медленно приближался к поверхности воды и также медленно начал выступать из воды киль.

Они услышали, как закричала Ада, и почти одновременно рванулись к двери. Стази был намного моложе и сильнее остальных и быстрее всех оказался на берегу. Подбежав к воде, он пристально вгляделся вдаль. Там виднелась всего лишь одна голова, голова девушки. Но вот исчезла и она. Стази не решился прыгать в воду, не зная, где искать обеих. Но он стал быстро сбрасывать с себя одежду. Через несколько мгновений голова девушки вновь появилась над водой и вновь исчезла. Но по характерным движениям Стази понял, что девушка ныряет и выныривает, значит, она ищет Аду. Стази бросился в воду и поплыл в том направлении, где за жизнь госпожи боролась ее горничная. Он плыл, и время от времени поднимал голову, чтобы проверить, в правильном ли направлении плывет. Подняв голову в первый раз, он никого не увидел, но услышал голос Сталакарро, который кричал, что девушка и госпожа правее. Стази несколько изменил направление и, опять подняв голову, услышал крик о помощи и увидел две головы над водой. Значит, девушка вытаскила Аду на поверхность, но не в силах справиться одна с наверняка обмякшим телом. Стази удвоил усилия, отчаянно работая руками и ногами.

Девушка выбивалась из сил, она все-таки услышала голоса полицейских, кричавших ей, что Стази уже рядом и вот-вот поможет ей. Надо продержаться еще чуть-чуть, еще чуть-чуть и еще чуть-чуть. Полицейские тоже не теряли времени даром. Сталакарро руководил заплывом Стази и успевал быстро осматривать берег в поисках второй лодки.

— Ищите, Хадик, должна быть еще одна лодка. Посмотрите в тех кустах.

Действительно, в кустах была привязана к маленькой деревянной пристани небольшая плоская легкая лодочка.

— Отвязывайте скорее. Торопитесь, Хадик. Помощь понадобится и гувернантке. Она уже теряет силы.

Девушка, действительно, потеряла много сил, да и ослабела духом. Было очень страшно и за себя, и за госпожу, тело которой, казалось, все больше наливалось тяжестью. Уже теряя всякую надежду удержать тело на поверхности, она хотела крикнуть еще раз, и ей казалось, что она кричит "на помощь, Стази!", но над водой тихо несло только "О-оо, а-аа". Тут ее и подхватил Стази.

— Отпусти госпожу, ляг на спину и отдохни немного.

Отплыв несколько метров от Корри, Стази понял, что и девушку опасно оставлять одну посередине озера. Неизвестно, сможет ли она сама себя удержать на поверхности. Он огляделся вокруг и увидел, что полицейские уже подплывают к ним на лодке. Корри тоже поняла, что помощь близка, и воспряла духом. К ней вернулись силы и уверенность в себе. Она энергично заработала руками и даже стала догонять Стази. Они почти одновременно поравнялись с лодкой. Корри ухватилась за край лодки с одной стороны, Стази и Сталакарро втащили Аду в лодку с другой. Сталакарро повернул ее лицом вниз, и из ее рта потекла вода.

— Хадик, быстро гребите к берегу!

Хадик помог Корри забраться в лодку. Потом он отчаянно заработал веслами, пытаясь разогнать потяжелевшую лодку. Сталакарро еще никогда не приходилось возвращать к жизни утопающих. Но беда заставила его действовать почти автоматически. Уложив тело госпожи Ады на обессиленные ноги Корри, он стал делать искусственное дыхание.

Вот Ада захрипела, и все с радостной надеждой уставились на нее. Послышался хриплый кашель, Ада открыла глаза. Мало что воспринимая, она обвела блуждающим взором присутствующих и слабо простонала.

— Дышите, дышите, Ада! Все будет хорошо.

Когда лодка уткнулась в берег, Сталакарро приказал:

— Хадик, быстро к телефону, пригласите врача.

Хадик уже бежал на подкашивающихся ногах.

Тут приплыл и Стази. Сталакарро и Стази обхватили Аду и понесли к дому. Корри шла неверными шагами, трясясь больше от пережитого страха, чем от холода, и старалась не отстать от мужчин.

Аду внесли в гостиную, положили на диван, укрыли махровой простыней. Стази сбегал в бар, принес ее любимое виски. Она сделала два глотка, и вскоре щеки ее начали приобретать натуральный цвет.

Доктор осмотрел Аду и прописал ей несколько дней полного отдыха, побольше лежать, принимать успокоительные средства, а если состояние позволит, пройтись по парку.

Сталакарро не терял времени, но следов преступника опять не нашел. Хадик нырял по его приказу несколько раз и, поскольку катер лежал неглубоко и очень удобно для обследования, быстро установил причину катастрофы. В днище катера, рядом с мотором, зияла дыра. Такие последствия могло вызвать только взрывное устройство. Но кто его поставил, да еще с часовым механизмом! Кто воплощает против жильцов этого несчастного дома свой злодейский замысел? Дело принимало все более бессмысленный и запутанный характер.

Корри приступила к выполнению своих обязанностей через пару часов после жуткого купания.

Стази не терпелось поговорить с ней.

— Как дела? Как себя чувствуешь? Ты держалась молодцом! Мадам будет веч-но тебе обязана. Ты спасла ей жизнь.

— Я плохо соображала, что делаю. Но помню, что если бы ты не появился, все кончилось бы совсем по-другому. — Корри содрогнулась от воспоминаний. — А сейчас я боюсь. Во мне сидит жуткий, отвратительный страх. Я знаю, что вновь что-то произойдет. Мы ничего не можем сделать.

— Мне тоже не так хорошо, как тебе кажется. Просто я делаю вид, — согласил-ся Стази. — Но страх — это не то, что может нам помочь. Если мы будем начеку, то ничего с нами не случится. Может быть, она решит переехать отсюда, и тогда...

— Нет. — Корри говорила ровным спокойным голосом убежденного в своей правоте человека. — Она не переедет.

— Она тебе это сказала?

— Она хочет остаться здесь, пока все не прояснится. Пока она не узнает, кто убил ее мужа.

— Я понимаю ее. Тонкая женщина. Доброй ночи, Корри.

Когда Корри несла какао наверх, Хадик стоял у окна в коридоре.

— Добрый вечер, фрейляйн, — вежливо проговорил он. — Не обращайтесь на меня внимания.

Он все еще стоял на том же самом месте, когда Корри вновь появилась из ком-наты госпожи Ады. Она посмотрела вдоль коридора на другую сторону, на дверь Стази, но не увидела полоски света.

— Доброй ночи, господин Хадик.

— Доброй ночи. Как дела у нашей досточтимой госпожи?

— Она очень устала. В остальном неплохо. Скоро заснет.

Хадик кивнул. Корри пошла в комнату и плотно закрыла дверь.

Хадик тоже отправился в комнату для гостей. Не зажигая света, он сел к окну и закурил трубку.

Он был вполне доволен собой. Редко ему удавалось пожить так благородно, и никогда еще он не участвовал в расследовании такого дела, как это.

Если ничего не предпринять, на "Квадратной скале" никого не останется, и ма-клер по продаже земли опять может неплохо заработать.

Что же все это значит?

В доме завелся какой-то призрак, живой, жаждущий крови, невидимый при-зрак. Чужой человек, который здесь никому не известен, и все-таки знающий каж-дый уголок. И леди Чистербир, надо было бы поверить в это, — запоздалая месть за то, что продала дом Норингенам. Это убийство не по ошибке. Ни в коем случае!

И старик уже мертв. А его жена должна стать следующей жертвой.

Девушка и этот вертопрах шофер спасли ее, они вне подозрений. Доктор Цига-лия — юрист, пожалуй, поостережется превратиться в преступника.

Но у Хадика была своя версия, от которой он не хотел отказываться: эта писа-тельница, Цирли! Для нее нет ничего интереснее, чем воплотить в жизнь один из ее детективов и понаслаждаться всласть. Черт ее знает, как она это делает, но это она. Надо было давно ее арестовать. Нет доказательств, есть доказательства — сразу бы стало все ясно, если бы она сидела взаперти, и чудеса тут же прекратились бы. В тюрьме раскалывались и не такие.

Трубка погасла. Хадик вспомнил, что он здесь не только для того, чтобы курить, встал и вышел в коридор. Проверил весь второй этаж. Безуспешно. Нащупывая сту-

пеньки, спустился вниз. И здесь обследовал помещение за помещением, бесшумно, осторожно. В баре пахло виски, в библиотеке — книжной пылью, на кухне — луком и ополаскивателем. Вот и все новости.

Пройдя через террасу, Хадик вышел из дома в парк. На весь круг его инспекции ушло минут пятнадцать, замечательная прогулка. Но он опять ничего особенного не заметил, кроме пряного воздуха и жалобных криков ночных птиц.

Хадик вернулся в свою комнату так же тихо, как и вышел. Аромат табака все еще висел в комнате. Поспать пару часиков было бы просто замечательно.

Прежде чем включить свет, он запер оконные ставни. Вспыхнули лампочки, и Хадик сразу почувствовал, что кто-то побывал в комнате.

На его ночном столике лежал прямоугольный клочок белой бумаги. Он медленно подошел к нему. Неуклюжие печатные буквы, и, конечно, никаких отпечатков: **БЕССМЫСЛЕННО, ХАДИК. ОНА ВСЕ РАВНО УМРЕТ. ВЕСТНИКИ СМЕРТИ.**

Стази проснулся от того, что кто-то барабанил в его дверь.

— Да? — спросил он растерянно.

— Это я, Корри.

— Минуточку! — Его часы показывали пять минут восьмого. — Что случилось?

— Тебе надо подготовить маленький автомобиль и вывести его из гаража. Мадам поедет в город сразу после завтрака.

— В город? Она в состоянии ехать в город на второй день после такого купания? Доктора хватит паралич.

— Он сам себя и вылечит. Мадам нужно уладить что-то важное. В общем, делай, что тебе говорят!

Через десять минут Стази вышел в коридор.

На него смотрел полицейский.

— Доброе утро, господин Хадик. Как прошла ночь?

— Отлично.

Полицейский был мрачен, словно у него начался приступ желче-каменной болезни.

— Вы сегодня ночью были в коридоре?

— В коридоре? — Стази помотал головой.

— Слышали какие-нибудь звуки?

— Да, кто-то бегал около дома. Но я предположил, что это вы, и сразу заснул. Что-нибудь не в порядке?

— Все в порядке.

— Это меня очень радует, — облегченно произнес Стази. — А теперь простите меня, мне надо в гараж.

Хадик пошел на нижний этаж. Ему нужно было отчитаться перед Сталакарро, а один из телефонов стоял в курительной комнате. Хадик был уже в вестибюле, когда на лестнице послышались шаги.

Ада спустилась вниз и, не оборачиваясь, пошла к входной двери. У Хадика было такое чувство, что ему надо пойти за ней и поговорить или просто без слов сопроводить ее, но он услышал, как хлопнула входная дверь, и пошел к телефону.

Сталакарро безмолвно выслушал его. Хадику трудно было рассказывать о записке, которая так внезапно появилась, пока он разгуливал по ночному парку.

— Будьте вдвойне внимательны! — сказал Сталакарро. — Я приеду сегодня после обеда и останусь на ночь. Что-то не нравится мне эта записка. У Норингена все начиналось так же.

Когда Хадик вышел из курительной комнаты, из коридора его позвала Корри.

— Хотите завтракать, господин Хадик? Стази тоже сейчас...

Они повернули головы. У входной двери стоял Стази.

— Хочу есть! — крикнул он.

— Машина в порядке? — спросил его полицейский.

— В полном. Я бы ее продал как новую.

— Она уехала?

Стази посмотрел на него непонимающими глазами.

— Кто уехала?

— Госпожа фон Норинген, конечно. Она ушла из дома десять минут назад.

— Ее не было в гараже. Я ее не видел.

Нависло недоброе молчание, потом Корри резко вскрикнула. Ее крик вывел мужчин из оцепенения.

— Пойдемте! — приказал Хадик. — Быстро в парк!

— Я пойду с вами, — девушка ухватилась за Хадика. — Боюсь оставаться здесь одна.

— Может быть, там вы испугаетесь еще больше, — проворчал он, потянул ее за руку и поставил за дверь. — Стойте здесь. Если что-нибудь увидите, кричите. Вперед, ла Верне! Идите к воротам и не пускайте никого ни внутрь, ни наружу.

Стази побежал к воротам. Хадик направился направо к гаражу. Обе стальные створки гаража были плотно закрыты.

В конце дорожки Стази увидел спортивный автомобиль госпожи Ады с откинутым верхом.

— Никого! — крикнул он.

Хадик сделал ему знак оставаться на месте, а сам вошел в гараж. Бензиновый угар ударил ему в лицо. На левой стороне сверкал своим чудным лаком "бентли". На полке у задней стены лежал чистенький, аккуратно разложенный инструмент. Втайне Хадик надеялся найти ее здесь, но гараж был пуст.

Он прошел по дорожке к спортивному автомобилю Ады и спросил у Стази:

— Это вы подогнали машину сюда, к воротам?

— Да, я почти всегда это делаю, если она хочет ехать. Она не любит ездить задним ходом.

— А потом?

— Потом я пошел назад, в гараж. Закрыл ворота и вернулся в дом.

Хадик повернулся, его глаза начали обшаривать все вокруг. И вдруг он увидел следы на траве. Они вели прямо в густой кустарник.

Хадиду не пришлось идти слишком далеко. Между двумя кустами гардении, нежно благоухающей своими чудными соцветиями, лежала Ада фон Норинген. Она упала прямо вперед, как внезапно потерявший сознание гвардеец на параде. Лодочки ее туфель лежали каблучок к каблучку, костюм едва помят, как будто она и после смерти хотела остаться леди. Ее сумочка лежала слева, закрытая, блестящая, нетронутая.

Из-под левой лопатки торчала рукоятка. Узкая рукоятка стилета. Маленькое изящное орудие убийства, какое могла бы предпочесть такая изящная дама, как Ада.

Хадик посмотрел на свои часы. Семнадцать минут девятого. Он осторожно подошел к трупу и встал на колени. Вокруг рукоятки ножа образовался на материале костюма круглый влажный ореол. Совсем немного крови. Пощупал пульс на запястье — уже никакого пульса. Хадик пошел по своим собственным следам назад. Когда он достиг дорожки, то жестом позвал ла Верне. Стази быстро подбежал к нему.

— Она лежит за кустом. Колотая рана. Нападали сзади.

— Вот, значит, что бывает, если полиция в доме и за всем следит, — пробормотал Стази. — Поздравляю, господин Хадик.

Хадик не ответил. У него в голове рождалась какая-то важная мысль, еще не дошедшая до сознания, но это было очень-очень важно. Почему он ее никак не может сформулировать?

— Извините, — устало произнес ла Верне, — мне можно туда пройти?

— Пожалуйста, не надо. Будет лучше, если больше никто не будет топтаться во круг. Помочь вы ей уже ничем не сможете.

Резким движением Стази достал сигарету. И в этот момент до Хадика, наконец, дошло, что он хотел сделать.

— Оставайтесь здесь, — воскликнул он. — Никого туда не пускайте. Я сейчас вернусь. — И сорвался с места.

Корри увидела приближающегося полицейского. Страх комом стоял в горле. Хадик отодвинул ее в сторону и помчался по коридору в курительную комнату. Он еще раньше заметил блокнот, в котором были записаны все самые важные телефоны.

Ирмела Цирли: 7-21-01.

Хадик набрал номер и, пока ждал, постарался успокоить дыхание.

— Алло, — произнес грубый голос.

— Госпожа Цирли? — спросил он.

— Да.

Хадик медленно сел. Лицо его побелело.

— Кто там говорит?

— Фельдфебель Хадик из полиции кантона.

— Ах, какая радость. Чем могу служить?

— Я хотел бы узнать, не у вас ли госпожа Норинген.

— Ада? Нет. Пока нет. Но она должна приехать с минуты на минуту. Я жду ее. Мы договорились на половину девятого.

— Вы ждете ее? — Хадик сглотнул.

— А что?

— А-а... ничего. Благодарю вас. Мы вам позже позвоним.

Хадик сидел на своем стуле совершенно подавленный. Через некоторое время он снова набрал номер.

— А где ла Верне? — спросил Сталакарро. Они стояли перед мертвой госпожой Адой фон Норинген.

— Наверху. У девушки. Истерика. Она кричала, как резаная.

Пришли фотографы, потом мужчины с носилками.

— Пойдемте, — сказал Сталакарро. — Здесь уже больше нечего делать. — Когда они вышли на дорожку, он поинтересовался: — Записка, которую вы обнаружили сегодня ночью, у вас?

Хадик осторожно вытащил записку.

Сталакарро развернул бумажку.

— Отпечатков пальцев, конечно, нечего искать. Определенно, та же история, что и с предыдущими записками. — Он еще раз прочитал текст и пробормотал: — Вестники смерти. Они недолго заставили себя ждать. Ваша комната была заперта во время обхода?

— Нет, я не думал, что именно ко мне...

— Да ладно, все в порядке. Парню, наверно, доставляло очень большое удовольствие заранее объявлять об убийствах.

— Я мог бы поклясться, что, кроме нас четверых, в доме не было ни одной живой души. Всегда чувствую, если кто-нибудь оживает поблизости.

— Гм. Мы оба в этом случае не заслужили ни капельки славы. И если в ближайшее время не заполучим преступника, нам не останется ничего другого, как поливать цветы.

Они подошли к воротам. Сталакарро осмотрелся вокруг.

— Здесь стоял автомобиль?

— Да.

— Она шла тем же путем, что и мы сейчас. Убийца завлек ее в кусты. Выглядит все так, как будто ему не пришлось применять силу. Потому что...

— Она знала его!

Сталакарро согласно кивнул. Он рассматривал следы протекторов в песке. Вдруг они услышали гул мотора и визг тормозов перед воротами: пожаловала Ирмела Цирли. В темно-красном костюме. На голове у нее была белая шапочка гонщика, которая делала ее лицо еще более угловатым.

— Черт в гости, — прошептал Хадик.

— Доброе утро, господа! — пролаяла она. — О-о, господин Хадик, мы с вами уже сегодня беседовали. — Ирмела заковыляла к Сталакарро. — Рада вас видеть, полковник! Ваше присутствие всегда внушает мне уверенность.

— А вы чувствуете неуверенность? — спросил Сталакарро.

— Само собой разумеется! Представьте себе — днем и ночью я окружена моими любимыми преступниками и убийцами! Тут любой полицейский покажется лучом света! — Она переводила взгляд с одного на другого. — В такую рань уже все в заботах о "Квадратной скале"?

Сталакарро не ответил на ее вопрос, а задал свой:

— Могу я спросить, что привело вас сюда?

— Я ищу Аду.

— Почему?

— Мы должны были с ней встретиться. Она обещала появиться у меня не позднее половины девятого. Я сказала об этом господину Хадик, когда он мне звонил. А теперь уже почти десять! Она не приехала. Она всегда так пунктуальна...

— Когда вы договорились о встрече?

— Вчера после обеда. Ада позвонила мне и рассказала мне эту чрезвычайно интересную историю со взрывом в лодке. Она была в полной растерянности, бедненькая. Она же не умеет плавать. Если бы не девушка, ее уже не было бы в живых.

— Ее и нет в живых, — тихо проговорил Сталакарро.

Сообщение произвело на Ирмелу такое впечатление, как будто умерла одна из героинь ее романа.

— Нет в живых? Мне долго пришлось бы ждать ее! Она простудилась в воде? Я же говорила, что эти врачи...

— Ее закололи. Здесь, в парке.

Ирмела уставилась на Хадика.

— Поэтому вы звонили мне! Хотели узнать, дома ли я.

— Находите эту версию такой уж невероятной? — спросил Сталакарро. — Вы все-таки наследуете теперь хорошенькое состояние. И этот парк, в котором она была убита, теперь наполовину ваш.

Ирмела посмотрела вокруг.

— И в самом деле! Я об этом не подумала ни одной извилиной мозга. Стою на собственной земле.

— Именно так.

Ирмела и не старалась скрывать свою радость.

— Бедная Ада! Если бы я только знала, что она хотела мне сказать. Как ее закололи?

— Сзади. Стилетом. Убийца заманил ее в парк. Она, по всей вероятности, знала его и доверяла ему.

Ирмела развела руками.

— Стилет! Какой разносторонний убийца! Каждый раз применяет новое оружие.

— Верно, — скривил лицо Сталакарро. — И я с интересом жду, что он придумает для новых обитателей дома.

Через три дня Аду похоронили рядом с ее супругом. Духовник не напрягался, произнося траурную речь: он только подчеркнул всю трагичность случая, которая привела супружескую чету после такого короткого счастливого брака к трону Господа.

Стази держал Корри за руку, а она, прямая и бледная, не отрываясь, смотрела на гроб. Доктор Цигаглия стоял рядом с госпожой Цирли прямо у могилы. Ему было ясно, что между ним и дополнением к завещанию больше никого не было, но это его совсем не радовало.

Ирмела не отставала от него после похорон.

— Мне кажется, нам есть что обсудить!

— Сейчас? — раздраженно спросил он.

— Почему бы и нет? Наша милая покойница вряд ли будет сердиться на нас, если мы сделаем это.

Он сделал попытку с достоинством отказаться.

— Думаю, что для нас обоих это очень важно, — с наслаждением продолжала Ирмела. — Чем скорее мы уладим дела, тем лучше. Кто знает, кто из нас будет следующей жертвой.

Цигаглия с неприязнью смотрел на нее, мысленно содрогаясь, что отныне он должен находиться с ней в постоянных деловых отношениях. Но однажды ведь придется с ней все обсудить. Лучше уж сразу.

— Вы правы, — сказал он. — Надо рационально использовать время. И это будет в стиле Ады, если мы сразу обсудим, как поступим со слугами.

В офисе Цигаглия Ирмела уселась на самый удобный стул. Она сняла шляпу и обмахивалась ею, как веером.

— Не вылезает из траурной одежды! При такой жаре!

Выражение лица Цигаглия не выдало его мыслей. Он обстоятельно открыл свой сейф и вытащил папку с завязками.

Ирмела не давала ему сказать и слова.

— Как вы знаете, я говорила с Адой по телефону за день до ее смерти. Слава Богу, что удалось хотя бы это. Она очень нервничала и была чрезвычайно возбуждена событиями в лодке. Боялась, что покушения будут продолжаться. Ада сказала, что если с ней что-нибудь произойдет, то она просит выполнить ее последнее желание, — чтобы в доме оставили в услужении девушку и шофера, если, конечно, они этого захотят. Ведь Корри и Стази спасли ей жизнь. Прежде всего Корри. — Увидя насмешливое выражение глаз адвоката, Ирмела смолкла. — Что такое, доктор? Вы не согласны?

— Я совершенно ничего не имею против, — с сарказмом ответил Цигаглия. — Верные слуги сейчас на вес золота. Невозможно представить себе, что они будут выброшены на улицу без всяких средств. Только боюсь, что они не такие уж бедные.

— Что вы имеете в виду?

Цигаглия злорадно улыбнулся.

— Наша высокоуважаемая усопшая проявила о них заботу. За спасение ее жизни фрейляйн Корри золотой медали не получила, но приобрела сто тысяч франков. Ирмела выпрямилась, даже прогнулась в поясице, и поджала тонкие губы.

— Сто тысяч франков?

Цигаглия вежливо кивнул.

— А вы говорите! Но это еще не все! За те пятьдесят метров, которые ему пришлось проплыть, ла Верне получил двадцать пять тысяч франков.

Глаза Ирмелы вылезли из орбит.

— С какого счета?

Адвокат потер руки.

— Я так и подумал, что вы это спросите. Сто двадцать пять тысяч франков со счета госпожи Ады. На следующий день после покушения она поручила мне совершить эту транзакцию. У меня были на этот случай банковские полномочия. Правда, придут еще дня два, прежде чем эта сумма дойдет до меня.

Ирмела не нашлась, что сказать, и Карло с удовлетворением отметил это обстоятельство.

— Но я могу рассеять ваши огорчения, — продолжил он. — Остаток личного счета Ады составляет четыреста тридцать тысяч франков. Тут у вас дела обстоят намного лучше, чем у меня, моя дорогая. На счету моего друга нет такой суммы. И так как я не имею никаких прав на то, чем владела Ада...

— Вам удалось выяснить, что сделал Адриан со своими деньгами?

— К сожалению, все еще нет. Но я имею все основания надеяться, что добьюсь в этом вопросе ясности. На это нужно время. В нашей стране не так просто разобраться в банковских делах убитых.

Ирмела больше не слушала. Ее губы двигались, она считала:

— Четыреста тридцать тысяч. Я думала...

— Вы думали, что там больше. — Цигаглия взял плотно исписанный листок. — Там и было больше. Банк охотно предоставил мне эту информацию, так как мне, согласно завещанию, поручено вести дела. Ада обладала вначале семьюстами пятьюдесятью тысячами франков. Сто двадцать пять тысяч переходят к ла Верне и фрейляйн Натхолм. Но кроме этого...

Паника в лице Ирмелы все возрастала.

— Кроме этого?..

— Один раз она сняла со счета двести тысяч франков. Тридцать первого июля. За день до похорон ее мужа. Почти одновременно с Адрианом, погасившим свой счет. Это было двадцать седьмого июля.

— Вы видите здесь какую-то связь?

— Пока нет. Но, вне всякого сомнения, какая-то связь существует. Я в этом твердо убежден. Очень надеюсь, что ваше детективное чутье поможет нам продвинуться в этом деле. — Он отложил листок. — Ну-с, у вас нет причин печалиться, уважаемая, если не считать смерти вашей подруги.

То, как Ирмела держалась, вовсе не свидетельствовало о глубине ее страданий.

— А что же с общим счетом?

Цигаглия пренебрежительно отмахнулся.

— Мелочь по сравнению с остальным. Сто сорок тысяч франков. По семьдесят тысяч на каждого из нас! И надо еще покрыть текущие расходы, не говоря уж о моем гонораре.

Казалось, Ирмела выдержала удар.

— Мы с вами как-нибудь договоримся, — кратко пояснила она. — А что меня в первую очередь интересует, и почему я попросила этого объяснения, так это "Квадратная скала". Я хочу переехать в этот дом.

Теперь был черед адвоката потерять дар речи. Он откинулся в кресле. Ошеломление в его лице мало-помалу уступало место откровенному восхищению.

— Да, но свой дом вы хотите оставить?

— Ни в коем случае. Летом — "Квадратная скала". Зимой — у себя.

— В этом доме? Несмотря на три убийства и полдюжины покушений?

— Именно поэтому. — Ее глаза сверкали, как фальшивые бриллианты. — Разве вы не понимаете, доктор? Уникальная возможность! Вот уже тридцать лет я заполняю страницы за страницей выдуманными трупами и ложными убийствами. Я отправила на тот свет пол-армии, в уме. Все не настоящее. Все фантомы! А теперь такой шанс! Настоящие, взаврадашние убийства! Три холодных трупа, которые можно потрогать! На глазах у нашей превосходной полиции! Это будет моим великим романом! Я уже пользуюсь некоторым успехом, но это будет моим памятником!

Цигаглия откашлялся.

— Надеюсь, не вашей могилой!

— Не бойтесь! Я еще планирую потоптаться на этой грешной земле.

— Норингены думали точно так же.

— У них не было ни фантазии, ни силы, чтобы защитить себя от убийц. У меня есть своя версия. Я воплощу ее в романе. Убийца хотел выгнать Норингенов из дома. Сначала угрозами, потом силой. Если бы они его продали, то остались бы в живых. Почему он должен прогнать меня?

— Я не знаю, — ответил Цигаглия. — Но точно так же не знаю, какой была причина прогнать Аду и Адриана.

— О-о, тут найдется много причин: старые враги, месть, старая ненависть. Темные пятна есть в жизни каждого человека. Что я знала о Норингене? Что вы знали о его жене? Ничего!

Адвокат задумчиво наблюдал за восторженной сочинительницей криминальных романов.

— Конечно, конечно. Но не менее возможным мне кажется то, что убийца хочет прогнать любого из этого дома, независимо от того, кем он был раньше и что он натворил.

— Какой в этом смысл? Какая выгода от пустого дома?

— Я не могу себе этого представить.

— Вот именно. Поверьте мне, деньги интересуют меня во вторую очередь — я и сама кое-что скопила. И поэтому хочу спросить у вас, как у совладельца, согласны ли вы с тем, что я вселюсь в этот дом?

— Согласен.

— Прекрасно. Ла Верне и девушка пусть остаются. Все равно кто-нибудь будет нужен. Мы выполним волю Ады. — Она наклонилась вперед, и дьявольская улыбка появилась на ее лице. — Ну как, доктор, вам не хотелось бы тоже провести лето на свежем воздухе? Или вам лучше остаться здесь, в мире пыльных актов и бумаг? Разве у вас нет желания разгадать тайну?

Цигаглия отстранился от нее.

— Ради Бога, мне достаточно воспоминаний о змее в туалете, чтобы решительно отклонить ваше предложение. Нет уж, я останусь здесь.

— Я так и думала. У вас не хватает мужества для приключений. Жаль, дорогой мой, очень жаль. Что же вы будете делать? У вас те же права, что и у меня. Продать

имение мы можем только в том случае, если оба будем с этим согласны. У меня нет и мысли о продаже. А у вас?

Адвокат соединил кончики пальцев и наклонил голову. В его глазах появилось лукавство.

— И я об этом не думаю, многоуважаемая госпожа. Но у меня к вам вот какое предложение.

Ирмела слушала его с величайшим вниманием.

— Цигаглия вот-вот придет, — сказал Анастасиус ла Верне.

Он сидел в углу столовой и наблюдал, как Корри придавала празднично накрытому столу последние штрихи изящества. Серебро и фарфор блистали. Корри отошла назад и полюбовалась своей работой.

— Пять блюд, — продолжал тем временем Стази. — Добрый Сталакарро перепутает все приборы. Я не думаю, что полицейского часто приглашают на обед, где подают пять блюд.

Корри поправила изысканно сложенные салфетки.

В тишине было слышно торопливое постукивание пишущей машинки.

Стази указал большим пальцем наверх.

— Если она будет и дальше так стараться, то еще сегодня вечером узнаем, кто же убийца на "Квадратной скале". Ну и рвение!

— А еще хладнокровие, — деловито подчеркнула Корри. — Пять дней назад похоронили ее подругу. По ее утверждению, лучшую подругу. Позавчера она переехала в дом. А сегодня дает праздничный обед.

Стази пренебрежительно щелкнул пальцами.

— Лучшая подруга! У женщин это значит — самая безобидная. А сегодняшней обед — это своего рода благодарность за наследство. Полковник и адвокат для такого случая в самый раз. И мы тоже. Может быть, убийца среди гостей?

Дверь была чуточку приоткрыта. Из кухни доносился звон посуды. Время от времени повараха что-то бормотала себе под нос.

Корри закрыла дверь.

— Стази, — едва слышно произнесла она. — Цирли получила дом по завещанию. Как ты думаешь, это она убила Аду?

Он засунул руки в карманы смокинга и посмотрел в глаза девушки снизу вверх.

— Думать можно все, что угодно. Надо знать наверняка. Конечно, Цирли могла быть в парке. Вопрос только в том, как это она так быстро попала к себе домой. Может быть, у нее кто-то был, кому она заказала убийство. Или это адвокат — из своих побуждений.

— Цигаглия?

— Не исключено. Ему тоже приходится половина. Людей убивали и за меньшие деньги.

— Если бы я только знала, кто это, — отсутствующе произнесла Корри.

— Чего доброго, еще остановятся на мне и обвинят в убийстве, — заметил Стази. — Надеюсь, где-нибудь поблизости есть комфортабельная тюрьма. Как тебе такая версия? Не хочешь поработать вместо Сталакарро?

— Я хочу...

Стази не пришлось узнать, чего она хочет. Резко зазвенел звонок у входной двери.

— Наверно, господин убийца пожаловал, — равнодушно бросил Стази и встал. — Пойду, провожу его к новой госпоже.

— Ты ничего не воспринимаешь всерьез, — в словах Корри слышался явный упрек.

Он поправил галстук-бабочку.

— Я воспринимаю все намного серьезнее, чем ты думаешь. Прежде всего, потому что еще хочу пожить.

— Хоть бы они все друг друга поубивали.

Стази приложил палец к губам.

— Тс-с-с! Может быть, так оно и будет. Но пусть хотя бы подождут конца ужина.

Он вышел и открыл дверь доктору Цигаглия.

— Добрый вечер, доктор, входите. Мадам ждет вас.

— Добрый вечер, мой дорогой. Она работает?

— Ну, еще бы! Но для вас выкроет время между двумя убийствами.

Высокий череп и огромные уши адвоката торчали над светлым плащом, который был надет поверх смокинга. На траурной ленте красноватый отсвет. Цигаглия снял плащ, он взял узенькую папочку и пошел за Стази на второй этаж.

Треск пишущей машинки Ирмелы заполнял коридор. Стази попытался постучать еще громче.

— Войдите, — проскрипела она.

Цигаглия понял с первого взгляда, что обстановку в спальне она не меняла. В салоне царил супербеспорядок. Ирмела восседала у пишущей машинки с большими грубыми клавишами, возраст которой доктор определил эдак лет на тридцать. Каждый удар по клавишам поднимал облачко пыли. На Ирмеле был китайский пеньюар с разноцветными драконами. В зубах она держала предлинную сигару, а когда вытащила ее изо рта, пепел упал за клавиши, переключаящие шрифты.

— О-о, мой добрый доктор, как я рада! Уже половина шестого. Когда работаешь, совсем не замечаешь, как летит время.

Цигаглия поцеловал ей руку.

— Надеюсь, мертвецы не мешают вам продвигаться вперед! Можно позавидовать вашей энергии.

— Вы думаете? Мне нужно раскрыть все тайны, прежде чем это сделает Сталакарро. — Она повернулась к Стази. — Когда он придет, пригласите его в бар и выпейте с ним чего-нибудь. Нам с господином Цигаглия надо обсудить наши дела. Но мы недолго.

Стази ретировался. Он обнаружил Корри в баре у кофеварки.

— Ну?

— Он болтает с мадам. Дела. Может, нам жалованье повысят.

— Повысят? Скорее озеро пересохнет!

— Ну, тогда, по крайней мере, Сталакарро сможет осмотреть взорванную лодку.

В дверь снова позвонили.

— Чудной дом. Стоит только упомянуть о человеке, а он уже звонит. Хороший человек, из-за него и мне перепадет стаканчик.

Они вместе вышли из бара, и Корри исчезла на кухне.

Сталакарро стоял у двери, худой и черный, как посланец преисподней.

— Добрый вечер, ла Верне, — кратко приветствовал он.

— Мое почтение. Вас ждет виски. Досточтимая госпожа, конечно, тоже.

— Очень любезно со стороны обоих.

— Она скоро спустится вниз, — объяснил Стази, пока они шли в бар. — Сейчас она там с доктором. — Войдя в бар, он предложил: — Пожалуйста, усаживайтесь. Что вам будет угодно?

— Мартини.

— С превеликим удовольствием.

Стази взял коктейль. Он элегантно опустил оливку в фужер с коктейлем и протянул его полковнику. Потом сделал виски и себе.

Сталакарро спросил:

— Собственно, где вы родились? Во Франции?

— Нет, — ответил ла Верне. — Моя фамилия — это последствие несчастной отмены указа Нанте. Мои предшественники не хотели иметь трудностей с солнечным королем. Они ушли на восток. Но ходить пешком они были не мастаки, поэтому дошли только до восточной Фрисландии. Я родился в Аурихе. Вы знаете Аурих? Нет? Вы ничего не потеряли. Пахнет рыбой и морской водой, а язык аборигенов невозможно понять. Кроме того, они невыносимо добропорядочны. На полдник пьют чай. Три чашки. По пятнадцать минут на чашку. Потом опять работают. Для меня загадка, как я там мог родиться?

За дверью послышался шорох. Ее осторожно открыли, и вошел доктор Цигаглия.

— Добрый вечер, дорогой! Чрезвычайно рад. Ах, налейте мне шерри, если можно.

Стази незаметно наблюдал за ним.

— Достопочтенная госпожа сейчас спустится к нам. Она довершает свой туалет. Спасибо, спасибо, голубчик. Большое спасибо. — Цигаглия взял из рук Стази стакан и отпивал из него небольшими глотками, как грызущая что-то белочка. — Превосходно! Это прибавит мне аппетита, хотя я уже и так голоден, но все равно — чудесно. Какой чудный вечер! Как же это трагично, что наши Норингены больше не могут им насладиться.

— Если позволите спросить, доктор, вы уже уладили все формальности? — спросил Сталакарро.

Цигаглия с восхищением разглядывал шерри.

— Самые основные — да. Остались только всякие мелочи. Очень мало времени. Я едва не забросил все дела моей практики.

Стази подлил ему вина.

— Зато такими делами вам не часто приходится заниматься.

— Действительно, не часто, — озабоченно сказал доктор. — Для меня все это слишком тяжело. Я всякое повидал в своей жизни, но такого еще никогда. — Он повернулся к Сталакарро. — Что-нибудь новенькое?

Сталакарро сложил руки на животе. Его голос звучал доверительнее, чем его общение.

— Вынужден признаться, что нет. Мы бродим в потемках. Как такса в норе в поисках правильного хода.

— Я не хочу ни в коем случае докучать вам, — осторожно проговорил адвокат. — Но я читал много газет. Пресса начинает волноваться. Три нераскрытых убийства за такое короткое время...

— Ко всему прочему могу еще добавить, что вряд ли мы досмотрели этот сериал до конца.

Доктор посмотрел на полковника с нескрываемым ужасом.

— Вы думаете, что еще кого-нибудь...

— Не очень-то доверяйте моим предчувствиям. Но для меня они единственное утешение. У меня есть пара версий — лучший выход, если не имеешь веских доказательств. Одна из версий предполагает, что должно произойти еще одно убийство.

Доктор в отчаянии ломал руки.

— Кого же должны убить, скажите, ради Бога! Лучше бы такое предчувствие не оправдалось.

— По мне, тоже. Это, как я уже сказал, одна из версий. Мы бы очень выиграли, если бы узнали, что сделал со своими деньгами господин фон Норинген.

Стази опять налил себе виски.

— По вашей версии, — вежливо поинтересовался он, — кто должен быть кандидатом на следующие похороны? Надо бы привести в порядок свои дела, правда, на это хватит и десяти минут, но тем не менее...

Сталакарро хотел ответить, но ему помешал тихий стук в дверь. Вошла Корри. Мужчины благосклонно разглядывали ее.

— О-о, фрейляйн Корри! — воскликнул Цигаглия. — Посидите с нами! Ваша красота поможет нам не думать о неприятном.

Она выглядела смущенной.

— Спасибо большое. Я только хотела узнать, не приказывала ли госпожа чего-нибудь насчет обеда.

— Она сказала, что вот-вот придет. Но я что-то не понимаю, почему она так долго лишает нас своего присутствия!

— Она не может оторваться от грандиозного убийства, — улыбнулся Стази. — Позови ее, Корри!

Сталакарро поднял голову и прислушался.

— Я не слышу машинки.

— Наверно, отсюда не слышно. — Адвокат почувствовал себя неуютно.

— Не кричи, пока не загорелось, — произнес Стази.

Корри молча вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Сталакарро вдруг спросил Стази:

— Вы останетесь в доме у госпожи Цирли?

— Пока да. Мы не хотим оставлять ее в беде. А она нас пока не увольняет.

Цигаглия ухмыльнулся.

— А вас и не уволят, дорогой мой.

— О-о, вы так уверены, доктор?

— Совершенно уверен. Между прочим, у меня для вас есть новость, радостная, насколько я могу судить.

— Для меня?

— Для вас и фрейляйн Корри. Но я бы подождал, пока госпожа не присоединится к нам.

Они увидели, что Сталакарро не отрывает глаз от двери. И Стази не сводил с нее глаз. Цигаглия тоже повернул голову.

В дверях стояла Корри. Ее губы были белы от страха.

— Она не отвечает, — проговорила она.

Сталакарро медленно поставил свой фужер на поднос.

— Куда вы звонили? — спросил он.

— В спальню.

— Откуда?

— Из соседней курительной комнаты.

— В каких комнатах наверху еще есть телефон?

— В спальне господина фон ... где раньше была его спальня.

Сталакарро встал.

— Господа, прошу вас не выходить отсюда, пока я не вернусь. И вы останьтесь здесь, фрейляйн Корри.

Сталакарро вышел. До него не доносилось ни звука из бара, пока он звонил в соседней комнате. На телефоне было шесть кнопок для внутренней связи. На четырех из них были надписи: "господин", "госпожа", "лодочная станция". Четвертая кнопка была для аппарата, с которого он звонил. Сталакарро знал, что есть еще один телефон в библиотеке. Они все до единого были связаны между собой, и с каждого из них можно было позвонить в город. Он снял трубку и нажал кнопку для связи с телефоном в спальне Ирмелы. Услышал гудки, но трубку не сняли. И никаких голосов.

Сталакарро подождал. Потом нажал на кнопку с надписью "господин".

Она могла пойти туда. Может быть, хотела что-то взять.

Никто не ответил.

Он еще раз нажал на первую кнопку. Очень хотелось услышать некрасивый голос Ирмелы. Но телефон молчал.

В вестибюле остро пахло луком. Сталакарро прошел через прихожую в кухню. Повариха повернулась к нему спиной.

— Здравствуйте, — поздоровался он.

Вздвогнув, она взмахнула руками и резко повернулась.

— О-о, здравствуйте. Извините, я думала, что это Корри. В этом доме постоянно чего-нибудь боишься и вздрагиваешь. Нет, я точно сюда больше не приду.

— Мадам приходила к вам?

— Мадам Цирли? Нет. Только Корри.

— Вот как? Спасибо. Посмотрю наверху.

Он исчез, прежде чем она успела что-нибудь сказать.

Сталакарро поднялся наверх. Увидел дверь в спальню Ирмелы и оказался перед ней быстрее, чем ему этого хотелось.

Пишущей машинки не слышно. Никто не отвечает на его стук. Он постучал еще раз, медленно и громко, а открывая дверь, с ужасающей ясностью представил себе картину, которая его ожидала.

Спальня была пуста. Сквозь открытую дверь в салон не доходило ни звука. Сталакарро остановился на пороге.

Ирмела Цирли сидела за своей машинкой.

Белый лист бумаги наполовину свисал из машинки. Руки обвисли по обеим сторонам тела. На ней был пеньюар с блестящими драконами. Голова откинута назад на спинку стула, но лицо казалось еще живым. Оно выражало последнюю безумную удовлетворенность, какой он никогда не видел у нее живой. Как будто в последние секунды на нее снизошло великое озарение, и как будто ей открылась загадка "Квадратной скалы". Глаза были широко открыты. Они выпирали сильнее, чем когда-либо. Сталакарро понял, почему: проволочная петля глубоко впилась в белую плоть шеи. Должно быть, ее смерть была быстрой.

Он подошел ближе. Его глаза замечали все мелочи. В комнате не было ничего особенного, кроме мертвой женщины. Он наклонился и внимательно рассмотрел последние строчки, напечатанные ею. Нет ли подсказки, кто же преступник?

"Как дела у Марселя?" — спросила Элен. "Спасибо, у него все хорошо, за исключением того, что он мертв".

Сталакарро выпрямился. Вот, что она говорила. Вот, что писала в последние секунды перед смертью. Он пощупал ее щеку. Тепло еще не ушло, но пульса не было.

Неподвижные глаза Ирмелы провожали его до двери. Я знаю больше тебя, говорили они.

Конечно, подумал Сталакарро. Она видела убийцу. И знала его. Она была не глупа. Ее холодный аналитический ум разгадал тайну.

Он пошел по коридору, потом вниз к входной двери. Махнул рукой кому-то в парке. Фельдфебель Хадик вышел из-за стволов деревьев. Кивком головы Сталакарро приказал ему следовать за ним.

Они пошли назад в дом.

— Госпожа Цирли в салоне, — тихо произнес Сталакарро. — Задушена провололочной петлей. Кто-нибудь выходил из дома или входил?

Хадик покачал головой.

— Цигаглия, ла Верне и девушка сидят в баре. Оставайтесь здесь и наблюдайте за лестницей. Не пускайте никого ни вверх, ни вниз.

— Он, должно быть, еще в доме, — заметил Хадик.

Сталакарро кивнул. Показал на окно.

— Следите также за пространством перед домом!

Он пошел мимо Хадика на кухню, задержался там недолго. Хадик отчетливо слышал его голос и плаксивые ответы поварики. Затем Сталакарро открыл дверь в бар.

Корри и Цигаглия сидели на своих местах.

Ла Верне стоял за стойкой и смешивал напиток.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против. Надо же нам чем-то перебить аппетит.

Сталакарро не обратил внимания на его слова. Он медленно переводил глаза с одного на другого.

— Что с госпожой Цирли? Что-нибудь не в порядке? — спросил дрожащим голосом Цигаглия.

Перед глазами Сталакарро стояли последние напечатанные ею строчки.

— Ничего, — ответил он. — Ничего, кроме того, что она мертва.

У Цигаглия побелели уши. Пальцы Корри впились в подбородок, но она не смогла подавить крик. Ла Верне громко стукнул бутылкой об стол бара.

— Вы над нами... — с трудом промямлил Цигаглия, — вы шутите над нами?

— Госпожа Цирли убита, — повторил Сталакарро. — В течение последнего получаса. Задушена провололочной петлей.

Из глаз девушки медленно потекли слезы. Адвокат замер. Стази снял руку с бутылки.

— Все-таки до обеда! — сказал он.

Сталакарро посмотрел на него.

— Совершенно верно. Полагаю, что у вас у всех теперь нет никакого аппетита. Я отменил обед. Вы останетесь здесь, в баре. В доме убийца. Вы знаете, что он ни перед чем не остановится. — Он ушел, прежде чем они успели сделать следующий вдох.

Хадик стоял на своем посту.

— Ничего и никого, — доложил он.

— Какие-нибудь звуки?

— Никаких, кроме тех, которые издаете вы.

— Нам придется все обыскать. Оставайтесь в коридоре и следите во все глаза за лестницей, ведущей вниз. — Сталакарро вытащил из заднего кармана узкий пистолет. — Если выстрелю, бегите ко мне.

Хадик мрачно кивнул. В десятый раз он поправил пистолет в кобуре.

Сталакарро ходил из комнаты в комнату. Нигде никого. Бывшая спальня Норингена была заперта. Тихими шагами он вернулся к Хадиду.

— Спросите у горничной, где ключ от этой спальни, и принесите его сюда. Я подожду здесь.

Хадик исчез. Сталакарро стоял в полной тишине. Из кухни тоже не доносилось ни звука. Он не мог сдержать облегченного вздоха, когда на лестнице появилась фигура Хадика.

— Ключ там, у нее, — приглушенно сказал он. — Наверняка, где-нибудь в столе.

— Могли бы и сами догадаться.

Сталакарро указал на лестницу, и Хадик быстро пошел на свое старое место. Во второй раз Сталакарро входил в комнату убитой. И опять он увидел пишущую машинку, лист бумаги в ней, драконов на пеналье и петлю вокруг шеи.

Он обернул палец носовым платком и осторожно вытащил один за другим ящики стола. Беспорядок царил и здесь. Бесчисленные заметки на клочках бумаги кучей валялись между украшениями и косметикой. Ключ нашелся в коробке, где лежали бигуди.

Комната, в которой прежде спал фон Норинген, была убрана и так чиста, что это вызывало какое-то неприятное чувство. Покои Ирмелы не выдерживали сравнения с ней, но этот порядок вызывал чувство покинутости и походил на порядок в склепе. Музей. Кровать не трогали, казалось, лет двадцать. На ночном столике стояла лампа с зеленым абажуром, под которым Адриан фон Норинген нашел книгу сказок в свадебную ночь и читал о вестниках смерти.

Больше Сталакарро ничего не нашел. Ванная и кабинет были пусты. В шкафу висели несколько костюмов. Спрятаться невозможно. Он открыл угловое окно и посмотрел наружу на каменную стену и карнизы. Везде пусто.

Подумав немного, закрыл его, понимая, что они ничего не найдут, и пошел вперед, к лестнице. Хадик появился напротив него на верхней ступеньке.

Сталакарро жестом указал на дверь каминной комнаты.

Воздух в комнате был тяжелый и спертый. Вентиляция по обеим сторонам каминной давала мало свежего воздуха. Латы рыцаря угрожающе блестели. Сталакарро казалось, что из-под забрала за ними наблюдают неподвижные глаза. За рыцарем — пустое серое помещение. Хорошо, что Хадик рядом.

Вместе поднялись на чердак. Хадик остался в конце лестницы. Поиск длился недолго. Все хорошо просматривалось. Очень мало старого скарба.

Ирмела еще не успела здесь похозяйничать, подумал Сталакарро.

Маленькая лесенка, ведущая к башенным часам, закрипела у него под ногами. Механизм равномерно тикал, будто готов был работать вечно.

Через минуту они снова были на первом этаже. Из бара доносились негромкие голоса. Повариха сидела на стуле в кухне и выглядела невероятно оскорбленной. Сталакарро сказал ей несколько дружеских слов.

Бегло осмотрели каждое помещение. В мыслях Сталакарро был уже далеко впереди, рассчитывая свои действия на следующую четверть часа. Молча, он прошел по подвалу, в котором уже знал каждый уголок.

Хадик посмотрел на него.

— Что теперь?

— Теперь очень может быть, что я ошибаюсь.

Хадик прошел за ним в курительную комнату. Голоса смолкли.

— Подождите здесь. Пожалуй, вы мне не будете нужны.

Он прошел в дверь и закрыл ее за собой. Три пары глаз были устремлены на него. Никто не проронил ни слова.

— Я ничего не нашел, — сказал Сталакарро. — В доме нет посторонних. И поэтому, доктор Цигаглия, мне кажется, что вам придется пройти со мной.

Цигаглия наградил полковника бешеным взглядом. Лысина его покраснела, даже в уши вернулась кровь. Он вскочил с кресла. Корри со страхом посмотрела на него. Ла Верне же смотрел на него взглядом, полным любопытства и смеха одновременно.

— Что это значит? — пролаял адвокат. — Это чудовищно!

— Учитывая то, что вы еще не знаете, почему вам надо пойти со мной, вы реагируете слишком горячо. Когда же я объясню, вам все равно это покажется чудовищным. Сядьте!

Цигаглия постоял еще несколько мгновений, потом уперся руками в подлокотники кресла и медленно сел.

— Жду вашего объяснения.

— Сейчас, сейчас. Но прежде мне хотелось бы вам сказать, что побег был бы бессмысленным. За дверью стоит Хадик, а он редко промахивается.

— Насколько искусно стреляет этот господин, меня не интересует.

— Тем безопаснее для вас... Ла Верне, когда вы проводили доктора наверх, госпожа Цирли была еще жива?

— Очень даже, — вежливо ответил Стази.

— Куда вы пошли после этого?

— Сюда, в бар.

— Кто вас видел?

— Корри. Она была здесь.

— А второй раз вы не ходили на второй этаж?

— Нет, только к двери, чтобы впустить вас.

— А вы? — Сталакарро посмотрел на девушку.

— Я? Нет, нет. Я была только на кухне и в столовой.

— Мне кажется, господин Цигаглия, я ошибочно искал более сложных решений. Самое простое — оно и самое хорошее. Вы все время внушали мне мысль о каком-то жутком незнакомце. Сегодня вам не надо было это делать... Вы пошли с господином Ла Верне наверх. Деловая беседа. Кроме того, вы были приглашены на обед. Итак, вы говорили с госпожой Цирли, а потом задушили ее. Вы стояли за ее спиной, может быть, она читала вам какой-то документ, который вы же и подготовили. Больших усилий вам, конечно, не потребовалось. Проволочная петля не требует большого труда. Потом вы пришли к нам и сочиняли, что госпожа Цирли вот-вот спустится. Это было так просто.

Цигаглия расслабил руки.

— Слишком просто! Позвольте вопрос, прежде, чем мы продолжим. Я предполагаю, что в этом случае я совершил и остальные убийства. Совершать одно только это убийство совершенно бессмысленно.

— Вы совершили и остальные убийства, — угрожающе произнес Сталакарро. — И у вас были веские основания для этого. Вы составили завещание Норингенов, которое гарантировало вам и госпоже Цирли наследство, если умрут Норингены. Вы действовали с госпожой Цирли на пару...

— О-о, — иронически покачал головой Цигаглия. — О мертвых либо хорошо, либо ничего! Она не может теперь защитить себя.

— Этим она обязана только вам одному. Она была в заговоре с вами с самого начала. Сегодня она за это ответила. Один из вас убил леди Чистербир, один — Норингена, другой — его жену.

— Интересно. А как мы это сделали, позвольте вас спросить? Мне перечислить мою алиби?

— Ваши алиби, — почти весело продолжал Сталакарро, — ваши алиби мы разберем особо и поймем, как вы это сделали. Можете на нас положиться. Вас было двое. Голову даю на отсечение, что в каждом случае алиби имел только один из вас на время убийства в доме.

— Мне страшно за вашу голову.

— Страшитесь лучше за свою собственную. У вас и на сегодня есть алиби?

В первый раз Цигаглия опустил глаза.

— Нет, на сегодня у меня нет алиби. Госпожа Цирли была жива, когда я от нее ушел.

— Ну-ну. Была жива. А что вы с ней обсуждали? Ее завещание на случай ее смерти, не так ли? Кому же принадлежит дом теперь?

Цигаглия поднял голову.

— Он принадлежит госпоже Цирли.

Сталакарро смотрел на него почти сочувственно.

— А ваша половина? Завещается государству на нужды детей-сирот, да?

К всеобщему удивлению, адвокат улыбнулся.

— Мне не принадлежит ни одна половина. В день похорон госпожи Норинген Ирмела сообщила, что хочет переехать в этот дом и завершить здесь свой роман.

— Немного же она успела написать, — саркастически произнес Сталакарро.

— Вряд ли кто-либо скорбит более моего. Она предложила мне въехать в этот дом. Мой... э-э, опыт с этим домом заставил меня отказаться. Вместо этого я сделал ей другое предложение. — Сталакарро напряженно ждал. Стази тоже весь подался вперед. — Госпожа Цирли унаследовала состояние госпожи Норинген, четыреста тридцать тысяч франков. Пользуясь случаем, сообщаю вам, фрейляйн Натхолм, что вам завещано сто тысяч франков за то, что вы спасли жизнь госпоже Норинген. По той же причине вы, господин ла Верне, получаете двадцать пять тысяч франков. Деньги в вашем распоряжении. Простите, что я об этом говорю как бы между прочим, я бы с удовольствием облек это сообщение в более достойную форму. Но обстоятельства диктуют иное.

Стази посмотрел на девушку. Ее глаза были закрыты, руки дрожали.

— Дальше, — приказал Сталакарро.

Цигаглия соединил кончики пальцев, словно сидел в своем офисе.

— Я предложил госпоже Цирли уступить ей владение моей частью дома. Она согласилась.

— За какую цену? — спросил Сталакарро.

— Триста тысяч франков. Тем самым она не имеет претензий ко мне.

— Не имела, — поправил Сталакарро. — Насколько я вас знаю, вы, вне всякого сомнения, не упустили случая побеседовать о распоряжениях госпожи Цирли на случай ее внезапной смерти.

— На случай ее внезапной смерти условлено, что мне принадлежит право первого покупателя. Если же я не захочу купить дом и имение, то мне следует опекать это имение до его продажи.

Сталакарро обнажил зубы в язвительной улыбке.

— До продажи? А что должно было произойти с выручкой?

— На этот случай распоряжений еще не было.

— Естественно, — с глубокой иронией закивал Сталакарро. — Об этом распоряжений не было. А вы, естественно, не воспользовались бы правом первой покупки, потому что вам слишком противен этот дом.

— Госпожа Цирли сделала бы распоряжения и на этот счет. Никто не мог знать заранее, что она так быстро...

— Никто, кроме вас. — Сталакарро сделал шаг вперед. — Великолепно придумано, господин Цигаглия. Вы пишете текст завещания, по которому ваш друг назначает вас наследователем части имущества. То же самое делает Ада со своей подругой. Вы убираете с дороги супругов с помощью госпожи Цирли. Потом предлагаете уступить госпоже Цирли имение и закрепляете за собой право первоочередной покупки в случае ее смерти. Таким образом, вы становитесь сначала богаче на триста тысяч франков. А потом бы вы выкупили имение за сущие гроши. Безошибочный план! — он поднял голос. — И только сегодня вы допустили ошибку. Вам помешала жадность, больше не хотелось ждать. Вы подумали, что ни один человек не заподозрит вас в такой дерзости, чтобы задушить госпожу Цирли сразу после того, как вы заявили к ней. И думали, что после вас никто больше не пойдет к ней наверх. Вы дважды ошиблись.

Теперь Цигаглия сидел очень спокойно. И тяжело дышал.

— Сожалею, что приходится говорить об ошибке с вашей стороны, Сталакарро. Вы развили эту версию с достойной вниманием проницательностью, только... к сожалению, неверно. Я был у госпожи Цирли, чтобы вручить ей копию договора о покупке и поговорить о наших остальных договоренностях. Вы найдете документы наверху. Когда я уходил от госпожи Цирли, она была живее всех живых.

— Но сейчас она мертва. — Сталакарро наклонился и посмотрел Цигаглия в лицо. — Вы прекрасно осведомлены, что моего подозрения вполне достаточно, чтобы забрать вас. Позже у вас будет достаточно времени собрать факты для суда. А потом выяснится, кому же принадлежит тайный счет, на который Норинген перевел свои деньги за день до своей смерти, и который вы так неустанно разыскивали.

— Я не имею никакого отношения ни к его смерти, ни к этому счету.

— Знаю. Вы гоняетесь за призраком.

Сталакарро пошел к двери и распахнул ее. Вошел Хадик. Хмурым взглядом он обвел всех присутствующих.

— Доктор Цигаглия пойдет с нами, — сказал Сталакарро. — Подержите его в библиотеке, пока не придут наши люди. — Он повернулся к Стази и Корри. — Вы подождете здесь, пока мы не закончим наши дела. С виски будет веселее. Доктор, прощу вас.

Цигаглия встал. Он больше не улыбался, но попытался сделать это, обращаясь к Стази.

— Ах, ла Верне, у меня к вам просьба. Надеюсь, вы не откажете мне в помощи при этих печальных обстоятельствах. Вы понимаете, что я теперь опекун этого поместья. Некоторое время я не смогу выполнять свои обязанности, — он бросил иронический взгляд на Сталакарро, — хотя твердо надеюсь, что это не надолго. Вы согласитесь, если я уполномочу вас на это время исполнять мои обязанности?

Стази молча кивнул.

— Благодарю вас.

Стази тут же очутился возле Корри и обнял ее. Она покачнулась. Ее голова упала ему на грудь.

— Вдохни поглубже, — сказал он. — Это сейчас пройдет.

Ее слова звучали не громче дуновения ветра.

— Я больше не выдержу.

Стази улыбнулся. Он думал о чем-то другом, нехорошем, но при этом нежно гладил ее волосы.

— Все закончилось, Корри. Тебе не надо больше бояться. Давай-ка что-нибудь выпьем. Алкоголь многих погубил, но многих и взбудрил.

Она открыла глаза. Стази осторожно поставил ее на ноги.

— Я, должно быть, ужасно выгляжу.

— Ты очень хороша. И видно, что очень голодна. Неужели он не мог убить ее после обеда?

— Когда я думаю, что она хотела с нами обедать, а наверху...

— Есть люди, которым убийство разжигает аппетит. Коньяк?

Она кивнула. Рюмки медленно наполнились.

— Ты веришь в то, что сказал Сталакарро?

— Звучало дьявольски логично. Цигаглия хотел сорвать куш всей своей жизни и придумал очень хитроумный план... За ваше драгоценное здоровье!

Корри выпила коньяк. Закашлялась.

— Отравлен? — спросил Стази.

— Прекрати, наконец. Мне не до смеха.

— Мне тоже. Я только делаю вид, что шучу. Ты же знаешь.

— Налей мне еще рюмку.

Глаза ее следили за тем, как он наливал, но на самом деле мысли были очень далеко.

— О чем ты думаешь?

— О Цигаглия. Если все так, как говорит полковник, почему он убил ее сегодня? Почему не подождал? В других случаях он был очень осторожен, никогда не навлекал на себя подозрения — а сегодня, когда это явно бросается в глаза... Не понимаю.

— Ну да. Бывает, что что-то и помешает, при таком-то сценарии! Если работают вдвоем, то могут быть и разногласия. Может быть, она его торопила, шантажировала. Меня, так или иначе, очень удивляет, что он так быстро продал дом. Отговорка об убийствах просто смехотворна. Он же должен был знать, в чем тут дело. Но спешить — он всегда спешил — он начал уже в первую ночь!

— Как же он это сделал?

— Как? — Стази отхлебнул глоток виски и повертел фужер в руке. — Да, действительно, как? Если Сталакарро доберется до истины, то заслужит медаль. Духи Цигаглия и Цирли ошивались здесь все время. Я никак не могу отделаться от мысли, что к этому мирному дому есть тайный ход...

Корри содрогнулась и выпила коньяк.

— Как ты?

— Лучше.

— Прекрасно. Так как я, будучи мажордомом, распоряжаюсь и алкогольными напитками, нас невозможно назвать воришками.

Корри вновь пронзил страх, когда раздался звонок.

— Подмога Сталакарро, — усмехнулся Стази. — Все камеры на Ирмелу!

— Беденькая, — прошептала Корри.

— Беденькая? Когда подумаешь, что она отправила на тот свет парочку человек...

— И все равно, ее жаль. Может быть, это сделала вовсе не она.

— Не может быть. У нее были те же мотивы, что и у Цигаглия. И, кроме того, вся эта работа слишком велика для одного только исполнителя. — Он рас-

смеялся. — "Квадратная скала!" Мирная старость! Представляешь, сейчас они тащат ее ногами вперед!

— Я здесь не останусь, — вдруг произнесла Корри.

— Друг мой! Ты хочешь оставить меня одного? В этих мрачных стенах, где призраки убитых водят ночами свои хороводы? У тебя в твоём прекрасном теле нет сердца.

— Ты опять все превращаешь в шутку. А мне не до того. Я больше не хочу. Не хочу, чтобы меня убили. Как только полиция разрешит, я сбегу отсюда.

Стази посмотрел ей в глаза, медленно обошел стойку и приблизился к ней. Его руки обхватили ее за плечи и притянули к себе.

— Послушай, Корри. Я понимаю тебя. Давно удивляюсь, что ты не сбежала раньше. Другая бы исчезла уже после смерти Норингена. Но теперь все кончилось. И пара дней тебе ничего не даст. Мне ведь тоже хочется пожить без забот и не здесь.

— Давай уедем вместе, — предложила Корри.

— Мне еще никогда не предлагали ничего лучше. Но сейчас я обещал нашему адвокату изобразить здесь домоправителя, пока его не повесят. И поэтому я делаю тебе два других предложения.

— Два?

— Два. Во-первых: ты остаешься со мной, пока все не уладится, и я не смогу уехать.

— Это может продолжаться вечно!

— Ну, не вечно, но какое-то время может. Чтобы это время использовать с пользой, вот тебе второе мое предложение. — Он помедлил. Корри не отрывала от него взгляда. — Не догадываешься?

— Нет.

— Гм. Когда, наконец, соберешься с силами, то девочки ни о чем не догадываются. Ты сейчас познакомишься со всем моим бесстыдством. Как я только что узнал, уважаемая фрейляйн, ты разбогатела на сто тысяч франков. Тем самым стала очень выгодной партией. Но и я предстаю перед тобой не совсем без средств. Принимая во внимание мои двадцать пять тысяч, меня тоже можно назвать состоятельным. К тому же, я тебя люблю. Исходя из всех этих веских оснований, я хочу тебя спросить, не запланировано ли у тебя на следующее воскресенье через пятьдесят лет что-нибудь особенное?

Она сама не знала, возмущаться ей или смеяться.

— Опять начинаешь? Откуда же мне знать, что я...

— Я так и думал. — Стази с превосходством кивнул. — У тебя ничего особенного не запланировано. Поэтому я предлагаю в тот день отпраздновать нашу золотую свадьбу.

Она растерянно молчала.

— Вижу, тебе трудно мыслить в таких временных масштабах. Женщине отказано в таких способностях. Через семь дней мы поженимся. Торжество назначается чуточку быстро после захоронения нашей работодательницы, но, насколько я ее знал, она не принадлежала к людям, которые обижаются на такие вещи. — Он положил руки на плечи Корри. — Ну как, Корри, уедем отсюда мужем и женой?

Она ничего не ответила. И вдруг они поцеловались, и поцелуй длился так долго, как никогда прежде.

Величественно и плавно "бентли" поднимал и опускал свой нос. Стази все время отрывал глаза от дороги и поглядывал направо. Лицо Корри утопало в букете роз.

— Ты выглядишь, как юная герцогиня, — заметил Стази.

— Спасибо, лорд ла Верне. Но я бы предпочла, чтобы ты почаще смотрел на дорогу. Мне не хотелось бы в день моей свадьбы врезаться в дерево.

— Это было бы неплохое отклонение от обычной церемонии. Но машина и сама найдет дорогу домой.

— Ты расточитель! Мы бы спокойно обошлись и маленькой машиной.

— Я, госпожа ла Верне, придерживаюсь совершенно другого мнения. Если уж мне приходится управлять всем замком, то под моим началом находится и “бентли”. И если я женюсь в первый раз в моей жизни, то машина должна соответствовать. Трудные времена не заставляют себя ждать. Давай попользуемся моментом.

Они катались еще часа два, прежде чем Стази повернул на дорогу к “Квадратной скале”.

— Я признаю, что свадебное путешествие было коротковато, — сказал он, когда кирпичная стена появилась в зоне видимости. — Обещаю тебе более продолжительное путешествие. Даю слово!

Парк лежал перед ними, оглушенный жарой дня. Они въехали в гараж, потом медленно пошли по дорожке к дому.

Стази взял Корри за руку.

— Должен сказать, что, собственно, мне нечего обижаться на “Квадратную скалу”. Я хожу под деревьями, которые мне не принадлежат, живу во дворце, который мне не принадлежит, мне ничего не надо за это платить, получил деньги, на которые никогда не рассчитывал, сегодня женился на самой красивой девушке в мире, на что тоже никогда не рассчитывал — и все потому, что однажды случайно прочел в газете объявление. Невероятно.

— Но четыре человека мертвы...

— Знаю, любимая моя. Мы их не убивали. Одна из них была убийцей. Цигалия в тюрьме. Мертвые отмщены. Мы же не виноваты, что Сталакарро не поймал, кого надо, сразу после первого убийства.

Корри молчала. У двери Стази вытащил ключ.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Мне кое-что пришло в голову.

— И?

— Я скажу тебе позднее.

— Ладно. Слушать приятнее, если в руке держишь стаканчик.

В доме было прохладнее. Сгущались сумерки. Стази открыл дверь на террасу и окна в курительной комнате и в баре. Через несколько минут Корри вышла из кухни с подносом бутербродов в руках.

— И еще холодного пива и сочных груш. Был такой трудный день! Я виноват. Почему я женился в разгар лета?

— Вся неделя была сплошным испытанием. Сначала убийство, потом нескончаемые допросы, свадебная беготня, в промежутке похороны — мне предостаточно.

— Мне тоже. Хорошо, что нам не надо прямо сейчас крестить детей. Между прочим, о чем ты подумала в парке?

— О дате, — тихо проговорила Корри. — Сегодня девятнадцатое августа. Ровно пять недель назад женились Норингены. Пятнадцатого июня, в воскресенье.

— И правда!

— Он мне рассказал, как у них все началось. В их свадебную ночь, с книги и гробика. Знаю, что это глупо с моей стороны, но я подумала о том, что...

— Что и с нами так будет? Да?

— Не сердись на меня, Стази, но сегодня тоже воскресенье, и мы одни в доме.

Он выпил свою водку.

— Я не сержусь. Конечно, вполне естественно так думать. Но ситуация сейчас несколько иная. Ирмела спит в теплой земле Тессина. Доктор сидит в чистой камере. Кому есть теперь до нас дело? И прежде всего, почему бы?

— Я не знаю, — подавленно сказала она. — Может быть, у них был еще один поделщик. А потом, если вообще это были не они? Если это был кто-то другой, кто не хочет, чтобы здесь вообще кто-нибудь жил?

Он наморщил лоб, слушая ее, но в следующий момент опять улыбнулся.

— Хорошо, дитя мое, можно и так думать, я согласен. Хотя это...притянуто за уши. Сталакarro долго блуждал в потемках. Только не теперь. Но предположим, что это действительно так. Мы живем здесь не постоянно. Дом так же мало принадлежит нам, как церковь святого Петра. Мы уйдем сами. Никому нет до нас дела.

Она встала и поцеловала его.

— Было глупо с моей стороны снова начинать говорить об этом. Прости меня. Здесь так много всего случилось, и просто невозможно себе представить, что вдруг все станет тихо и мирно.

— Все понятно, любимая. Если тебя это успокоит, я посмотрю в каждый уголок, прежде чем мы выключим свет. И, кроме того, никто из нас не будет спать сегодня в одиночестве. Кстати, тебе не хочется искупаться сейчас, ночью, в озере? Свет луны и теплые волны?

Она покачала головой.

— Если честно, Стази, завтра — с удовольствием. Сегодня у меня хватит сил только для того, чтобы искупаться в ванне.

— Ну, ладно. Будем плавать в ванне, от одной стенки оттолкнемся, потом от другой. Но сначала я обойду дом, а потом приду к тебе в ванную.

Они допили свои напитки. Стази взял сэндвич с подноса и, жуя его, ушел из бара. Корри унесла пустые бутылки на кухню. Когда она снова появилась в прихожей, Стази уже поднимался вверх из подвала.

— Внизу привидений нет. Посмотрю снаружи.

Стало темно. Парк тихо шелестел листвой. Стази закурил сигарету и сделал несколько глубоких затяжек. Потом медленно пошел вокруг парка, вдоль безмолвной кирпичной стены забора, пока не дошел до террасы. Он остановился и посмотрел вверх. Прямо над ним находились окна ваннных комнат. Он стоял почти невидимый, как одна из составных частей ночи. Вспышки сигареты освещали красным светом его лицо. Он докурил сигарету и растоптал окурки.

Над ним вспыхнул свет. Косой отсвет появился между кустами. Корри была в ванной.

Стази бесшумно прошел сквозь дверь террасы и тщательно закрыл дверь на задвижку. Прошел через вестибюль к коридору. Его глаза уже привыкли к темноте. Он запер входную дверь и оставил ключ в замочной скважине. На секунду ему пришлось закрыть глаза, когда он включил свет. Потом Стази быстро пошел вверх.

Со стороны ванной слышался плеск воды. Он вошел в свою комнату, разделся, натянул плавки и накинул купальный халат. На секунду остановился у дверей ванной, где по-прежнему весело и громко плескалась вода, и постучал.

Корри позвала его. Когда он вошел, Корри сидела в ванне, по шею погруженная в облако белой искрящейся пены.

— Ну, наконец, — сказала она.

Стази подошел к ванне.

— Залезай, — пригласила Корри, вот уже десять часов его жена. — Хватит места для двоих.

— Сначала надо проверить температуру.

Сквозь пену он видел лицо Корри, врезавшееся ему в память. Ему было ее немного жаль, но потом он подумал о стреле в груди Адриана фон Норингена, ее стреле... обеими руками схватил ее за щиколотки и рванул их вверх.

Голова Корри исчезла в благоухающей пене. Прошла целая вечность, прежде чем она замерла. Но он знал, что сердце ее все еще бьется, хотя тело уже не сопротивлялось, и руки обмякли. Ему пришлось применить всю свою силу, чтобы удержать ее под водой.

Ла Верне отворачивал голову, чтобы не видеть лица Корри, проступавшее сквозь расходящуюся и таящую пену. Он стоял не двигаясь много-много минут. Его мучило единственное желание: чтобы все это поскорее кончилось. Он начал это дело и должен довести его до конца, раз и навсегда.

Теперь Корри тихо лежала в зеленоватой воде. Ла Верне взял ее за руку и пощупал пульс. Его собственное сердце стучало так громко и быстро, что ему было трудно отличить удары пульсирующей крови в кончиках его пальцев от биения ее пульса. Но было ясно: она мертва.

Он медленно наклонился к цепочке на другом конце ванны и вытащил резиновую затычку. Вода, всхлипывая, быстро вытекала. Все больше выступало мертвое тело.

Ты это сделал, подумал он. А самое трудное еще впереди.

Стази тихо открыл дверь ванной. Ни звука. Он быстро вошел в комнату Корри. Ее одежда аккуратно висела на стуле. Она во всем была аккуратной. Во всем, что делала.

Стази начал торопливо искать в ее комодe и нашел то, что ему было нужно: купальник и купальную шапочку. Затем пошел обратно, закрывая за собой все двери. На мгновение помедлил перед ванной, и его зубы стиснулись. Наклонился и одним рывком поднял Корри. Из ванны чудесно пахло свежей хвоей.

Он осторожно положил ее на пол. Потом натянул на нее купальник, тщательно следя за тем, чтобы не зацепить за кожу. Его могла предать любая царапинка. Закончив с купальником, отжал ее волосы и натянул на голову купальную шапочку. Волосы были мокрые, но вряд ли это кого-либо удивит, когда ее через много дней вытащат из озера.

Он вновь повернулся к ванне и тщательно ополоснул ее. Полотенцем вытер резиновый коврик и кафель. И только теперь выключил свет и открыл окно из рифленого стекла. Потом он затянул пояс своего халата и наклонился. Начался последний этап. Он осторожно поднял тело Корри. Голова ее свисала, а ноги касались его бедра в такт его шагов.

Ступенька за ступенькой пробирался он вниз, осторожно прошел сквозь курительную комнату в бар, подошел к окну, которое находилось высоко над водой, опустил Корри на пол и широко открыл окно. Вода нежно булькала где-то внизу под ним.

Стази поднял мертвое тело девушки, на которой сегодня женился, продвинул его сквозь окно ногами вперед. Вокруг луны он видел обрывки облаков и подождал, пока на нее не нашло облачко поплотнее и не затуманило ее свет. Тогда и вытолкнул тело из окна.

Всплеск был не так громок, как он боялся. Стази высунулся из окна. Ему казалось, что он может различить водоворот и бледное беловатое пятно.

А если она не потонет? Что тогда? Она должна уйти под воду. Она ведь и в ванне была под водой. Утопленник тонет, и проходит много дней, прежде чем он всплывает.

Вдруг Стази почувствовал, как он изможден, и несколько раз глубоко вздохнул. Надо срочно что-нибудь выпить, подумал он и ощупью пошел к стойке.

Наверху, на конце полки, стояла лампа: пустая бутылка из-под виски с красным абажуром. Она давала немного света. Свет был опасен. С другой стороны, кто обратит внимание на то, что он пошел сюда, чтобы что-нибудь выпить? Ему придется объяснять и не такие вещи.

Стази взял бутылку коньяку и большой стакан, налил его до краев, выпил половину, оперся руками о барный стол и задумался.

Простая история: она хотела искупаться, пошла к озеру и не вернулась. Он пойдет ее искать. А потом позвонит полковнику Сталакарро. Позднее ее найдут, утонувшую, без признаков насилия. Трагедия в день свадьбы...

Фокус с ванной был удачным. Просто блеск.

Стази с облегчением допил стакан.

— На здоровье! — произнес сзади какой-то голос.

Это проклятое чувство: что-то было все-таки не так. Но что?

Стази медленно обернулся. В дверях стоял Сталакарро. Рядом с ним Хадик.

Правую руку он держал под курткой, и Стази знал, зачем.

Сталакарро посмотрел ему в лицо. В глазах его не было ни ненависти, ни триумфа.

— Мои люди окружили дом и парк. Вы не будете делать глупости, ла Верне?

— Нет, — ответил Стази.

Позднее Сталакарро пожалеет об этом требовании.

Стази улыбнулся. Он медленно вышел на середину комнаты и остановился между стойкой и окном. Хадик включил верхний свет и остался стоять у двери.

Сталакарро пододвинул стул и сел. Его голос звучал спокойно, почти устало.

— Да, откуда начнем? История немного затянулась. Ну, хорошо.

— Я рад...

— Вопрос в том, с чего начать. Лучше всего так: жили-были два пожилых человека. Обдывали делишки всю свою жизнь. Захотелось на покой. Мирная старость, и все такое. У мужа были честные намерения. Он, действительно, хотел завязать. Но жена... Той все было мало. И она опять начала. В первую же брачную ночь...

Ла Верне внимательно слушал.

— Мне можно закурить?

Сталакарро кивнул.

— Можно. Можете даже руки засунуть в карманы. Я знаю, что у вас там нет ничего огнестрельного.

— В купальном халате — никогда, — ответил ла Верне, зажег сигарету и подумал, что эта сигарета может стать последней в его жизни.

— Я много размышлял, — продолжал Сталакарро. — Приходилось напрягаться, потому что целая вереница убийств — не лучшая реклама для полиции кантона.

Все было так невероятно и странно, что и решение должно было быть неординарным. Таинственный чужак — всегда жалкая версия. Нужна была другая.

Пять недель назад они отпраздновали свою свадьбу. Надо только себе представить, что они были одни в доме. Тогда становится совершенно понятно, что все эти чудеса устроил один из них. Обстоятельства скорее указывают на Аду, так как Адриан фон Норинген не входил в ванную комнату до тех пор, пока она не нашла куклу, угрожающую убийством. Только она сама и могла ее подвесить. Если предположить это, то остальное ясно: она пробралась в комнату Норингена, пока тот был в ванной, и положила книгу сказок с "Вестниками смерти" на ночной столик. Она решила на его убийство. Весь этот маскарад был нужен ей, чтобы угрозы некоего убийцы показались правдоподобными. По той же причине она начала действовать уже в первую брачную ночь — кто поверит, что жена в первую брачную ночь объявляет мужу о его скорой смерти? Пока Норинген заряжал свое ружье, Ада поставила гроб со скелетом перед дверью его спальни. После этого обыскивала вместе с ним дом. Как же ей, наверно, было весело шнырять по всему дому в поисках какого-то несуществующего разбойника. А после этого она нашла в своей ванной куклу с запиской, которую сама же и написала. Ее визг пробирал до мозга костей, и трещала голова. Норингена уже тогда чуть не хватил удар... Ада сама направила все подозрения на свою подругу, госпожу Цирли. Позднее она подобрала версию, что какие-то неблагоприятные обстоятельства хотят выжить их из дома. Все исключительно логично и последовательно. Вы следите за моими мыслями?

— Очень стараюсь.

— Похвально. После такого вступления Ада уже не хотела больше терять времени. Она приготовила виски с цианистым калием, но Норинген предпочел в тот вечер коньяк и избежал своей участи. Затем вдруг появилась несчастная леди Чистербир. Норинген дал ей виски, пока Ада была на кухне. Она уже не могла предотвратить то, что случилось: леди Чистербир выпила яд. Да и как Ада могла бы объяснить свои предостережения? Я всегда придерживался мнения, что леди Чистербир была убита по ошибке.

Стази погасил сигарету. Хадик не спускал с него глаз. Сталакарро продолжал:

— Я, правда, взвешивал возможность, что Норингены убили леди Чистербир, но какой мотив? Тут много не наскребешь. А если подозревать, что за всем этим стоит Ада, то самое время заняться ею. Немецкие службы дали нам материалы быстро — они в таких вещах очень основательны, к всеобщему удовольствию. И все-таки расследование отстало от событий. Действовать, не имея доказательств, трудно. Аде пришлось в голову подбросить змею. Такую бестию здесь можно поймать везде, а она была женщиной, которую этим не испугать. И опять попался не тот. Вряд ли можно предположить, что змею затащил в туалет для своего собственного удовольствия доктор Цигаглия. И опять же исполнителями этого фокуса могли быть только Норингены или госпожа Цирли. В тот же день я узнал у себя в полиции, что предшественник господина фон Норингена был убит. Я сказал об этом Норингену. Это произвело на него сильное впечатление. Мои подозрения усилились: Ада унаследовала от Джокастера кучу денег. Но это еще не все. Я много раз разговаривал по телефону с Германией. Беспрецедентные расходы. Супружество Ады с Джокастером было ее вторым браком. Перед этим она была замужем за господином Якобсоном. Фабрикант, очень состоятельный. Погиб на войне. Мне пришлось в голову идиотское подозрение, что Ада каким-то образом участвовала в убийстве Джокастера, хотя у нее было безупречное алиби, и что она теперь подобным образом хочет убрать господина Адриана.

Выяснилось, что эта мысль была не совсем идиотична. Произошло нечто, что и во сне не приснится. Я и о Норингене получил сведения. И он был уже дважды женат.

Его первая жена скончалась в 1935 году в Ганновере. Простуда, воспаление легких — конец. Совершенно банальная смерть. Норинген унаследовал тоже немалое состояние. В 1937 году он женился во второй раз. Госпожа Микаэлла Вали. Богатая вдова, швейцарка. Норинген переехал в Лицерн. Войну он пережил в Швейцарии. Вы знаете, что стало с Микаэллерой Вали?

Ла Верне молчал.

— А вам надо бы знать. Двенадцатого сентября 1959 года ее нашли мертвой. Утонула в своей ванне. Предположительно, сердечный приступ. Что вы на это скажете?

— Нахожу это достойным сожаления, — ответил Стази.

— И вот Адриан и Ада женятся семнадцатого июля 1962 года. Оба имеют значительные состояния. Кажется, что такое случается раз в столетие: первые супруги обоих умерли или погибли. Вторым супругам, вероятно, тем или иным способом помогли убраться на тот свет, каждому по-своему. Развилась страсть к получению наследства. Оставшиеся в живых теперь стояли лицом к лицу в новом браке. — Сталакарро глубоко затянулся. Некоторое время он глубокомысленно разглядывал кончик сигареты. — Я бы хотел предположить, к чести почившего господина Адриана, что он действительно имел намерение наслаждаться плодами своих трудов. У госпожи Ады не было такого намерения. Она немедленно начала действовать. О первой брачной ночи мы говорили. Ее первые два покушения пришлось не на тех, кому были предназначены. Она начала нервничать. У Адриана тоже были все основания волноваться. Тут друг Цигаглия подкинул идею нанять обслуживающий персонал и вызвался помочь. Но странным образом супруги отказались от помощи. Вы можете себе представить, почему?

— Не догадываюсь, — с привычной вежливостью ответил Стази. В его голове появились признаки беспокойства.

— Конечно, нет, — злорадно подтвердил Сталакарро. — Куда вам. Норингены сами хотели найти персонал. Попытки Ады не дали результата. Ей нужен был человек, который поддержал бы ее в дальнейших попытках. Господину Адриану, напротив, нужен был человек, который бы защитил его от них. Обоим нужны были самые надежные люди, которых только можно было найти. Люди, которые им уже помогали и помогли убрать господина Эдгара Джокастера и госпожу Микаэлли фон Норинген. Им нужны были их дети от первых браков.

Стази насмешливо улыбнулся. В его глазах затаился огонь. Рука Хадика потянулась еще глубже под куртку.

— Немцы, добрый народ, прислали мне и фотографию. На ней Норинген со своей второй женой и шофер. — Он поднес фотографию к глазам ла Верне. — Вы его знаете?

— Бегло знаком, — кратко ответил Стази.

— Этот шофер — вы. Очевидно, вы долго служили в этой семье. Но у Норингена были веские основания утаивать от своей жены ваше происхождение. — Сталакарро положил фотографию на стол. — С фрейлейн Натхольм мне повезло меньше. Фотографии не оказалось. А ведь молодые хорошенькие девушки так любят фотографироваться. Вы, Стази, очень ловко использовали полуправду. Норинген родом из Восточной Фрисландии. И его фамилия указывает на это. Вы родились в Аурихе, но вас зовут не ла Верне. Господин Анастасиус фон Норинген! И точно так же было и с Корри, которую вы только что убили. Ее зовут Кор-

рина Джакобсон, она была дочерью Ады от первого брака. И даю голову на отсечение, если не она пристрелила Эдгара Джокастера в его машине.

Стало так тихо, что слышно было дыхание всех трех мужчин.

— Джокастер никогда ее не видел, как мы можем предположить. Почему бы ему не подвезти молоденькую хорошенькую девушку? Если бы он знал, чем ему это грозит, он бы не остановился. Это всего лишь догадка, но по-другому тот случай объяснить невозможно: разбойное нападение на дороге. Ада в трауре. И через некоторое время подается объявление о поиске спутника жизни.

— Так это, должно быть, и было, — сказал Стази.

— Да. А дальше: ваш отец позвал вас на помощь. Ада встретила вас на вокзале, чтобы разнохать, не можете ли вы быть опасным. Очевидно, она была довольна результатом. Горько же она заплатила за свою ошибку. Между тем она подготовила третье покушение — зарядила ружья в каминной комнате. Но господина Адриана вновь миновала судьба. При первой возможности он рассказал вам, что произошло. Он всегда изображал в беседах с вами господина и слугу, даже если вы были с ним наедине, из боязни быть подслушанным. Вы умный парень, Стази, вы очень быстро догадались, что к чему. Только сначала не могли предположить, что Корри играет здесь ту же роль, что и вы. Вы встретили ее на вокзале. По возвращении нашли новое письмо Ады с угрозами. Позже у Ады была возможность поговорить с Корри. Кому бы пришло в голову подозревать ее, если она была в доме всего лишь один день, и у нее не было никаких мотивов убивать своего господина? Она пошла наверх в каминную комнату и расстреляла господина Норингена из арбалета. В упор. Может быть, еще и рассказала ему трогательную историю, как сильно ее интересуют старые ружья. Он, видимо, не успел даже удивиться.

— И я, и вы, Анастасиус фон Норинген, — продолжал Сталакарро, — мы оба быстро прозрели, что убийцей в этом случае могла быть только Корри — если, конечно, мы отказываемся от версии с незнакомцем. Она была одна с Норингеном в доме. И ваш отец ведь рассказывал вам, что Эдгар Джокастер был убит. С этого момента у нас с вами был примерно одинаковый ход мыслей. Ада и Корри подозревали, кто их враг, и что им предстояло. Я твердо убежден, что владелец тайного счета в Цюрихе — вы. Ваш отец был очень озабочен и успел как раз вовремя передать вам деньги, чтобы уберечь их от Ады. Тогда бы она осталась с носом, даже в том случае, если следующее покушение было бы удачным.

Что это было за чувство, когда Цигаглия и Ада вошли в банк, а вы стояли на улице, зная, что от денег там ничего не осталось?

Стази улыбнулся. В нем что-то изменилось, как будто он принял какое-то решение.

— Благостное чувство.

Теперь улыбнулся Сталакарро.

— Вижу, вам нравятся мои выводы. Потом наступила ваша очередь. Вы хотели обеим отомстить за отца, быстро и безошибочно. Аде пришло в голову покаться по озеру с Корри, чтобы обсудить дальнейшие действия без возможных свидетелей. Вам это было очень на руку. Когда вы готовили лодку, то прикрепили к борту простую взрывную капсулу с часовым механизмом. Не очень оригинальный метод. Кроме того, вам не повезло вдвойне: ваше покушение провалилось, а наше подозрение легло на вас, хотя вы и разыграли из себя спасателя. Несмотря на это, судьба обеих дам была предрешена. Ночью, пока Хадик ходил по усадьбе, вы положили в его комнату записку с новой угрозой. На следующий день вы решились. Пошли к гаражу, вывели машину и побежали по дорожке назад, делая вид, будто хотели ей что-то показать. Вы ей и показали. Стилет.

Хадик заметил, что сигарета в руке Стази слегка дрогнула.

— Опять самое примитивное, и ни чужой, ни призрак, ни кто-либо из ада в отпуске. Только Ада и господин фон Норинген-младший одни в парке. — Сталакарро повернул голову назад.

— Он хорошо изобразил вам свой ужас?

Хадик пробормотал что-то невнятное.

— Должно быть, неплохо, настолько неплохо, что Хадик посчитал убийцей Ирмелу Цирли. Он уже и раньше так думал, а у меня было мало фактов, чтобы разубедить его. Но главное, что Корри тоже считала Ирмелу убийцей. Об этом надо было думать Ирмеле, когда она въезжала в дом, чтобы написать роман жизни. Корри потребовалось не более двух минут. Она побежала из столовой наверх, после того как доктор Цигаглия спустился. Повариха ничего не заметила. На этот раз у вас было алиби, потому что вас не видели наверху, но у Корри было неполное алиби, а у доктора его не было вовсе. Я никудышний актер, но старался изо всех сил сделать вид, будто считаю доктора Цигаглия участником заговора Ирмелы, а потом ее убийцей. Корри поверила в это. Вы, очевидно, тоже. Только не Цигаглия, и у него было на то основание. — Сигареты погасли. Дым медленно рассеивался. Сталакарро посмотрел на свои часы. — Время завершать историю. Вы, наверно, устали. До сих пор все шло по сценарию: Норинген, ваш отец мертв, но его миллион у вас в кармане, у Корри было сто тысяч, и, надо полагать, ее заботливая мама завещала ей еще больше. О малых доходах я даже не хочу упоминать. Теперь оставалось одно: жениться на Корри, убить ее, стать безутешным вдовцом, наследовать ее деньги и путешествовать дальше. А так как мама Корри начала действовать прямо в первую брачную ночь, то и вы не хотели ничего другого. Корри полюбила вас — это была ее единственная ошибка на "Квадратной скале". С момента ареста Цигаглия мы все время были здесь. Он не сердится на нас. Я ему быстро растолковал, почему ему надо сыграть роль убийцы. Мы наблюдали за домом днем и ночью. У меня было предчувствие, что вы не упустите свадебную ночь. Когда вы вышли из дома и направились к террасе, Хадик незаметно пробрался в дом. Он спрятался в подвале. Я стоял в парке, вы — на террасе. Хадик впустил меня, когда вы уже были в доме. Это против всяких законов. Мы ждали, что же случится, но опоздали. Корри утонула в ванне. Как и вторая жена вашего отца. Кто же убил Микаэллу? Вы или ваш отец?

— Это все еще важно?

— Не так, чтобы очень. Потом мы видели, как вы вынесли Корри сюда, в бар. Вы, наверно, очень испугали ее там, в ванной.

Стази кивнул. Лицо его было ужасным.

— Это был мой свадебный подарок.

Сталакарро посмотрел на него.

— Я знал не так уж много убийц. Вы — самый симпатичный. Симпатичный только потому, что не пытались тянуть время, не лгали. Быть может, вы бы и стали это делать, если бы не Корри и это окно. Две трети моей версии основаны на размышлениях, сопоставлениях, предположениях, основания для которых я нашел за письменным столом. Но и вы тоже сопоставляли и были правы. Доставьте мне удовольствие, прежде чем мы пойдем. Скажите, все было именно так, как я говорю?

Стази затянул пояс халата. Его лицо стало прежним: любезным, предупредительным и почти веселым.

— Так это и было. Мой отец вызвал меня, потому что боялся. То, что он нарвался на Аду с ее золотцем-доченькой, было его проклятием, жутким невезением. Я всегда считал глупостью свадебные объявления. Он хотел мирно провести остаток дней. Радовался, что история с Микаэллой прошла так гладко. Убивал ее он, если вам это

интересно, я только посоветовал, как. Когда я сюда приехал, я знал только одно — кто-то за ним охотится. Потом он рассказал мне о завещании. Я стал подозревать близких ему людей и наблюдал за Адой. У нее бы ничего не получилось. Но тут объявилась Корри, на которую я не рассчитывал. Когда Ада была убита, и вы допрашивали меня, тут только до меня начало доходить, кто мог застрелить его. А если это была Корри, то у нее мог быть только один мотив: она работает на Аду. Редчайший случай, чтобы столкнулись такие две команды!

— Редчайший случай.

— Можно рассчитать все, да чего-нибудь все равно не учесть.

— А деньги у вас?

— Да. Я говорил с моим отцом, и мы посчитали, что лучше перевести их на мое имя. Отдать их назад я мог бы в любое время.

— Вы благородное дитя.

— Я любил своего отца. Вы не можете отнять у меня того, что я любил его. Да, а потом мне бросилось в глаза, как самоотверженно Корри спасала Аду, когда они с лодкой пошли ко дну. И как, несмотря на покушение, никуда не хотела уезжать. Позже Корри хотела убедиться, что я считаю убийцей Ады Ирмелу. Она сомневалась, так ли это.

— Вы сказали, что так и думаете?

— Наполовину. Это утвердило ее в замысле. В конце концов, ей ведь тоже не хотелось убивать невинную, как это случилось с ее матерью. А потом, когда Ирмела была мертва, ей хотелось знать, верю ли я в то, что виноват Цигаглия. Конечно, я верил, изо всех сил верил. И она почувствовала уверенность в себе. Я мог уже просить ее невинной руки, — он посмотрел в сторону окна. — Я обещал ей долгое путешествие. Она его получила.

Сталакарро на мгновение задумался, потом кивнул головой.

Хадик вытащил из кармана наручники, они тихо звякнули.

Сталакарро встал.

— Пойдем!

— Пойдем! — просто ответил Стази фон Норинген.

Двумя огромными прыжками он бросился в левую сторону. Раздался треск ломающегося дерева и звон разбитого стекла. Прогремел выстрел Хадика. Пуля подтолкнула Стази в спину, а тело его летело, как таран, дальше сквозь окно. Сталакарро попытался поймать его, но промахнулся.

Он лишь услышал громкий всплеск.

С берега донеслись голоса. Два ярких прожектора обшаривали озеро, скрещивались и расходились вновь. По воде расходились темные круги. Вскоре она успокоилась, стала ровной и черной, как эбонитовое дерево.

Сталакарро стоял, уперев руки в подоконник.

— Вы попали?

— Думаю, да, — ответил Хадик.

— Я тоже. Теперь ему не надо бояться суда. А мы остались с носом, позорным носом. — Сталакарро, не двигаясь, смотрел на бегающие лучи прожекторов.

— Что с вами, полковник?

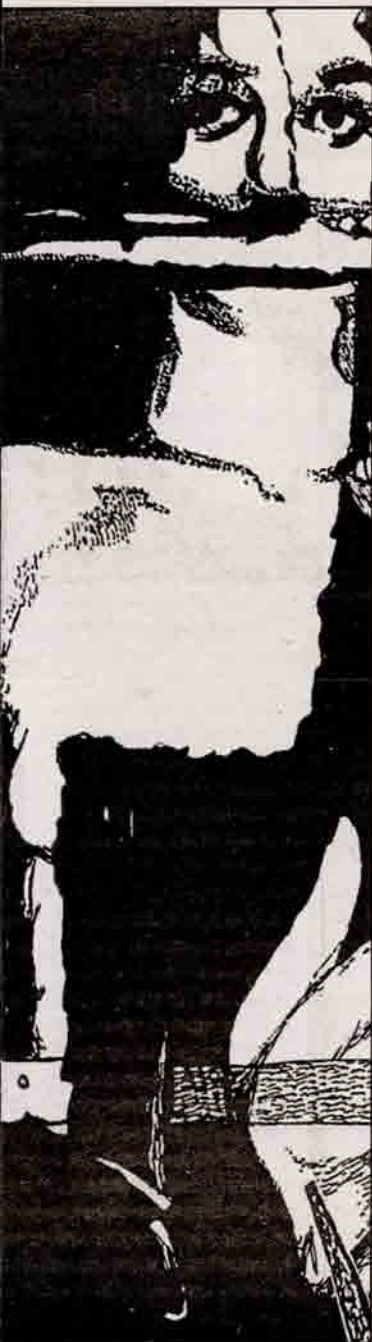
— Ничего. Вот только думаю об обоих. Вестники смерти. Сегодня они поженились. А теперь лежат там, на дне, рядом. Может быть, настолько близко, что их руки касаются друг друга.

Хадик смотрел через плечо полковника. В темной синеве дальнего берега жемчужной россыпью сияли огни.

Перевод с немецкого **Нелли БЕРЕЗИНОЙ.**

Исход

*...Вечерней порой, сомкнувшись в строю,
 Поем мы негромкую песню свою
 О том, как в далекие степи ушли
 Мы, дети безумной, несчастной земли,
 И в подвиге видели цель мы одну —
 Спастись от позора родную страну.
 Пугали нас вьюги и холод ночной.
 Не даром нам дался поход Ледяной...*

■ Декабрь 1919-го подходил к концу. Ожесточенные бои шли на подступах к Ростову. Под натиском превосходящих сил красных белые отступали, и в Ростов стягивались беженцы со всей России. Несмотря на тяжелое положение Добрармии, запись в ее ряды шла очень вяло и неохотно, в основном это были гимназисты, реалисты, юнкера, кадеты и небольшая часть офицеров. Поток раненых увеличивался с каждым днем. А вот на Садовой улице в центре города все было по-прежнему: весело прохаживалась по тротуарам толпа, работали кафе, рестораны и даже кинотеатры.

...Разбитая крестьянская телега еле тянула, ездовой постоянно понукал лошадей. Раненые стойко переносили все неудобства, которые им доставляли деревянные доски и постоянные толчки ухабистой дороги. пронизывающий холодный ветер забирался под тонкие шинели, не давая заснуть, а дожди, вперемежку со снегом, делали дороги непроходимыми. Еще две двуколки шли следом, медленно таща тяжелый груз.

Обоз, состоящий из двух двуколок и одной крестьянской телеги, ежедневно, по несколько раз в день, доставлял тяжелораненных с передовой в городской госпиталь, а те, кто хоть как-то мог передвигаться и держать оружие, отказывались от эвакуации, ведя неравный бой с превосходящими силами.

Шура поправила рыжую челку, выбившуюся из-под белой косынки с поблекшим красным крестом, внимательно посмотрела в ту сторону, откуда доносилась канонада, стараясь угадать, как близко приблизился фронт. В который раз телегу качнуло, и усталые кони встали. Она легко спрыгнула на землю, хрупким плечом подталкивая телегу, стараясь помочь лошадям, ездовой тоже спрыгнул с седла и, подгоняя лошадей, несильно ударил вожжами по их провисшим спинам. Лошади нехотя натянули постромки и побежали в горку.

Извилистый участок дороги закончился, ехать стало легче, ездовой и Шура снова запрыгнули в телегу. Вдалеке уже показались небольшие одноэтажные домики — начинался пригород Ростова. Неожиданно из-за поворота выехала тачанка, управлял ею молодой офицер в кожаной куртке с серебряными погонами, другой офицер, постарше, облокотившись на пулемет, вальяжно сидел сзади.

— Сестрица, далеко ли батарея капитана Земнуховича? — обратился он к Шура.

— Недалеко, вон видите кусты, так от них направо версты две—две с половиной, — ответила девушка.

Тачанка скрылась в дорожной пыли так же неожиданно, как и появилась. Оставшиеся несколько верст до Ростова оказались еще более утомительными для обессиленных людей и лошадей. Наконец добрались до госпиталя. Перевязочный пункт Добрармии располагался в двухэтажном сером доме с выходом на две стороны, возле железнодорожного вокзала. Лошади остановились на небольшой площади у парадного въезда. Вся площадь была забита носилками с ранеными, лежавшими на промерзлой земле. Сестры и санитары бегали между носилками с питьем, бинтами и медикаментами, стараясь облегчить страдания раненых.

Шел третий месяц, как весь медперсонал работал без отдыха, сплотившись в одну дружную семью. Подруги Шуры, Настя и Алена, непосредственно работали в госпитале, а она ежедневно сопровождала раненых с боевых точек, рискуя в любой момент быть убитой.

Шура спрыгнула с телеги и одернула рукой суконную юбку. Подошедший санитар, деревенский увальень Егор, прибывший к госпиталю полгода назад, недовольно произнес:

— Сестрица, вы все везете и везете раненых, ведь мест и так нет, вывозить их из города надо...

— Куда вывозить? Все пути забиты вагонами и паровозов нет, — ответила Шура и, немного помолчав, спросила: — Егор, ты Настю и Алену не видел?

— Да бегали где-то здесь, разве усмотришь, вон какая запарка, — ответил санитар.

Они аккуратно положили раненого молодого юнкера на носилки и понесли в здание перевязочного пункта, все время спотыкаясь о тела. Вот и операционная. Дверь неожиданно распахнулась, и из нее вышли два санитаря с раненым на носилках, сестра милосердия заботливо поправляла белую простыню, сбившуюся в комок. Подняв голову, она посмотрела на Шуру, и та сразу узнала в ней Алену. Подруги обнялись, улыбаясь друг другу, и Шура спросила:

— А где Настя?

— Она в перевязочной, — ответила Алена.

— Принимай еще восемнадцать раненых, а этому, очевидно, срочно надо делать операцию, пулевое ранение в живот.

— Не беспокойся, я сейчас доложу главному врачу, — серьезно проговорила Алена.

— Вечером увидимся, а я успею еще разочек съездить на передовую. — Резко повернувшись, Шура вышла из здания госпиталя.

На крыльце она осмотрелась — телегу и двуколки освободили от раненых. Ездовой переминался с ноги на ногу.

— Ну что, сестрица, на сегодня все?

— Как все? — возмутилась она. — Дотемна еще раз успеем.

Двуколки осторожно, чтобы не задеть раненых, начали разворачиваться. Шура легко запрыгнула на телегу, держась рукой за деревянные доски...

...Еще каких-то три-четыре года назад Шура и ее близкие подруги Настя и Алена жили легко и беззаботно. В 1912 году они окончили восьмой класс гимназии и поступили в Кауфманскую общину на курсы запасных сестер милосердия, считая, что в жизни эти курсы могут пригодиться, на летних каникулах в деревне они сами смогут оказывать первую медицинскую помощь. Каждый день подруги посещали занятия и лекции, а перед Рождеством держали устный и практический экзамены. После сдачи экзаменов их направили на практику в городскую больницу. Больница произвела на девушек удручающее впечатление — грязная, старая, казалось, даже стены впитали в себя запах карболки и плесени, на сером постельном белье лежали нищие, пьяницы и бродяги. Условия были тяжелые, градусников и лекарств не хватало, грязное белье не стиралось неделями. Всюду царил смрад, окна не открывались. После двух первых дней работы в больнице Настя и Алена ушли, не выдержав испытаний. Они не смогли целыми днями находить на ногах, бегая от одного больного к другому по первому требованию, выносить утки, мыть полы в аптекарской и носить грязное белье в прачечную больницы. Шура же проработала чуть больше месяца, но тоже ушла, хотя для получения диплома надо было проработать в больнице до весны.

О том, что не закончили курсы, подруги сильно не переживали, каникулы, отдых в деревне, беспечные веселые дни отодвинули на второй план их сестричество. Они решили закончить курсы на следующий год, но их планам не суждено было сбыться. 1914 год разбил не только их мечты — началась страшная война, ставшая для всех серьезным испытанием.

Закадычные подруги горячо обсуждали происходящие события. Шура уговаривала подруг идти работать в госпиталь, Настя же настаивала повременить. "Может, война скоро закончится, — говорила она, — и не надо будет идти на курсы", а Алене было все равно, лишь бы вместе с подругами. В конце концов решили, что надо немного повременить. Но, несмотря на уговор, Шура на следующий день позвонила старшей сестре на курсы и спросила, нужна ли ее помощь — ведь у нее нет диплома для работы в госпитале, а хочется что-то полезное делать. Та, в свою очередь, посоветовала Шуре прийти на курсы и получить направление на практику, после которой ей выдадут диплом. Радостная Шура сообщила подругам, что есть возможность закончить курсы и попасть на фронт, но Настя и Алена не выразили явного желания опять идти работать в больницу. Тогда она пошла на курсы одна, где и получила направление в больницу для рабочих. Там уже работали волонтерки, которые после объявления войны поступили на ускоренные курсы сестер милосердия. Все сестры в больнице стремились быстрее попасть на фронт, им казалось, что война быстро закончится, и они не успеют попробовать свои силы. В двадцатых числах сентяб-

ря всем сестрам Кауфманской общины было предписано явиться на курсы для получения красного креста. В торжественной обстановке сестры прикрепили красные кресты на передники и косынки, после чего им выдали дипломы об окончании курсов и сообщили, что через несколько дней сестры милосердия уезжают на фронт. Все были просто счастливы, когда получили в приданое кожаные куртки и черные ватные пальто.

Время мчалось быстро. Насте и Алене надоело бездельничать, ходить по знакомым и в кино, обсуждать события на фронте и читать светскую хронику. Они все-таки решили поработать в больнице, в душе сожалея лишь о том, что вовремя не послушали совета подруги и не закончили курсы вместе.

Шура получила диплом и назначение в передвижной лазарет. Дома началась невероятная горячка, надо было успеть в три дня пошить форму. Высокие сапоги сшить на заказ было невозможно, не хватало времени, пришлось купить готовые — кадетские, очень некрасивые, как ей казалось.

Наконец наступил долгожданный день отъезда. Шура уезжала на фронт в вагоне второго класса. Провожать ее пришли все родные и знакомые. Вздволнованные Настя и Алена были рядом с подружкой. Каждый хотел поговорить с ней, поддержать, объяснить, попрощаться. Людская толпа была не менее двух тысяч. Отъезжающих на фронт забрасывали цветами и просто разрывали на части. Вокруг шум, объятия, слезы. Поезд отъезжал под громкие крики "Ура!". Шура махала белым платком родным и подругам в раскрытое окно уходящего поезда.

Через несколько дней она приехала в Киев, а оттуда в небольшой городок, где располагался госпиталь. Раненые из госпиталя доставлялись на эвакуационный пункт. Первое время Шуре было очень трудно, ей казалось, что перевязки она делает неумело, причиняя боль раненым. Когда же в госпитале прибавилось работы и раненых стало еще больше, у нее уже не оставалось времени для сомнений, руки механически накладывали шины и повязки...

Вскоре раненых эвакуировали, и госпиталь перевезли в Карпаты — там шли тяжелые бои. Шура работала по восемь-одиннадцать часов, очень уставала: раненых было много, а сестер не хватало. Настя и Алена писали ей, что работают в госпитале в Петербурге, скучают, и просили, чтобы она отвечала почаще. Через месяц Шуру и старшую сестру перевели во Львов. Там она познакомилась с капитаном Сергеем Забелиным, раненным в плечо и ногу. Поначалу Шура не обращала на него внимания, раненых было много, и время пробегало в суете, но он настойчиво ухаживал за ней, посылая записки в виде бумажных голубков. Приходя ежедневно в палату, Шура ловила на себе его взгляд, а когда у Сергея неожиданно поднялась высокая температура, просидела всю ночь у его постели. Многие раненые обижались, что она уделяет им меньше внимания, чем Забелину, но Шура, краснея, успокаивала их и объясняла, что он еще слаб и ему требуется особый уход. Когда у Сергея дела пошли на поправку, он стал ежедневно приносить Шуре небольшие букетики полевых цветов. Она подсмеивалась над ним, кокетничая с другими ранеными. Но Сергей стойко переносил Шуричкины капризы, за что всегда вознаграждался ее очаровательной улыбкой. Они часто гуляли в саду, разбитом недалеко от госпиталя. Запах цветов пьянил обоих, и Сергей, нежно обнимая Шуру, рассказывал ей о своем родном Курске, в котором он родился и вырос, где остались его родители и друзья. Постепенно их нежные отношения переросли в любовь. Шура впервые ощутила незнакомое чувство первого поцелуя, и в это тяжелое время Сергей стал для нее самым близким человеком. Он искренне любил Шуричку, ему нравились ее канопушки на носу и щеках, серые глаза завораживали и дурили голову, рыжие

волосы, словно спелая рожь, придавали ей необыкновенный шарм. Иногда они уединялись в березовой роще, и Сергей учил ее стрелять из маленького трофейного браунинга, а по воскресеньям ходили в офицерский тир и стреляли из всевозможного оружия. Она была благодарна любимому за науку, считая, что это может пригодиться на войне. Вскоре Сергей поправился и отбыл на фронт в действующую армию. На прощание Шура подарила ему платок с голубком, вышитый украдкой от него, и попросила писать чаще.

От него стали приходиться очень сердечные и длинные письма, полные любви и нежности, в конце каждого письма он обязательно рисовал пером небольшой рисунок. Шура хранила все его письма, аккуратно перевязывая их голубой тесемочкой. Но однажды пришло письмо, написанное чужим почерком, — писал друг Сергея. Он сообщил ей, что ее любимый в одной из атак был ранен и попал в плен, где он и что с ним, никто не знает. Шура не смогла в эту ночь заснуть, заплаканная, она сидела на стуле у окна, прижимая небольшую пачку писем к груди.

Шло время, но Шура верила, что еще встретит своего любимого, сердце подсказывало, что он жив. На смену золотой осени пришла суровая зима. С фронта пригоняли поезда, переполненные ранеными. Санитары и сестры убирала из вагонов умерших от ран и замерзших в пути. Раненых перевязывали тут же и отправляли в тыл. Иногда Шура и фельдшер ездили на поезде вдоль фронта за ранеными, попадая под обстрел немецких батарей. Начальник медицинского отдела на самых отличившихся отправил бумаги о награждении Георгиевскими крестами. Среди трех награжденных сестер была и Шура.

В начале февраля 1917 года она заболела тифом, письма подруг нашли ее в Яссах, небольшом госпитале. Настя и Алена писали о беспорядках в столице и о каких-то грядущих переменах. Переболев тифом, Шура начала потихоньку поправляться. Известие об отречении Государя повергло всех в уныние, раненые и медперсонал были подавлены, многие плакали. Солдатские комитеты агитировали за прекращение войны и братание с врагом. Фронт развалился, сестры милосердия, одна за другой, начали разъезжаться кто куда. Шура поехала в столицу к подругам и вместе с ними начала работать в госпитале на Васильевском острове. Они решили, что больше никогда не расстанутся. Но проработав некоторое время в госпитале, подруги поняли, что их окружают одни симулянты, в лучшем случае — легко раненные. Вечером на девичьем совете было решено ехать на юг России в Добровольческую армию. Новая власть им была чужда и непонятна, в душе каждая возмущалась, как можно бросить фронт и открыть дорогу врагу. Поезда на юг ходили редко, на вокзалах шли повальные обыски, искали офицеров. Через знакомых выхлопотали документы о демобилизации, в которых разрешалось ехать на родину.

В апреле 1919 года они, наконец, прибыли в передовой отряд генерала Шкуро. Всех распределили в разные места — кого в лазарет, кого в санитарный поезд. Шура попала в отряд, который формировался в Екатеринограде. Там она встретила знакомых по медицинским курсам, с подругами виделась редко, только когда привозила на телегах раненых в госпиталь. Затем началось отступление. Гибель товарищей и близких лежала на сердце незаживающим рубцом. Ростов на короткое время приютил всех, кто не смог вырваться из железных тисков красной конницы...

...Раскаты канонады слышались все отчетливее. Шура попросила ездового, чтобы он поторопил лошадей. Шел бой, срочно надо было добраться до Росто-

ва. Двухолки вдруг остановились около густого кустарника, и сестра начала подтаскивать раненых к нему, аккуратно укладывая их на голые деревянные доски. Рядом лежали убитые люди и лошади. К Шура подошел молодой офицер с перевязанной рукой.

— Сестрица, больше не приезжай и передай в город, что еще максимум два часа сможем сдерживать натиск, но не больше. Силы кончились, у нас одни убитые и раненые.

— А как же оставшиеся раненые, ведь мы всех не вывезем? — спросила Шура.

— Забирайте всех сестер и самых тяжелых и быстрее уезжайте, это мой приказ! — прокричал в ответ офицер.

Шура начала лихорадочно помогать санитару и сестрам укладывать раненых. Вскоре небольшой обоз был уже переполнен, лошади едва тащились, сестры и санитары изо всех сил подталкивали телегу и двухолки, стараясь быстрее попасть в Ростов. Двухолки растянулись в ряд, медленно двигаясь к городу. По пути им попадались одинокие раненые, пытавшиеся самостоятельно добраться до Ростова. Всюду вдоль дороги валялись пустые деревянные ящики из-под снарядов, промасленная бумага с мусором дополняла и без того неприглядную картину. Вдруг Шура увидела возле небольшого кустарника перевернутую тачанку, рядом лежали убитые лошади, а молодой капитан, раскинув руки, смотрел стеклянными глазами куда-то в сторону. Шура спрыгнула с телеги, устремляясь к кустарнику, и на ходу крикнула ездovому:

— Притормози!

Тут же рядом, как-то боком, лежало тело другого офицера. Она попыталась перевернуть его на спину, кожаная куртка расстегнулась, и из бокового кармана выпал белый платок. Шура машинально развернула его и увидела небольшого голубка, которого сама вышла на память любимому. Она пристально посмотрела на измученное, обветренное лицо и тут же узнала Сергея. Шура обняла его и расплакалась. Сергей тихо застонал от боли. "Потерпи немного, я тебя сейчас в госпиталь доставлю, у нас такой доктор, он враз тебя вылечит", — шептала Шура. Сергей постарался улыбнуться ей в ответ, но потерял сознание. Ездovый подогнал двухолку ближе к раненому, и они вдвоем положили Сергея на деревянные доски. Шура постоянно оборачивалась, прислушиваясь к винтовочным выстрелам. Ей все время казалось, что за ними кто-то гонится. Она шепотом повторяла, как молитву: "Гони, гони, миленький!" Вот, наконец-то, и госпиталь. Та же сутолока, крики, стоны, плач. Неожиданно в крышу здания попали вражеские снаряды, начался пожар. Из разбитых окон валил черный дым, горели верхние этажи. Раненых охватила паника, люди метались по длинным дымным коридорам, стараясь найти выход. Остановив пробегающего санитаря, Шура спросила:

— Егор, где доктор Кузьмичев?

Он только пожал плечами, не зная, что ответить, и Шура попросила, чтобы он и ездovый положили на носилки Сережу и шли за ней. Внутри здания на полу валялись окровавленные простыни, сломанные носилки, мертвые тела. Вот и дверь операционной. Шура резко распахнула ее.

— Кто там? — раздался голос доктора Кузьмичева.

— Александр Борисович, это я, сестра Шура.

— Вы что, не видите, что у меня операция? Закройте сейчас же дверь!

Шура, рыдая, прислонилась к стене, носилки с раненым Сережей были подле ее ног, санитар и ездovый стояли тут же. Прошли мучительные минуты, отво-

рилась дверь, и Александр Борисович, вытирая лоб платком, мягко обратился к девушке:

— Шурочка, что случилось?

— Серезу ранили, — всхлипывая, произнесла она.

— Заносите живей! — приказал ездovому и санитару главврач.

Перед Шурой опять плотно закрылась дверь, а ездovый вытащил кисет из кармана шинели и закурил пахучий самосад.

— Сестрица, вы шибко не переживайте. Борисыч сделает даже невозможное, хирург, одним словом, — старался он подбодрить Шуру.

На улице участилась оружейная стрельба, вражеские снаряды рвались где-то рядом с госпиталем, очевидно, красные прорвали фронт, и бои шли уже на улицах города.

Дверь в который раз распахнулась, и главврач, устало снимая марлевую повязку, произнес:

— Сестра, собирайте подводы и двуколки, грузите раненых и быстрее выезжайте из города, хотя, может быть, уже поздно. А вы, — обратился он к санитару и ездovому, — дайте с ней. Вот еще что, идите в аптеку и возьмите все, что нужно. Аптекарь скажите, что я разрешил, и заберите старика с собой. Раненый ваш жить будет, рана тяжелая, но не смертельная, — устало добавил он.

— А как же вы, Александр Борисович? Разве не с нами? — с ужасом в голове проговорила Шура.

— Мне еще предстоит не одна операция, и потом, я думаю, меня и раненых не тронут, — и он закрыл дверь операционной. Еще какие-то секунды Шура стояла молча, затем вопросительно посмотрела на санитаря:

— Егор, Серезу несите на двуколку, собирайте раненых. Увидите Настю и Алену, передайте, чтобы были с вами, а я мигом в аптеку и назад. — Она повернулась и побежала по коридору.

Аптечная комната пропахла лекарствами, на полках стояли банки, бутылки из темного стекла. Посередине комнаты на стуле сидел аптекарь в белом халате. Шура в растерянности остановилась подле него. Александр Андреевич, по видавший немало ужасов и смертей, обреченно поглядывал на Шуру из-под очков с разбитыми стеклами. Чуть подслеповатые глаза были усталыми и воспаленными.

— Александр Андреевич, где бинты, йод, вата, спирт? — громко спросила Шура.

— Все на полках, дочка, бери, что надо, — и аптекарь развел руками, указывая на полки.

— Вы с нами? — бросила она ему, укладывая медикаменты в брезентовую сумку.

— Я ни с кем, — отрешенно пробубнил себе под нос Александр Андреевич.

Набив одну сумку, Шура приступила к другой, стараясь побольше положить, тщательно приминая бинты и вату. Неожиданно в здании госпиталя началась стрельба, из раскрытых дверей доносились стоны и крики раненых. В аптекарскую вбежал обезумевший санитар. Громко крича "Красные!", он повернулся, словно волчок, и бросился вон из комнаты.

— Вот и за нами пришли, — вздохнул старый аптекарь.

Шура не обратила внимания на его слова, продолжая набивать сумки лекарствами. Вдруг раздался хлопок и звон разбитого стекла. Она обернулась — на полу лежало бездыханное тело аптекаря, шальная пуля угодила ему в голову. Шура испугалась и выбежала из комнаты, ляжки тяжелых сумок давили хрупкие

плечи. Весь коридор был в едком дыму, в огне трещали перегородки комнат, пожар постепенно охватил все здание. Всюду лежали мертвые тела, грязные бинты и поломанные койки мешали еще живым раненым выбираться во двор госпиталя. На какое-то мгновение Шура заблудилась в горящих коридорах. Распахнув ближнюю дверь, из-за которой раздавались нечеловеческие крики, она остолбенела — два пьяных красноармейца издевались над раненым, втыкая в его тело штыки. От страха Шура закричала, лямки сумок упали с плеч, тело стало ватным, к горлу подкатилась тошнота. Попытившись, она споткнулась и упала на спину, сильно ударившись плечом. От неожиданного крика красноармейцы на миг остановились в нерешительности, еще не зная, как им поступить с сестрой. От сильной боли в плече Шура пришла в себя. Попробовав подняться, она шарила по полу, стараясь оттолкнуться от пола. Неожиданно ее рука коснулась холодного металла. Она посмотрела на руку и увидела, что опирается на карабин. Поднимаясь с пола, Шура схватила его и выстрелила с колена в близстоящего красноармейца. Тот рухнул замертво, другой попытался выстрелить в нее, но второпях промахнулся. Шура хладнокровно выстрелила в упор, не дав красноармейцу перезарядить винтовку. Отбросив карабин в сторону и найдя брошенные сумки, она начала быстро надевать лямки на плечи, затем подошла к раненому. Ее глаза увидели бездыханное истерзанное тело. Не видя ничего перед собой, Шура выбежала на задний двор госпиталя, голова гудела, словно от контузии. Во дворе ее ждали подруги, пять брезентовых летучек и три телеги с ранеными.

— А мы, сестричка, думали, что уже не увидим тебя, — промолвил раненый, лежавший на ближней телеге.

Шура подошла к подругам. Те наперебой начали спрашивать, что делать и куда ехать. Почувствовав себя старшей, она приказала им побыстрее садиться в телеги и уезжать, пока красные не обнаружили их обоз. Сама же подошла к телеге, на которой лежал Сергей. Придя в сознание, он смотрел на Шуру, но был не в силах что-либо вымолвить.

— Молчи, молчи, Сереженька, береги силы, я все и так понимаю, любимый, — нежно целуя его, прошептала Шура, садясь рядом в летучку.

Обоз начал медленно выезжать из города. Оказавшись на свободе, лошади понеслись вперед под палящими лучами солнца, увозя раненых подальше от опасности.

Шура сидела на последней летучке, раненный в ногу прапорщик лихо управлял лошадьми, еще один, в шинели, с капитанскими погонами, сидел к ней и Сергею спиной, неуклюже облокотившись на деревянный борт летучки, тут же лежали три винтовки и два подсумка с патронами.

Выехав из Ростова, санитарный обоз делал все, чтобы незаметно уйти от красных, которые уже мародерничали в городе.

Неожиданно из-за приближающегося пыльного облака с гиканьем и криками выскочили всадники.

— Красные! — крикнул прапорщик, неистово хлестая лошадей, стараясь оторваться подальше от преследователей.

Шура схватила винтовку, прицелилась и выстрелила. Под ближним всадником рухнула лошадь. Рядом раздался еще выстрел, и очередной убитый красноармеец упал на землю. Она одобрительно посмотрела на капитана, который, делая вид, что ничего не произошло, перезарядил винтовку. В ответ беглецам летели пули. Санитарный обоз начал растягиваться. Передернув затвор и вогнав патрон в патронник, Шура снова выстрелила. Еще один красноармеец завалился на бок, полчерепа было снесено в какие-то доли секунды.

— Да нам с тобой и черт не страшен, — улыбаясь, проговорил прапорщик. Но в этот момент раздался выстрел, и прапорщик упал на дно летучки. Капитан перехватил вожжи и ударил лошадей.

Красные наседали, стараясь окружить растянувшийся обоз.

Одна из пуль задела Шуру. Она ощутила жжение в правом плече. Проведя по нему рукой, почувствовала теплую липкую жижу и поняла, что это кровь. Перевязать себя не было времени, приходилось постоянно отстреливаться. Плечо постепенно немело и ныло, как больной зуб. Капитан одной рукой держал вожжи, а другой метко стрелял из нагана, стараясь не подпустить к обозу красноармейцев. Ехавшая рядом телега начала отставать, лошадь убили шальным выстрелом, и она мешала двигаться. Раненый офицер попытался перерубить ремни саблей, чтобы облегчить движение второй лошади, но тут же был убит. Еще какое-то время раненые, находившиеся на этой телеге, отстреливались, а затем все оказались перебиты. Шура отчаянно отстреливалась, в голове была только одна мысль — побыстрее вырваться из вражеского кольца. Всадник, оказавшийся вблизи от летучки, разглядел, что в ней находится сестра милосердия, и решил достать ее шашкой. Но Шура опередила его, выстрелив раньше. Всадник упал, выронив из руки блестящий на солнце клинок. Три телеги с ранеными тоже были окружены и перебиты красными, а вместе с ними погибли Алена и Настя...

Капитан, управлявший летучкой, вдруг завалился на спину, замертво сраженный пулей, кровь быстро проступала через гимнастерку. Шура бросилась к капитану, взяла вожжи из уже мертвых рук и начала неистово стегать лошадей, все время оборачиваясь на наседавших всадников. Вот и еще одна телега осталась позади, окруженная красными. Чувствуя, что им не оторваться, одной рукой подтащив к себе винтовку, а другой крепко придерживая вожжи, она старалась прицелиться и выстрелить поточнее. Ближний всадник свалился с лошади, и Шура, тяжело вздохнув, передернула затвор. Но патроны все кончились, да и лошади потеряли темп. Хлестая их плеткой, она старалась догнать обоз, но красные начали окружать летучку. Обессиленные кони встали, как вкопанные. Бросившись к Сереже, Шура закрыла его своим телом. Подъехавший рыжий детина выстрелил в упор, и пуля насквозь пробила два любящих сердца. Окружившие рыжего красноармейцы упрекнули его, что сначала надо было "позабавиться с конторой", а уж потом пускать в расход. Но командир конного отряда окинул взглядом окрестности и, убедившись, что никому не удалось уйти, махнул рукой в сторону города. Всадники нехотя повернули своих коней, оставляя за собой санитарный обоз. Обнаженные тела убитых лежали тут же, возле телег. Красноармейцы воспользовались всем, чем могли...

Приближалось новое Рождество, наступал новый 1920 год. Белая армия с большими потерями уходила на Кубань, оставляя на заснеженных полях России лишь безымянные могилы — свидетельниц гражданской войны... ■

Мотылек"

Первого сентября в средней школе № 12, расположенной на живописной окраине большого промышленного города, царил совсем не праздничная атмосфера. А уж десятый класс "Б", лишившийся сразу двух учеников, вообще стоял на утренней линейке мрачной молчаливой толпой, некоторые девочки вытирали слезы. О том, что произошло две недели назад, знали уже все: Артур, замечательный парень, спортсмен, лидер класса, красавец и умница, застрелил из табельного оружия отчима свою девушку, Инну. Осознав, что наделал, он попытался покончить с собой, но не смог, и находится в психиатрической больнице, в почти невменяемом состоянии.

Сказать, что люди были шокированы, это все равно, что ничего не сказать. Весь микрорайон стоял на ушах. Отец Инны попал в больницу с инфарктом, мать рыдала круглые сутки, младший брат попросился к бабушке, чтобы вырваться из тягостной обстановки. Родители Артура просто перестали выходить на улицу, настолько происшедшее вывело их из равновесия. Особенно страдал отчим парня, Юрий Иванович — участковый инспектор. Именно из его пистолета убили девушку, и милиционеру предстояло, кроме всего прочего, еще и тяжкое служебное расследование.

Обе семьи, и преступника, и жертвы, были известны многим. Первая — как чисто милицейская семья (мать Артура работала в ОВД по охране метрополитена). Вторая — как чисто медицинская (отец — главврач районной поликлиники, мать — стоматолог). Нормальные, уважаемые люди. И дети у них — всем на зависть, хорошие, спокойные, талантливые, да еще и как-то трогательно, почти старомодно влюбленные друг в друга.

Из-за чего прекрасный мальчик Артур убил замечательную девочку Инну, не знал никто. Кроме самого Артура, но тот не мог пока дать никаких показаний, поскольку с момента убийства не произнес вообще ни одного слова...

Своего родного отца он почти не помнил. Так, расплывчатый образ из очень далекого детства. Что-то хорошее, больше напоминающее сон. Отец разбился на машине, когда мальчику было три года, а новый муж матери, очень неплохой человек, так и не стал почему-то для него "папой". И не скажешь, что отношения не сложились, нет, все нормально, но Артур всегда называл отчима "дядя Юра" и держался с ним чуть холодновато, на дистанции. Отчим, правда, тоже не особенно старался приблизиться, он мечтал о собст-

венном ребенке и к пасынку относился, скорее, как к любимому племяннику, чем как к сыну.

А вот у Инны сложилось иначе. Она с самого рождения считалась настоящей "папиной дочкой". Отец, добродушный весельчак, душа компании и просто хороший человек, очень любил девочку, непомерно баловал, никогда и ни за что не ругал, всюду брал с собой, хвастался ею перед знакомыми, даже повесил в служебном кабинете ее большую цветную фотографию. Инна отвечала папе взаимностью и со всеми радостями и печалью бегала к нему, а не к матери.

Когда Артур впервые попал к Инне в гости, его сразу поразили нежные и теплые отношения отца и дочери, их трогательная забота друг о друге, ласковые словечки, взгляды, какая-то аура любви и понимания, окутывающая обоих. Они казались словно отдельной маленькой семьей внутри большой семьи, мать и сын не вписывались в их тесный мирок и оставались за кадром. Впрочем, никакой напряженности по этому поводу Артур не уловил. И мама Инны, и ее десятилетний брат были вполне самостоятельны и мило ворковали с гостем, почти не обращая внимания на главу семьи, занятого, как всегда, дочкой.

Артур же обратил внимание именно на это и впервые в жизни ощутил какую-то странную горечь. Ему всегда хотелось иметь такого отца. Доброго, веселого, любящего. Причем любящего без всяких условий, абсолютно, любящего в высшем смысле этого слова. Игорь Николаевич, Иннин папа, произвел на него неизгладимое впечатление своей эрудицией, чувством юмора, манерой общаться, своими интересными рассказами о путешествиях на байдарке, в общем, понравился на все сто. Хотя Артур, конечно, был неглупым парнем и понимал, что мечтает о невозможном...

Невозможном ли? А почему нет? Артур видел, что к собственному сыну

Игорь Николаевич почти равнодушен. Значит, чисто теоретически есть шанс хоть в каком-то смысле попытаться заменить ему сына, стать тем, кого ему, возможно, не хватает — родственной душой. Ведь тут нет никакой корысти. Просто хочется тепла.

Они проболтали весь вечер. Артур старался изо всех сил: тоже что-то рассказывал, смешил всю семью, демонстрировал, как хорошо он относится к Инне и какие серьезные у него намерения, подхватывал любую тему разговора, заинтересованно расспрашивал Игоря Николаевича о работе и увлечениях... В итоге, кажется, ему удалось кое-чего добиться. Провожая его до двери, отец девушки сердечно улыбнулся, протянул руку и сказал: "Почаще заходи, хороший ты парень!"

Вот так и началась вся эта история. История странных взаимоотношений двух людей, каждый из которых что-то искал в другом и строил какие-то свои иллюзии...

Относительно серьезных намерений Артур почти не кривил душой. Инна ему нравилась уже больше года, хотя любовью свое чувство к ней парень все-таки назвать не решался. Он и не знал, что такое любовь. Ему было просто хорошо с девушкой, он любил гулять с ней, дарить цветы, водить ее по самым интересным местам города, разговаривать, заботиться. Незадолго до приглашения в гости он даже представил Инну друзьям как свою невесту. Почему нет? Они идеально сходились характерами и могли стать хорошей супружеской парой.

Над ними по-доброму посмеивались: "Ромео и Джульетта", уж слишком детскими выглядели их отношения. Инна же именно за это больше всего ценила Артура, ей нравилось, что он не отпускает рук, ведет себя уважительно и ласково. К тому же он пришелся по душе ее отцу, а это очень многое значит. Мнение папы всегда оказывалось для девушки решающим.

Понравиться Игорю Николаевичу, несмотря на все его добродушие, было непросто, он с первого взгляда делил людей на "наших" и "не наших", и, если дочкин приятель попадал в последнюю категорию, надеяться ему было не на что. Так произошло с тремя ребятами, а вот после визита Артура отец ласково потрепал Инну по голове и сказал: "Наш человек. Пусть приходит".

И Артур стал приходить. Часто, два-три раза в неделю. К каждой встрече с Игорем Николаевичем он готовился тщательнее, чем к свиданию с его дочерью: чисто и аккуратно одевался, покупал вкусное угощение, заранее готовил интересные и необычные вопросы... Цель имел одну: понравиться. Привлечь максимум внимания. Заставить думать о себе. Никогда еще ничье мнение не было для него так важно! Порой в мыслях он робко называл Инниного отца "папой", мечтал, какой подарок приготовит ему на день рождения, что сделает для него полезного, чем поможет... А Игорь Николаевич, в свою очередь, с каждым днем все теплее относился к дочкиному знакомому, все дольше беседовал с ним, советовался, даже пригласил его встретить в их доме Новый год. Инна для Артура отошла на второй план, а собственная семья как бы вообще перестала существовать.

Дома он чувствовал себя неуютно. После долгих бесплодных попыток завести ребенка мама, наконец, забеременела и ходила теперь счастливая и отрешенная, полностью поглощенная мыслями о малыше. Она бросила курить, попросила начальника перевести ее на более легкую работу, в свободное время сидела с вязанием, готовила гардероб для младенца. Взрослый сын теперь не был для нее, как раньше, единственным и драгоценным мальчиком, она готовилась к появлению новой жизни и сама как бы начинала жить заново. Юрий Иванович вел себя примерно так же: берег жену от малейшего

сквозняка, покупал ей фрукты и книги для будущих родителей, с дежурства сразу бежал домой, взял на себя почти все заботы по хозяйству, даже говорить стал тише: где-то он вычитал, что ребенок еще в утробе матери слышит все звуки. Артур всей этой идиллии только мешал своей музыкой, друзьями, звонками по телефону, да и вообще — своим присутствием. Поэтому на Новый год в чужую семью его отпустили без разговоров.

Это был лучший Новый год в его жизни! Теплый, по-настоящему семейный праздник. Артуру, к его удивлению, приготовили подарок — современный фотоаппарат, чтобы снимать пейзажи во время будущих путешествий всей компанией по горным речкам. От восторга у парня потекли слезы, и Игорь Николаевич по-родственному обнял его, прижал к себе и тихонько сказал: "Ну ладно, ладно, сынок, чего ты..." Это воспринималось как бы высшим пиком мечты, настоящим новогодним чудом. Артур был готов жениться на Инне прямо сегодня, лишь бы больше никогда не уходить из этого дома, стать тут своим. Улучив момент, он отозвал девушку на кухню и предложил: "Выходи за меня замуж". Инна засмеялась: "Ты мне теперь скорее брат, чем жених. Да нас и не распишут, целых два года ждать!" Ревность в ней тогда еще не проснулась, и она искренне забавлялась ситуацией. А Артур вдруг испугался, он почувствовал, насколько эфемерно его счастье и как сильно оно зависит от воли случая. За два года все может перемениться, вдруг Инна кого-то полюбит по-настоящему, и тогда все, конец, путь сюда ему будет заказан! "Милая! — он схватил ее за руки, умоляюще заглядывая в глаза. — Ну, пожалуйста! Я тебя люблю! Давай что-нибудь придумаем! Не может быть, чтобы нас не расписали, мы же не дети, нам уже шестнадцать!" Инна чуть отстранилась, хмурясь: "Мне замуж рано. Что это с тобой? Пошли лучше к папе, не думай ты об этом..."

Она не могла сформулировать, что именно ее мучает. А дело все в том, что любви, о которой так настойчиво твердил Артур, девушка не чувствовала. И не любила сама.

Первый укол тревоги Артур ощутил в середине весны. К тому времени уже сложилось, что в дом Игоря Николаевича его звали по средам и воскресеньям, это стало своего рода традицией. И вдруг в очередную среду, после уроков, Инна сказала, что папа "будет допоздна на работе, и вообще, он сильно устает". Тон у нее был холодноватый. Разговор повторился и в воскресенье: "папе надо отдохнуть, совсем за неделю вымотался".

Артур буквально не находил себе места. Боль и чувство одиночества, которые раздирали его душу, были непереносимы. Сам того не понимая, он буквально врос корнями в эту семью и уже не представлял себе жизни без нее, а точнее, без "отца" — единственного в мире родного человека. Он едва дожид до новой среды и с облегчением услышал: "Ну, приходи..." Впрочем, радости в голосе Инны не слышалось, она словно выполняла неприятную обязанность.

Позже мать девушки рассказала: "Я-то быстро поняла, в чем дело. Мне этот мальчик нравился, умный такой, живой, интересный. Я видела, что ему плохо дома, видела, что ему нужен не столько отец, сколько просто родная душа. Он очень тянулся к Игорю, смотрел на него таким обожающим взглядом.... Как мотылек, знаете, летит на свет и о стекло бьется. Именно о стекло. Игорь-то был к нему равнодушен, у него просто характер такой. Тем более, он тоже все понимал. Если бы мы знали, чем это кончится!.."

Встречи становились все реже и реже. Артур ждал их, как праздников, с надеждой ловил каждый взгляд Инны, прислушивался к каждому слову. Это

было особенно мучительно потому, что нежных чувств к девушке у него почти не осталось, он ее буквально ненавидел! Он не понимал, почему кто-то все время отнимает у него любовь близких людей. Дома — будущий ребенок, в семье "отца" — Инна.

Девушка же не хотела делить папу ни с кем. Звучит немного смешно, но разве можем мы знать, какие страшные мысли порой проносятся в чужих душах! Инна мечтала о том, чтобы Артура перевели в другую школу, чтобы он нашел себе другой объект для любви, чтобы он заболел, чтобы умер, наконец. Но только чтобы больше никогда не появился в их доме! Открыто запретить она не могла: отец почему-то настаивал на визитах Артура, спрашивал о нем, даже как-то раз сам позвонил ему домой. Конечно, действовал Игорь Николаевич из лучших побуждений, видя, что парень страдает без его общества.

Летом проблема Инны вдруг решилась: она познакомилась с Костицом, девятнадцатилетним студентом, и впервые в жизни влюбилась. У них еще не было никаких отношений, встречались они редко и только в компании, но девушка летала, как на крыльях, и вовсе перестала замечать бывшего поклонника, даже морщилась при упоминании о нем. Естественно, она рассказала отцу о своем чувстве и услышала в ответ: "Ну, приводи, надо посмотреть, что за человек..."

Долгий месяц Артур еще чего-то ждал, надеялся, потом под каким-то надуманным предлогом решил позвонить Игорю Николаевичу на работу. Домой — не смог, боялся, что трубку возьмет Инна. "Отец" вежливо поболтал с ним, но в гости уже не позвал. На том и простились.

Юрий Иванович находился на последнем перед отпуском суточном дежурстве. Жена вот-вот должна родить, и в любую секунду он был готов сорваться домой. Около десяти часов ве-

чера, обходя квартал, он услышал в своем подъезде шум и решил подняться и проверить, в чем дело. Оказалось, развлекаются подростки, ничего страшного. Пользуясь возможностью, Юрий Иванович зашел к себе в квартиру. Жена, обрадованная его приходом, бросилась разогревать ужин, и участковый, чтобы не мешала, снял кобур с табельным "макаровым" и оставил ее в прихожей. Чего ему опасаться в собственном доме? Он даже не слышал, как тихо скрипнула дверь комнаты Артура, а потом так же тихо закрылась входная дверь...

О гибели Инны ее родителям сообщил насмерть перепуганный Костик. Он рассказал, что незнакомый парень подошел к ним в сквере, где они сидели на скамейке, и без всяких слов выстрелил девушке в голову. Потом приставил пистолет к своему подбородку, постоял так несколько секунд, но неожиданно расплакался и убежал, бросив оружие прямо на асфальт. "Соперника" (а кем еще мог тогда считать себя Костик?..) он просто не заметил, словно его и не было.

Суд признал Артура недееспособным и направил его на принудительное лечение в психиатрическую клинику. Дальнейшая его судьба мне не известна, знаю только, что у него родилась сестра, и родители, словно пытаясь загладить вину, назвали ее Инной.

А семья той Инны, первой, сразу после выписки из клиники Игоря Николаевича переехала в другой город, и следы ее затерялись.

Со временем эта история почти забылась. Очень живо ее помнит только Костик, который очень удивился, когда узнал, за что убили его подругу. Он состоит в благополучном браке, любит жену и жалеет ее: она детдомовская. Жалеет и пытается сделать счастливой, словно подтверждая своей жизнью фразу из всем известного фильма: "Жениться надо на сироте!" ■

Темные ОЧКИ

Мы шли по берегу озера и, подойдя к самому краю, засмотрелись на свое отражение в воде. Именно в этот момент я узнала ее — словно отраженное в воде лицо всплыло из прошлого. Она говорила, не умолкая.

Я нацепила темные очки, чтобы, с одной стороны, избежать ярких солнечных лучей, а с другой — спрятать искорку узнавания, теперь сквозившую в моем взгляде.

— Наверное, я надоела вам? — спросила она.

— Нет, что вы, доктор Грей!

— Вы уверены?

Честно говоря, было весьма невежливо надевать темные очки во время разговора, когда собеседница, можно сказать, делилась сокровенным. Но это был жест необходимости — я ведь теперь узнала ее, и знала, чем закончится рассказ, между прочим, в ее личной интерпретации.

— Почему вы надели темные очки?

— Очень мешает яркий свет.

— Кстати, ношение темных очков — новомодный психологический феномен. Они как бы олицетворяют желание стать невидимым, неузнаваемым... Это своего рода оружие современного инквизитора, и, таким образом...

— Ой, как все это сложно, — перебила я, но очки, тем не менее, не сняла, поскольку, с одной стороны, в ее обществе с самого начала не особо нуждалась, а во-вторых, есть определенный предел информации, которую человек может воспринять, глядя прямо в глаза.

Мы пошли дальше вдоль берега озера, и она продолжила свой рассказ о том, как была вынуждена оставить терапевтическую медицинскую практику и заняться психологией. Я же смотрела на нее сквозь темные очки, и в сознании всплывало ее лицо, связанное с моими детскими воспоминаниями.

Когда-то городок Лисден Энд имел "г"-образную форму. Наш дом находился у основания буквы "г", а на верхушке буквы находился рынок. Мистер Симмондс, окулист, имел свой магазин на "горизонтальной части буквы". В помещении магазина, во втором этаже, он и проживал вместе с матерью и сестрой. Были и другие магазины оптики в нашем городке, но они лепились друг к другу, а магазин мистера Симмондса стоял особняком и, кроме того, с обеих сторон его окружали скверы.

Я пошла к нему проверить зрение. Мистер Симмондс провел меня в затемненное помещение и со словами "Присядь, дорогуша", обнял за плечи, при этом его указательный палец щекотал мне шею. Мне было тринадцать лет, и грубить я не умела. В этот момент к нам спустилась со второго этажа его сестра, Дороти Симмондс. Спустилась очень тихо, и прежде чем успела включить свет над таблицей проверки зрения, он резко отдернул руку, утвердив меня во мнении, что жест его не был случаен.

До этого дня мне один раз довелось видеть мисс Симмондс на нашем городском цветочном фестивале — она стояла на сцене в огромной шляпе и синем платье и пела "В тени высоких трав". Сейчас она была в белом халате и смотрела на меня так, словно я пришла соблазнять ее братца. Я почувствовала себя очень неуютно и начала озираться в полутьме, словно что-то искала.

— Ты можешь читать? — спросил мистер Симмондс.

Прекратив озираться, я спросила:

— Что читать? — Дома меня предупредили, что мне придется прочесть буквы, расположенные в рядах друг под другом. Однако передо мной висела таблица с изображениями животных и машин.

— Просто у тех, кто не может читать, мы проверяем зрение при помощи картинок.

Очевидно, это была шутка, и я хихикнула. Его сестра улыбнулась и приложила носовой платок к своему правому глазу. Говорили, что она недавно вернулась из Лондона, где ей делали операцию на глаза.

Помнится, все буквы я прочитала правильно, не удались мне лишь последние строчки, уж слишком мелкие. Еще помню, как мистер Симмондс погладил меня по руке, прощая к дверям, и воровато оглянулся.

Дома бабушка спросила меня:

— А ты видела...

— Его сестру, — закончила фразу моя тетя.

— Да, она все время была в кабинете, — ответила я.

Бабушка продолжила:

— Говорят, что она слепа на один глаз. А их мать прикована к постели, и не выходит со второго этажа.

— Мисс Симмондс — святая женщина, — подытожила тетя.

Вскоре я получила свои очки, и носила их, если не забывала надеть.

Два года спустя я сломала вышеупомянутые очки, усевшись на них во время каникул.

Бабушка успокоила меня.

— Оно и к лучшему. Тебе все равно следует снова проверить зрение и поменять очки.

Я вымыла голову, завила волосы и направилась в магазин оптики мистера Симмондса, положив в карман пиджака одну из шляпных булавок моей бабушки.

Парадный вход в магазин был заново отделан, и на стекле входной двери красовались золотые буквы "Бэзил Симмондс, окулист".

— Вы стали очень милой молодой девушкой, Джоан, — пропел мистер Симмондс, уставившись на мою грудь.

Я улыбнулась и сунула руку в карман.

Мистер Симмондс словно уменьшился в росте за прошедшие два года. Мне кажется, ему тогда было лет сорок или пятьдесят. Лицо слишком бледное, светло-голубые глаза казались цветными плашками из коробочки с краской. Снова почти неслышно появилась мисс Симмондс.

— Вы стали симпатичной молодой девушкой, Джоан, — сказала она, посмотрев на меня сквозь свои зеленые очки. Говорили, что на правый глаз она ослепла совсем, а левый тоже понемногу слепнул.

Мы прошли в кабинет для проверки зрения. Войдя вслед за мной, она включила свет над таблицей для проверки зрения. Я начала читать строчки, а Бэзил Симмондс стоял рядом, скрестив руки на груди. Тут звякнул дверной колокольчик — кто-то вошел в магазин, и мисс Симмондс покинула нас, чтобы принять посетителя. Ее брат пощекотал мне шею, но я продолжала читать. Тогда он привлек меня к себе, и я сунула руку в карман пиджака. Он громко охнул и отскочил от меня — шляпная булавка впилась ему в бедро. Вернулась мисс Симмондс и спросила:

— Почему ты кричал?

— Тебе послышалось, я не кричал, — как можно спокойнее ответил мистер Симмондс, молча проводил меня до двери и только грустно улыбнулся на прощание.

Остаток каникул я иногда вспоминала о нем, называя его про себя "Бэзил". Если во время чаепития речь заходила о семействе Симмондс, я была крайне внимательна.

— Их мать прикована к постели, она безнадежна. Как это ужасно.

— Каковы шансы мисс Симмондс? И как ее глаз?

— Она получит наследство. Он же — только какой-то минимум.

— Я тоже думаю, что миссис Симмондс все оставит дочери.

В моем воображении живо всплыла картинка, как брат с сестрой выходят из комнаты матери и начинают громко спорить по поводу наследства.

Вскоре меня опять отправили на проверку новых очков для чтения. Шляпная булавка снова была при мне. С Бэзиллом, пока он проверял в кабинете мои очки, я была вполне вежлива. Он несколько раз порывался обнять меня за плечо, но, видимо, побоялся осуществить свой план. Между прочим, как только он поднимал руку в порыве объятия, на ступеньках лестницы появлялась Дороти и спускалась к нам. Бэзил превращал свой жест в попытку поправить на мне очки.

— Моя тетя сказала, чтобы я проверила очки как следует, — заявила я, и под этим предлогом тщательно осмотрелась.

— Эти очки нужны тебе только для чтения, — заметил Бэзил.

— Знаете, иногда очки нужны мне и не для чтения, — парировала я, тщательно глядяваясь сквозь открытую дверь в дальнюю комнату за кабинетом. Там царил полумрак, создаваемый растущим перед окном большим деревом. В комнате стоял старинный сейф зеленого цвета, стол у окна, на столе виднелась пишущая машинка и несколько папок.

— Чушь, чушь, чушь, — произнесла Дороти. — Вполне здоровая молодая девушка, такая, как вы, вообще не нуждается в очках. Уж разве что для чтения, чтобы поберечь глаза — это еще куда ни шло.

— Но, помимо чтения, бабушка просила узнать, как себя чувствует ваша мама, — перебила я ее нравоучения.

— Она угасает, — услышала я короткий ответ.

Обычно я совершала прогулки перед ужином, и путь мой пролегал неподалеку от дома Симмондсов. Однажды пасмурным вечером во время прогулки начался дождь, и я укрылась под тем самым ветвистым старым деревом, которое росло возле комнаты за кабинетом мистера Симмондса. Я стояла близко к окну и могла видеть силуэт человека, сидящего за столом. Поскольку довольно быстро стемнело, а дождь все усиливался, я решила переждать непогоду и подумала, что в комнате должны зажечь свет. Действительно, силуэт поднялся из-за стола, и комната озарилась светом. Это был Бэзил. Направляясь к столу, он остановился возле сейфа, открыл его и достал толстую пачку бумаг, скрепленных огромной скрепкой. Мне показалось, что из всей пачки он достал только один, наверное, очень ценный и важный документ. Я подошла поближе к окну и заглянула внутрь. Бэзил положил документ на стол и стал подробно изучать его. Это был лист бумаги с напечатанным на нем текстом, разделенным на параграфы, и внизу виднелась подпись. Бэзил взял чистый лист бумаги и, положив его рядом с документом, стал писать на нем что-то, сверяя написанное с подписью на документе. Я не видела, что именно он писал, но почему-то подумала, что он пытается подделать подпись на завещании своей матери. Через некоторое время Бэзил отложил ручку и устался в окно. Взгляд его был направлен выше моего лица, и я была уверена, что он меня не видит. Посидев так некоторое время, он снова взял ручку, окунул в чернила и продолжил свои упражнения. Неожиданно дверь позади него отворилась, и на пороге появилась Дороти. Поскольку я знала ее особенность подходить тихо и неслышно, то была уверена, что в шуме дождя он не услышит ее шагов, продолжая чертить подписи на листке. Дороти подошла к нему сзади вплотную и, взглянув через плечо, спросила:

— Чем это ты занимаешься?

Бэзил от неожиданности буквально подпрыгнул на стуле и судорожно перевернул листок, на котором практиковался в подписях, чистой стороной вверх. Дороти молча смотрела на него сквозь свои зеленые очки.

— Я просто проверял счета, — ответил он, вставая и поворачиваясь к столу спиной, пытаясь закрыть собой бумаги, лежавшие на нем.

Меня уже трясло от холода — я промокла насквозь. Дороти взглянула в окно, и я резко отскочила в сторону, а затем со всех ног помчалась домой.

Наутро я заявила дома:

— Мне очень трудно читать в этих очках, все как-то расплывается. Могу вернуть их обратно?

— Но ведь ты же примеряла их?

— Нет, ведь там было довольно темно. Может быть, я все-таки верну очки.

Я помчалась к Симмондсам. Честно говоря, стекла очков я немножко намазала кремом.

Дороти была при нас неотступно.

— Наденьте очки, — потребовала она.

— Да, попробуйте еще раз, — вежливо поддержал ее Бэзил.

Они по-прежнему работали вместе, и в их действиях просматривалось единство. Моя же задача состояла в том, чтобы обнаружить, как обстоят дела после вчерашнего случая с завещанием.

Бэзил попросил меня прочитать какой-то текст, и я сказала, что теперь все в порядке, а вчера все расплывалось и разбегалось. Дороти заметила, что вчера я, возможно, понервничала. Мне хотелось поскорее удрать отсюда, но Бэзил настаивал на дополнительной проверке моего зрения. Вел он себя, как обычно, спокойно. Я проследовала за ним в полутемный кабинет, Дороти включила свет над таблицей. Оба они выглядели вполне миролюбиво. Мне уже стало неинтересно — похоже, вчерашний инцидент в маленькой комнате за кабинетом был исчерпан. Впрочем, как выяснилось позднее, я ошибалась.

— Похоже, все в порядке, — сказал наконец мистер Симмондс. — Еще одну минуту, и мы закончим, — и он протянул мне какие-то цветные слайды с надписями.

Мисс Симмондс вручила мне какое-то приспособление, похожее на старинный монокль, и, внимательно смотря себе под ноги, начала подниматься по лестнице. Она, очевидно, решила, что ее брат потерял ко мне всякий интерес. Однако, поднявшись до площадки, она снова спустилась вниз и, подойдя к полке с различными пузырьками и пробирками, стала перебирать их.

— Бэзил, ты не видел мои глазные капли? Я приготовила их сегодня утром.

Мистер Симмондс уставился на нее с таким осуждающим видом, словно она спросила невесть о чем.

— Подожди, Дороти, не мешай. Ты же видишь, я проверяю зрение.

Дороти взяла в руки маленький пузырек коричневого цвета.

— Мне нужны мои глазные капли. Надеюсь, ты никуда их не убирал? Это, кажется, они... — Она внимательно рассматривала пузырек своим здоровым глазом. — Да, это они. Здесь написано мое имя.

Что-то тут было не так. Мне все это казалось каким-то странным и неестественным. Дороти снова пошла наверх со своими каплями. Бэзил взял меня под локоть и, вынуждая встать, произнес:

— Твои глаза в полном порядке, можешь спокойно идти домой.

Со второго этажа раздался резкий вскрик. Бэзил широко распахнул передо мной дверь, но я не собиралась выходить. Дороти на втором этаже вопила, не переставая. Бэзил схватился за голову и закрыл глаза. Его сестра появилась на верхней площадке лестницы, продолжая кричать все громче и громче, держась обеими руками за здоровый глаз.

Я в ужасе убежала домой, и дома тоже принялась кричать так, что мне вынуждено были дать успокоительное.

К вечеру вся округа знала, что мисс Симмондс закапала в здоровый глаз не те капли.

— Неужели она ослепнет и на второй глаз? — спрашивали все друг у друга.

— Врачи говорят, что надежда есть.

— Джоан была в тот день на приеме. Она слышала, как кричала мисс Симмондс. Нам пришлось потом давать Джоан успокоительное...

— Но кто же все-таки ошибся?

— Она сама готовит свои капли, как вы знаете, у нее есть сертификат фармацевта.

— На пузырьке было ее имя. Вот в чем проблема. Они будут проводить экспертизу почерка по надписи на флаконе. Если это мистер Симмондс — его дисквалифицируют.

— Обычно надписи на пузырьках делала она. Ее могут лишить лицензии фармацевта.

— Доктор говорит, что они не могут найти тот пузырек, он пропал.

— Нет, сержант сказал, что пузырек у них. Надпись на нем сделана ее рукой, следовательно, капли она приготовила сама, бедняжка.

— Это был какой-то атропин. Белладонна, иначе говоря. Отравы.

— А должно было быть лекарство, эзерин. Доктор сказал, что обычно она закапывала именно эзерин.

— Это сказала доктор Грей?

— Да, доктор Грей.

— В общем, это было квалифицировано, как несчастный случай. Сама мисс Симмондс это событие обсуждать отказывалась.

— А вам не приходило в голову, что пузырек могли подменить? — заметила я.

— Джоан начиталась детективов, — фыркнула бабушка.

На последней неделе моих каникул миссис Симмондс умерла в своей постели в спальне на втором этаже, оставив все свое состояние дочери. У меня в то время разыгрался тонзиллит, и меня лечила новая врач, вдова недавно умершего прежнего врача, наблюдавшего нашу семью. Доктора Грей — женщину я увидела впервые, до этого я имела дело с доктором Грей — мужчиной, ее мужем. Это была крепкого телосложения женщина с острыми чертами лица. О ней говорили, что она молодая. Доктор Грей навещала меня каждый день в течение недели. Поразмыслив, я пришла к выводу, что она вполне грамотна и на своем месте, хотя несколько нудновата.

Когда моя болезнь отступила, мне было рекомендовано гулять, что я и делала, обязательно проходя поблизости дома Симмондсов. Надо сказать, что вокруг завешания миссис Симмондс никаких споров не было, а случай с каплями был посчитан чистой случайностью. Мисс Симмондс отошла от дел, и поговаривали, что она стала немного странной.

Однажды во время вечерней прогулки я заметила свет в окне кабинета мистера Симмондса. Я заняла свой пост под деревом и заглянула внутрь. На столе спиной ко мне сидела доктор Грей. Напротив нее в своем кресле расположился мистер Симмондс. На столе стояла бутылка коньяка. У обоих в руках были наполовину наполненные стаканы. Доктор Грей болтала ногами и выглядела очень сексуально, как наша утренняя прислуга, которая всегда садится на кухонный стол и болтает ногами. Наконец я услышала, как доктор Грей произнесла:

— Это займет некоторое время. Пациент, безусловно, очень сложный.

Бэзил в ответ молча кивнул.

Однажды утром по пути в школу я увидела Бэзила, стоявшего в дверях магазина.

— Ну, как ваши очки для чтения? С ними все в порядке? — спросил он.

— Да, большое спасибо.

— У вас нормальное зрение. Не поддавайтесь игре своего воображения.

Я пошла дальше, и меня не покидало чувство, что он знает о моих подозрениях.

... — Во время войны я прошла курс по психологии. До этого я была терапевтом.

Стало быть, я ходила в летнюю школу слушать курс истории, а она — психологии. Психологи частенько готовы разговаривать с незнакомыми людьми о подробностях своей личной жизни. Может быть, от того, что им слишком много времени приходится слушать своих пациентов. Я не узнала доктора Грей даже тогда, когда мне довелось слушать ее лекцию на тему "Психические проявления сексуальности". Лекция была какая-то заумная, и я откровенно скучала.

После ланча, когда основная масса слушателей отправилась играть в теннис, она подошла ко мне, заговорила, и мы решили вместе пройтись вдоль озера.

— Довольно странная история, в результате которой я стала изучать психологию, — продолжала она. — Мой второй муж пережил нервный срыв и наблюдался у психиатра. Он, конечно, неизлечим, но я решила... в общем, стать психиатром. Мой муж до сих пор находится в психиатрической лечебнице. Его сестра в таком же положении, и тоже неизлечима. Надо сказать, что у него бывают прояснения ума, поэтому, наверное, я ничего и не заметила, когда выходила за него замуж. У него так называемый трансферентный эдипов комплекс, и...

Ох уж мне эта терминология! Но ведь как-то нужно называть наши болезни. Я подошла поближе к воде и посмотрела на свое отражение. Рядом отразилось лицо доктора Грей, и вот тогда я узнала ее и тут же надела темные очки.

— Я вам надоела?

— Нет, что вы, продолжайте, я слушаю.

Некоторое время мы шли молча, потом она снова заговорила.

— Мой муж по профессии окулист. Его сестра ослепла, точнее, она еще немного видела, когда я первый раз осматривала ее. Она видела только одним глазом. Потом случилось несчастье, можно сказать, психологическое несчастье. Она была квалифицированным фармацевтом, но однажды перепутала капли и приговорила себе не то, что нужно. На самом деле, совершить такую ошибку довольно трудно, но, очевидно, это произошло на подсознательном уровне. Кроме того, она была явно не в себе.

— Не буду утверждать обратного.

— Что вы сказали?

— Раз вы говорите, что она была ненормальной, значит, так оно и есть.

— Все это можно объяснить с психологической точки зрения, что я и пытаюсь доказать своему мужу. Все хотели ему это внушить, абсолютно все. Чего только мы не делали, чего только не пробовали: шоковую терапию, инсулин... В конце концов, его сестра ослепла полностью, что было вызвано тяжелой формой глаукомы. Надо полагать, она потеряла бы зрение в любом случае. Она совершенно помешалась и стала обвинять брата в том, что он умышленно подменил ее лекарство. С психологической точки зрения, это даже интересный случай: его сестра твердила, что она, мол, видела нечто такое, чего он не хотел, чтобы она видела, нечто непристойное, и он решил ослепить глаз, видевший это. Она говорила... — Мы шли уже второй круг вокруг озера, и доктор Грей вдруг запнулась: — Я вам надоедаю.

— Нет,нисколько.

— Может быть, вы снимете очки?

Я на несколько минут сняла очки. Мне даже нравилось, что она меня не узнает.

— Есть, видимо, какая-то вполне определенная причина, по которой вы надели эти очки, — заметила доктор Грей.

— Темные очки скрывают темные мысли.

Она взглянула на меня с удивлением, но так и не узнала. А я снова нацепила очки. Мы продолжили прогулку.

— И как же ваш муж относился к своей сестре, когда она ослепла, да еще свихнулась?

— Он был к ней очень внимателен и вежлив.

— Вежлив?

— Ну, да. Она начала разносить всякие сплетни по округе. Городок маленький, сплетни распространяются быстро. Я с трудом уговорила его отправить ее в дом для слепых, где за ней был бы профессиональный уход. Он послушался меня, а потом у него случился нервный срыв. Начались какие-то мании. Ему казалось, что за ним всюду подсматривают. Эти мании время от времени преследуют его до сих пор. Ему чудятся глаза. Глаза, понимаете? Это очень показательно. Он считал, что ослепил сестру, потому что подсознательно этого хотел. И продолжает считать, что сделал это.

— И пытался подделать завещание? — сказала я.

Она резко остановилась.

— Как вы сказали?

— Он допускает мысль, что пытался подделать завещание своей матери?

— Но я ничего не говорила о завещании.

— А мне показалось, вы упомянули об этом.

— Именно так считала его сестра. Но что вас натолкнуло на эту мысль?

— Наверное, я медиум.

— Наверное, вы действительно медиум. — Доктор Грей взяла меня за руку. —

Расскажите о себе побольше. Я вам уже все поведала. Вот так я сменила профессию. Когда у моего мужа появились навязчивые идеи и фобии, я решила разобраться в том, как работает человеческий мозг. Вот и начала этому учиться.

— А вам никогда не приходило в голову, что история сестры правдива? — спросила я. — В изложении вашего мужа?

Она резко отдернула свою руку.

— Ну, в общем, я думала об этом. И допускала такую возможность. — Помолчав немного и всматриваясь в мое лицо, она попросила: — Пожалуйста, снимите очки.

— Почему же тогда вы не верите его признанию?

— Я психиатр, и не верю в признания больных. — Она посмотрела на часы с таким видом, словно разговор затеяла и затянула я, а она никак не может от меня избавиться.

Я продолжала:

— Может быть, стоит поверить ему и принять его признание. Тогда он перестанет "видеть глаза".

Доктор Грей буквально закричала в ответ:

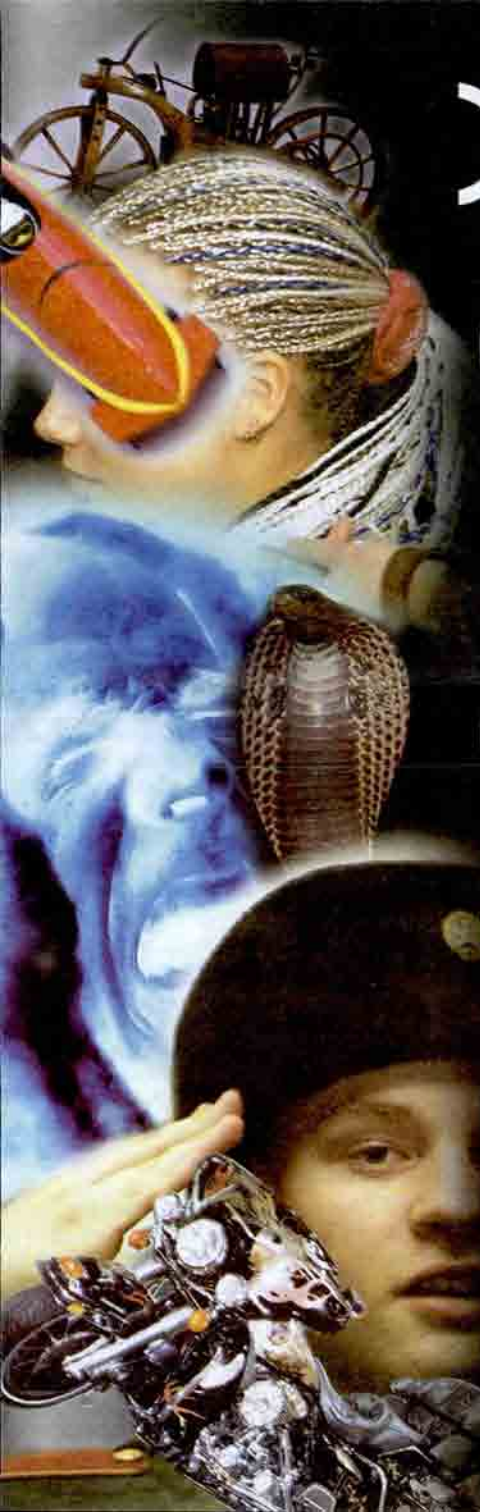
— Вы понимаете, что говорите? Он же хотел идти в полицию с повинной!

— Вы знаете, что он виновен.

— Как его жена, я понимаю, что он виновен. Но как психиатр, я должна относиться к нему, как к невиновному. Только поэтому я изучала психологию. — Внезапно она разозлилась и выпалила: — Вы просто невыносимый человек, мне доводилось раньше встречать такой тип людей.

Я была очень удивлена переменой в ее настроении и, спокойно сказав: "В конце концов, это не мое дело", — сняла очки и в упор уставилась на нее. Кажется, она меня, наконец-таки, узнала.

Перевод с английского Марины ЖАЛИНСКОЙ.

МОТОЦИКЛЫ БУДУЩЕВА

139-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

Татьяна ПОЛЕВА

Не так
страшен
бомбаж,
как его
брашинг

«Главное, не как постричь, а как то, что пострижено, правильно уложить», — делится со мной своими хитростями Маша — будущий мастер причёсок. Моя собеседница сооружает на голове своей модели нечто удивительное, а я наблюдаю за процессом, пытаюсь понять, в чем заключается секрет парикмахерского чуда.

Я нахожусь в Московском художественно-педагогическом колледже технологий и дизайна, из которого выходят парикмахеры-профессионалы, косметологи и визажисты, или, как я бы их назвала, специалисты прикладного искусства. Язык как-то не поворачивается назвать «ремеслом» то, чем занимаются студенты колледжа, когда-то давно, наверное, договорившиеся подходить творчески к своей будущей профессии.

Меня встречает директор колледжа Елена Ивановна Шустикова, приветливая женщина с волосами, густо покрытыми краской (видимо, лично проверяет профессионализм своих студентов). Елена Ивановна рассказывает о колледже и его выпускниках (среди них небезызвестные Валентин Юдашкин, Любовь

Чигирева, Дмитрий Винокуров), которые работают в ведущих салонах, на телевидении и в киностудиях, участвуют во всевозможных конкурсах, неизменно занимая призовые места. Не зря колледж является филиалом Парижской Академии Мод San Luis и Испанской Академии парикмахерского искусства San Valero.

После такой лекции, изобилующей громкими именами, мне предлагают:

— Ну что, теперь по колледжу походим? Посмотрите, что у нас тут, да как. Может, причёсочку вам моденькую соорудим? А что, девчонки у нас хорошие, талантливые.

— Посмотрим-посмотрим. (А, может, действительно, чем чёрт не шутит?)

Закулисье

Собственно, так я и оказываюсь в учебном салоне, где на моих глазах происходит превращение «учебных моделей обыкновенных» во что-то невообразимое, но, стоит отдать должное, красивое, и уж во всяком случае, точно не обыкновенное. «Отделяем прядочку... и стрижем», — комментирует свои действия Маша — студентка третьего курса...

Профессия парикмахера — одна из древнейших. Уже первобытным людям приходилось подрезать волосы или, на худой конец, обжигать их над пламенем, а то, что оставалось, заплетать и всячески украшать. Что уж говорить о современных людях, которые только и хвалят, чтобы уйти подальше от своих предков. Никто точно не знает, когда искусство ухода за волосами переросло в профессию, благодаря которой можно было зарабатывать на кусок хлеба с маслом, но уже в древности: в Ассирии, Вавилоне и Египте — обученные рабы выполняли многие виды работ, применяемые в парикмахерском деле и сегодня (окраску волос, например).

В наше время, обучаясь они в колледже, им пришлось бы познакомиться с историей своего искусства и важнейшими парикмахерскими инструментами, научиться правильно держать ножницы и расческу, выполнить различные приемы стрижки. Они бы никогда не спутала бомбаж с брашингом и всегда смогли бы по первому требованию клиента создать из его волос сессон. Объявляю для простых

смертных, бомбаж — это укладка волос круглой щеткой, брашинг — плоской, а сессон — вид короткой стрижки.

Проверка на... некомпетентность

“Настоящий мастер должен уметь делать на голове все”, — мудрость будущих парикмахеров. Маша рассказывает, как однажды ради интереса зашла в какой-то салон-парикмахерскую и попросила сделать “французскую” стрижку, только “тут чуть покороче, а там чуть подлиннее”. Женщина с ножницами потанцевала вокруг нее, взмахнула расческой, сказала “я так не умею...” и позвала свою коллегу. Совершив похожий ритуал, коллега произнесла: “Мы такие стрижки не делаем”. Через пять минут собрался консилиум из всех парикмахеров, трудившихся в салоне в тот момент. Еще через пять минут было решено, что требуемую стрижку делать никто из них не будет.

— Мне пришлось самой объяснять им каждое движение и руководить процессом. Стригли меня всем коллективом, — сетует Ма-

ша. — Настоящий мастер такого себе позволить не может, но он и мастер, чтобы дело его боялось.

Ловкость рук, и никакого мошенничества

Когда над головой искусно мелькают руки парикмахера, клиент мало вникает в тонкости процесса. Ему все равно, где находится фронтально-теменная, а где височно-боковая зона. Клиенту нужен результат: стрижка, укладка, покраска, завивка. Техника же остается "за кадром", но так интересно приглядеться повнимательнее! Честно говоря, я бы даже ножницы не смогла правильно взять. А вот Валя, за работой которой я наблюдаю, берет прядь, зажимает ее двумя пальцами, расческа пляшет из одной руки в другую, несколько щелчков ножницами — будущий мастер уже расчесывает следующую прядь. Ловкость рук, и никакого мошенничества.

А может, всё-таки решиться и сделать причёску?

— Движения доводятся до автоматизма, а уж потом начинается творчество, — делится со мной Валя.

— А почему ты решила стать именно парикмахером? Почему не модельером, не стилистом, визажистом, в конце концов, тоже ведь женские занятия?

— Честно говоря, в профессии парикмахера именно момент проявления искусства привлекает меня больше всего. Еще в детстве я мечтала делать необычные прически, придумывать что-то совершенно оригинальное.

Техника

Каждый вид стрижки складывается из отдельных операций, чем оригинальнее элементы, тем интереснее результат. Приемов исполнения достаточно: "сведение на нет" — плавные переходы между прядями; тушевка — то же самое, но в более тщательном исполнении; филировка — прореживание волос; окантовка — придание прическе окончательного контура; стрижка на пальцах — придание прядям одинаковой длины; градуировка — выполнение работы под определенным углом пряди по отношению к голове. Создать можно что угодно: от про-

стого каре до настоящего произведения искусства.

— Многие люди, сделав стрижку, забывают о своих волосах, заботясь только о том, чтобы их вымыть и расчесать. Но благодаря укладке из любых волос можно сделать такое, что люди на улицах будут на тебя оглядываться.

Валя знает, что говорит: под ее пальцами волосы ложатся ровными волнами, будто лепятся из глины. Можно завить, можно выпрямить, придать объем или "прилизать". Форма укладки, как и стрижка, зависит во многом от ее носителя: лицо, фигура, пол и возраст — все имеет значение. Умелый подбор прически — добрая половина парикмахерского дела.

Нет, точно решусь.

Модератор

Самая же вершина, к которой, наверное, стремится каждый уважающий себя парикмахер, — это моделирование причесок. То есть творчество без границ для фантазии... Моделирование — сложный процесс, требующий серьезной подготовки: изучение аналогов в мировой моде, создание эскизов будущей модели, отработка ее элементов, выполнение окончательного варианта. Созданием таких причесок занимаются самые квалифицированные парикмахеры-модельеры. Увидеть это действо можно на всевозможных конкурсах, показах мод... или в учебных мастерских Московского художественно-педагогического колледжа.

В "обычной" жизни такие прически делают, например, для торжественных случаев: свадеб, выпускных, банкетов и так далее. Прическа выполняется долго, тщательно и чрезвычайно завораживающе для стороннего наблюдателя. В соседнем кресле, например, Катя разделяет волосы своей модели на мелкие пряди, скручивает каждую в отдельный жгут и закрепляет их на затылке, при этом обильно сбрызгивая фиксаторами и украшая заколками-цветами. Получается здорово.

— Есть ли у тебя какой-нибудь секрет, как ты определяешь, какую прическу будешь делать?

— Очень важна модель, с которой ты работаешь. Когда я работаю, всегда ощущаю,

что нахожусь в контакте с моделью. Мы можем даже не осознавать, насколько это глубоко, но на подсознательном уровне возникает сильный контакт. А потом происходит всплеск накопленного опыта, и я сразу вижу в своем воображении, как будет выглядеть моя модель.

Fashion

Студентки колледжа раскрыли один секрет:

— Волосы являются важной деталью в моде. Их необходимо доводить до невероятного состояния натуральности. Что касается стрижки, то это тоже должна быть дорого и качественно сделанная работа, совершенство которой видно невооруженным глазом. К тому же — это еще и очень мощное психологическое средство воздействия. Большинство людей знает, что когда им плохо, они приходят в парикмахерскую, чтобы снять стресс. Любое изменение имиджа всегда желанно. С другой стороны, оно чревато тем, что человек не всегда в состоянии сразу принять свой новый образ.

Так что не спешите причислять каждого коротко стриженного элемента к криминальным кругам, может, у него горе в жизни и он только что отстриг у цирюльника свои безупречно-прекрасные пепельно-золотистые волосы...

Клиент всегда прав

"Понравится клиенту или нет, парикмахер ответственности не несет", — шутят будущие профессионалы. На самом же деле, конечно, мастерам приятно, когда результатом довольны. Бывают случаи, когда клиент скандалит, требует "все переделать". Особенно часто такое случается, когда человек сначала хочет чего-нибудь радикального, а потом и сам не рад, тогда на ком же еще вымещать злость, как не на виновнике "этого безобразия на голове"?

"Нравится?" — спрашивает Маша у девушки с только что сделанной прической, сидящей в кресле. "Восторг!" — отвечает та. Еще бы, красота — силища страшная!

А причёску я себе так и не сделала, она у меня и без того очень даже неплохая... ■

Алла ПУСТЫНОВА

Головомойка + красота

Современные парикмахеры утверждают, что каждая женщина может похвастаться роскошной прической, независимо от того, хорошие у нее волосы от природы или так себе. М-да, конечно... может... только что-то не получается зимой шикарной прической удивить. Под теплой шапкой все так сплющивается, вместо кудрей унылые прядки вдоль щек свисают, цвет тусклый и настроение такое же тусклое, без слез на себя в зеркало не взглянешь.

А вот и зря: французы, например, считают, что самый простой способ поднять настроение — устроить себе головумойку. Пышные, чистые, рассыпающиеся волосы доставят несравнимое удовольствие, чувствовать будете себя лучше и увереннее, а уж как приятно будет тем, кто вас увидит!

Однако не будем обольщаться, посмотрим правде в глаза, хрипота — это все-таки часто результат работы над собой, а состояние волос и кожи головы — показатели здоровья организма. Например, блеск волос во многом зависит от правильного питания и, как следствие, здорового самочувствия. А если у вас вроде бы ни с того ни с сего стали выпадать волосы, ни одну струю шампуня и кондиционера, или еще какая неприятность, — от станете думать? Беритесь за работу, изменив режим количеством дорогих импортных препаратов по уходу за волосами? И natürlich. В них обычно много химических и не очень уж полезных веществ, кроме того, их жамки редко соответствуют действительности, да и деньги ажори. Пользы от этого ничего, лучше лучше убои

ребить. Сейчас даже модные мастера рекомендуют пользоваться народными средствами, которые частенько просто лежат "под ногами". Ну об этом немного позже. Возможно, в первую очередь стоит обратиться к врачу, чтобы выяснить, какой орган у вас забарахлил. И пока он не вылечен, никакие косметические средства не смогут вернуть волосам красоту.

Ну, вот знаете ли вы, что нервная система, пронизывающая весь организм, удивительным образом связывает кожу головы со всеми внутренними органами? Это ярко выраженная зависимость между состоянием волос и организма показала, что по волосам можно ставить диагноз. Например, сильное выпадение волос — обычный спутник болезненной эндокринной системы, желчного пузыря и печени. Жирные волосы говорят о неполадках с печенью. А сухие — признак заболевания почек.

Волосы любят, чтобы их каждый день причесывали щеткой перед сном в течение 5-10 минут во всех направлениях. Тогда они будут густыми и блестящими, их будет легко укладывать. И перед тем, как помыть голову, тоже следует хорошо расчесать волосы. Однако старайтесь пользоваться высококачественными расческами и щетками, желательно из натурального дерева. Хорошо, что сейчас в магазинах большой выбор.

Мыть волосы специалисты советуют не слишком горячей водой, а споласкивать желательно холодной. Ирина Голованова, большой знаток народных полезных рецептов и мощный парикмахер, советует мыть голову не дорогими шампунями, а обычным куриным яйцом. Разбейте в стакан 1 яйцо плюс 1 желток, налейте немного теплой воды, непрерывно помешивая, чтобы яйца не свернулись. Волосы смочите также теплой водой. Затем яичную смесь втирайте в корни волос, разделяя деревянной расческой их на прядки. Потом как следует сполосните волосы сначала теплой, а потом прохладной проточной водой. В завершение еще раз сполосните волосы водой с добавленным соком лимона или с уксусом. И все, шикарный вид вам обеспечен. Когда волосы высохнут, они будут блестеть,

хорошо держать укладку даже после длительного "заточения" под толстой и теплой зимней шапкой.

Вот еще советы от Ирины Головановой.

При сухих волосах в кожу головы можно втирать смесь из семян петрушки и касторового или растительного масел в соотношении 1:5. Смесь нагревают на водяной бане в течение 30 минут, процеживают и теплой втирают в кожу головы примерно за час до "головомойки". Темным волосам полезно полоскание из луковой шелухи и воды (один к десяти), то есть на литр воды 10 граммов шелухи прокипятить до окрашивания воды в коричневый цвет. Процедить, остудить до комнатной температуры и полоскать. Не бойтесь, луковый запах быстро выветрится.

Полоскание из цветков ромашки полезно для светлых волос. Корни очень хорошо укреплются. Две столовые ложки цветков залить литром кипятка, довести до кипения, процедить, остудить, а что дальше, сами уже знаете.

Для нормальных волос полезна маска из тимьяна. Две горсти травы растереть и залить 0,5 литра кипящей минеральной воды, остудить процедить. После очередного мытья волос нанести настой на волосы и на 15 минут обернуть голову полотенцем. Очень полезный рецепт.

А вот если кому-то крупно не повезло, и появилась такая неприятность как перхоть, не надо расстраиваться. Оказывается, избавиться от нее быстро поможет свекольная вода. В 1,5 литра холодной воды положите нарезанный и очищенный корнеплод. В течение часа дать ей настояться и, добавив горячей воды, использовать при мытье вместо обычной воды.

Оживить темный цвет волос и придать новый нюанс можно с помощью кофе и хны. Сварить очень крепкий напиток и добавить пакетик хны. Кисточкой нанести смесь на волосы, около часа поддержать и смыть. Здоровье и красивый оттенок волосам обеспечены. А заодно не придется мучиться, выбирая нужный цвет среди большого количества красок. Можно разочароваться и волосы подпортить.

Пищевой желатин придаст стойкость укладке много лучше геля. Для коротких и средних волос достаточно одной столовой ложки. Растворите ее в стакане воды, подогрейте, не доводя до кипения, остудите. Нанесите смесь на влажные волосы, расчешите и приступайте к укладке. Получатся очаровательные кудри, а желатин подпитает волосы.

Можно купить в аптеке или косметическом салоне сухие водоросли, залить теплой водой, настоять в течение 5 минут. Когда они набухнут, избыток воды слить. Нанести на влажные волосы массу, надеть шапочку и через полчаса смыть теплой водой. Говорят, чрезвычайно полезная масочка.

А ржаной хлеб — просто витаминная кладовая. Иногда можно пользоваться вместо шампуня. Подходит для всех типов волос. Немного мякоти положить в миску, залить во-

дой, хлеб разбухнет, пальцами размешать в однородную массу и втирать в корни волос. Потом растереть по всей длине и аккуратно смыть теплой водой.

Нередко волосы становятся слабыми и тусклыми из-за нехватки в организме железа. В течение месяца принимайте препараты железа.

Парикмахеры не рекомендуют стричь и делать прическу, когда вы не выпалились, плохо себя чувствуете, чем-то раздражены. Краску и завивку волосы воспримут плохо и слушаться не будут.

Хороша коса до пояса, а стрижка всегда в моде

Правда, короткие волосы особым успехом сейчас не пользуются. Хитом считается средняя длина. Если закажете мастеру "равное каре", покажете себя очень знающей модницей.

Длинные волосы рекомендуется укладывать в пучки, ракушки и высокие хвосты, а также заплетать разнообразные косички. Распущенные длинные волосы стригутся асимметрично, как и в прошлом сезоне. Словом, ничего революционного в мире причесок не произошло.

Но, тем не менее, публику можно удивить: всем предлагают носить начесы! Давно что-то не встречались такие взбитые прически. А теперь они могут быть в трех видах: слегка приподнятые волосы на затылке, высокий начес по всей площади и утрированный, театральный, почти такой же, как в 50-60-е годы прошлого века. Под шапкой такая прическа наверняка форму не потеряет. Только на пользу ли она волосам?

Кстати, все полезные советы адресованы не только женщинам. Мужчинам тоже не мешает побольше внимания уделить тому, что на голове. Между прочим, им это легче делать, так как волосы в этом сезоне модно стричь коротко. А потом мужчинам же не надо так много времени тратить на укладки, локоны и косы.

Так что, хотите, чтобы прическа соответствовала хорошему настроению? Все в ваших руках!

Брачная эйфория

Александра Зотова

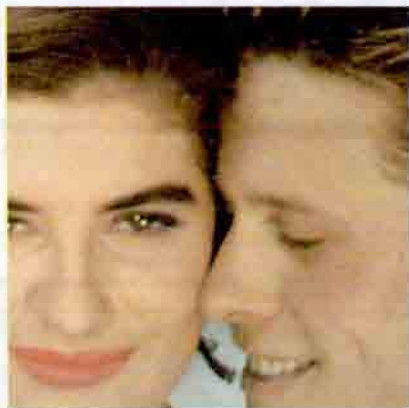

В унисон

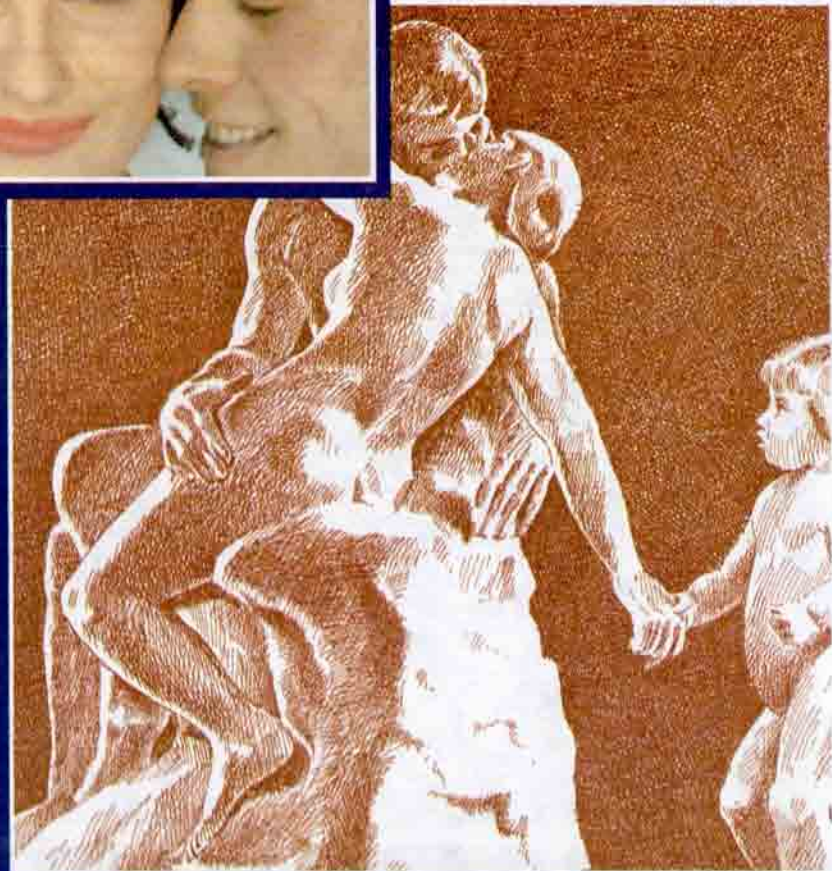
День святого Валентина прижился в нашей стране на удивление легко. Все поголовно знают, что в этот день надо непременно написать предмету своих чувств валентинку. Но говорить, что наш милый Валентин пострадал за любовь, не стоит. Пострадал он все-таки из-за брака: тайно венчать легионе-

ров с их пассиями, вопреки строжайшему запрету, его никто не заставлял.

А что нас, молодых людей, заставляет бежать в загс, как на последний автобус? Может, действительно, замуж выходить лучше пораньше, чтобы "притираться" друг к другу было легче? И раньше — это в 14 или в 19?

относятся к совсем молодым будущим мамам. Последние остаются перед тяжелым выбором: прерывать беременность или, следуя плакатам об абортах, бежать замуж и рожать ребенка. Но проблема не в этом: можно даже высшее образование получить, попутно воспитывая малыша — как известно, если чего и не хватает, то не вре-

Любопытное положение

Статистика считает беременность едва ли не самой распространенной причиной ранних браков. "Целовались-миловались при луне", а затем остался подарок с девятимесячной гарантией. Ситуацию осложняет и то, что окружающие очень неоднозначно

мени, а желания. Вопрос: что будет потом, если неожиданный результат страстных ночей — единственное, что заставило пойти под венец?

Простой пример из жизни. Наталье девятнадцать лет и она влюбляется — с кем не бывает — в молодого человека после полутора-

месячного общения в чате. Ни разу не увидев даму сердца, Алексей заочно называет ее "королевой", пишет ей потрясающе красивые и романтические стихи. Но как только отношения перетекают в телефонное русло, выясняется пикантная деталь: наш принц женат. По ту сторону баррикады не все гладко: Алексею и Юлии по 23 года, женились в девятнадцать лет, а их ребенку пошел пятый год. Последние два года сопровождаются бесконечными скандалами с ревнивой женой. Юлия регулярно проверяет телефонную книжку и архив смс-сообщений в памяти мобильного телефона своего благоверного. При обнаружении нового номерка, она, не задумываясь, звонит его обладательнице и подробно выясняет обстоятельства их знакомства.

Путем элементарных математических вычислений получаем неутешительный вывод: брак заключали по беременности, а не по обдуманному, "добровольному" согласию. Конечно, с медицинской точки зрения, матью лучше становится в 19-21 год, чем в 30-45 лет. Но психологи небезосновательно предупреждают, что браки "по залету" самые нестабильные.

Тема браков среди несовершеннолетних активно обсуждалась пару лет назад, когда Госдума предлагала принять поправку к закону, разрешающую "по определенным обстоятельствам" регистрировать брак с 14 лет. А кому выходить замуж? Среди опрошенных девушек 14-16 лет около 60-70 процентов предпочло бы аборт. Другие барышни согласны рано "обматереть" лишь при наличии надежного партнера.

Олеся, 15 лет. Я бы сейчас замуж не вышла, даже, если бы была в "положении"! У меня яркий пример перед глазами — собственная мать, которая родила меня в 16, а когда мне исполнилось полтора года, отец нас бросил. На мой взгляд, заключение брака даже по любви до двадцати трех лет — очень необдуманный поступок. К тому же, если девушка мечтает о первой брачной ночи, которая действительно должна быть первой, то, скорее всего, ее "женихом" руководит обычное сексуальное влечение. А если окажется, что партнеры несовместимы вообще? Пример наших бабушек и дедушек

не показателен: они не могли так легко развестись, как мы сейчас; в подобной ситуации им приходилось притираться друг к другу просто от безысходности.

Татьяна, 14 лет. К ранним бракам я отношусь отрицательно, потому что это очень ответственный шаг. Да и вообще, хотелось бы и высшее образование получить, стать финансово независимой. Единственное исключение — это беременность, когда отказываться от брака несерьезно. Я категорически против абортов, ни за что бы на это не пошла. Так что в случае "залета" нужно выходить замуж "по необходимости". Я не вижу в этом чего-то ужасного. В самом худшем случае, буду самостоятельно воспитывать ребенка!

Кстати, у медиков сейчас существует даже приказ, согласно которому беременной в возрасте до 16 лет врач может дать направление на аборт "по медицинским показаниям". Рожать в 14-15 лет, когда организм еще до конца не сформировался, опасно не только для матери, но и для ребенка. Но, в любом случае, девушка тоже имеет право на выбор.

Комментарий психолога

Нельзя, конечно, точно говорить, что ждет 15-летнюю девочку после замужества по беременности. Чаще всего девушки, рано начавшие свою семейную жизнь, ставят крест на своей карьере и образовании. Какрой девочка будет потом, зависит от многих факторов: от взаимоотношений с родителями, с супругом. Очень большую роль играет здоровье новорожденного, ведь ранние роды нередко чреватые какими-то отклонениями у малыша. А молодые мамы, родившие первого ребенка с врожденными патологиями, редко впоследствии решаются на еще одну беременность. Ими руководит страх: вдруг все повторится, выносить здорового малыша не удастся. Кроме того, юные молодожены — те же дети, большие птенцы, которые раскрывают рты и родители их кормят. Это не семья: у них нет собственных денег, самостоятельных решений и ответственности за них. В поликлинике частенько можно увидеть картину: ребенок, с ним мо-

лоденькая мама и бабушка. Свежеиспеченные бабушки не доверяют своим детям их собственных чад! А брак, как и рождение детей, должны быть ответственными и самостоятельными решениями.

Как жаль, что ты Ромео...

Ранние браки, что бы там ни говорили скептики, бывают и по любви. Бешеной, сумасшедшей, головокружительной любви с ночным купанием в фонтанах, дождем из лепестков тюльпанов и долгими поцелуями до кислородного голодания.

Ирина встречалась с Ильей несколько лет. Страсть то замирала, то вспыхивала с новой силой. Двигаясь по такой синусоиде, они, студенты третьего курса, решились на то, что разумные люди "хорошей вещью не назовут", — на брак. Свадьба прошла красиво: шикарное платье, кортеж из иномарок, счастливые молодожены — город N надолго запомнил это торжество. Первые три месяца пролетели, как в хорошей сказке: он учился, подрабатывал, она была уже на четвертом курсе института, за съемную квартиру платил тесть. Но через полгода отцу девушки задержали зарплату на заводе, и вовремя отдать деньги за квартиру не удалось. Вслед за этой появились другие проблемы финансового плана. Через месяц постоянных ссор и скандалов Ира с Ильей, не прожившие в законном браке и года, развелись. В результате сейчас Ирине 21 год, она успела побывать "за мужем", увидеть, что за ним (мужем) ничего интересного нет, и вернуться обратно к холостяцкой жизни.

В чем дело? Психологи утверждают, что современное общество стало капризнее относиться к жизни. Семейное счастье заключается не в пятикомнатной квартире с евро-ремонтom, не в даче-машине. Можно "жить, как люди" и разбежаться после двух месяцев регулярных встреч на кухне в халате. Лет тридцать назад влюбленных не останавливали финансовые трудности: они искали какие-то подработки, пытались выкручиваться в отсутствие денег и все равно делать друг другу маленькие сюрпризы. Например, мой отец, будучи еще бедным студентом, пода-

рил на свидании моей маме цветок, сорванный с клумбы. Цветок пустил корни, мама его посадила в горшок и на первую годовщину свидания она подарила моему отцу этот самый цветочек уже в горшке. Скоро они будут праздновать двадцатипятилетнюю годовщину со дня своей свадьбы.

"Сбежавшая в невесты"

Замужество — еще и отличный повод сбежать от родителей или опекунов. Официальное замужество сильнее гражданско-го брака как раз этим пресловутым штампом в паспорте. Свободу от родителей ты получишь. Как и шанс попасть из огня да в полямя.

Интеллигентная профессорская семья. Единственный ребенок — Яна — ходячая родительская надежда. Еще не успев родиться, родители намечали ей великое будущее профессора, ученого и гения. Но, вопреки ожиданиям, школу наша героиня закончила как обычный выпускник, без золотой медали. И поступила не в самый престижный вуз, да еще и бюджетного места на нее не хватало. Разумеется, это был слишком сильный удар по родительскому самолюбию. До второго курса Яну на дискотеки не пускали, три раза в неделю к ней приходили репетиторы, благодаря чему на втором курсе она перешла уже на бюджетное отделение. А еще на втором курсе Яна влюбилась в молодого человека на три года старше ее. "Принц на белом коне" совмещал и работу, и учебу, и уйму положительных качеств — и все в одном лице. Но когда к Новому году он подарил Яне на заработанные деньги красивую дорогую полушубок, мать выбросила его в окно. Яна молча вышла, подняла шубку, одела ее и ушла в ночь. К любимому. Через три года гражданского брака они оформили отношения. Яна замужем уже четыре года, детей нет — супруг пока против. Ссорятся чаще всего из-за Янины родителей: их отношение к ее выбору после брака не улучшилось. Иногда ссоры затягиваются, и супруги не разговаривают неделями. Встречаются по утрам на кухне, молча уходят на работу. Но тем слаще для них миг примирения: пос-

ле него кажется, что это самая гармоничная любящая пара.

Как в сказке

Почему большинство сказок и добрых фильмов заканчиваются на преодолении всех трудностей и счастливой свадьбе? Может, все писатели-сказочники — поголовно — холостяки? И они никогда не женились, не ссорились, не изменяли и не думали, что любовь прошла, а жить вместе как-то надо дальше. Поэтому с чистой совестью писали в конце очередного творения хеппи-энд: "и жили они долго и счастливо". А в жизни быстро испаряется романтика — на нее нет ни сил, ни времени, ни денег. Следом приходит осознание, что "шире Вселенной горе мое", что пресловутой романтики ужасно не хватает, и совместная жизнь — наказание.

Как не воспринимать узы Гименея кандалами, партнера — горой, затмившей весь свет, а неисчезающую посуду в раковине — заколдованной?

Наш психолог дает пять советов для счастливого брака:

— Вообще, ранние браки — это непрочное эйфорическое состояние. Человек витает в облаках, рядом — амуры, и тут неожиданно — ежедневный быт, ссоры, безденежье. Наш влюбленный буквально падает с небес на землю и больно ударяется. Здесь очень важно:

1. Не сбрасывать на супруга (-у) отрицательные эмоции, особенно, если корень всех проблем финансового характера. Ни в коем случае нельзя говорить в пылу эмоций: "Я получаю больше, чем ты, и ни разу тебя этим не попрекнул!" Во-первых, уже упрекнул. Во-вторых, сейчас зарабатываешь больше ты, а завтра — я. И последнее. В споре (читай, ссоре), вопреки распространенному мнению, рождается не истина, а боль и обида. Такие чувства не способствуют крепкому, пусть даже раннему, браку.

2. Построить "мостик доверия" и ни в коем случае его не сломать. Любой брак должен строиться на доверии, на уверенности, что "этот человек мне больно не сделает" — не бросит в беде, не изменит, не на-

ступит на больную мозоль. Доверие в браке очень важно!

3. Радоваться вместе каким-то мелочам: совместным походам в кино, театр, музей, кафе; неожиданно сделанному подарку. Увидеть сияющие глаза любимого человека и разделить его радость от сюрприза — это замечательно! Особенно сейчас, когда люди практически разучились радоваться.

4. Найти себе хобби, желательнее, опять же, совместное. Если цикл дом-работа-учеба регулярно повторяется, то один из супругов действительно может "выласть". И тогда в поисках "разнообразия" от этой тоски он начинает, к примеру, изменять.

5. И наконец, друзья. Должны быть "друзья семьи", ваши ровесники. И обязательно у каждого из супругов — своя компания, где он может расслабиться, отвести душу и пожаловаться на "эту зануду".

P. S. Две идеально настроенные гитары стоят рядом. Если на одной дернуть струну, то другая резонирует (то есть зазвучит в унисон) и так — все шесть струн. Но такое сочетание в человеческой жизни встречается редко. Как правило, совпадают две-три струны. На этом и завязываются отношения. Вскоре оказывается, что остальные струны звучат абсолютно по-разному. В результате — какофония. Можно долго добиваться гармонии, ослабляя или подтягивая "неладные" струны у партнера. А можно ослабить струнку у себя. В любом случае решение зависит от двух инструментов. И совсем не важно, какого они возраста. Главное, чтобы мелодия зазвучала.

Особую благодарность за помощь в подготовке материала выражаем преподавателям-психологам МГППУ.

Детство за Родину

ФОТО **Владимира Чейшвили** **Екатерина ПОСТНИКОВА**

Ну вот, дорогие читатели, в прошлом номере мы с вами поговорили о военных учебных заведениях, предназначенных, так сказать, для взрослых. Конечно, это весьма условно, ведь 18-летние мальчишки, поступающие туда, не могут считаться полностью взрослыми людьми. Но, так или иначе, они уже способны сделать осознанный выбор своей судьбы.

Настало время обсудить другой вопрос: военные учебные заведения для детей. Что это такое? Правильно, Суворовские (Нахимовские) училища и кадетские корпуса.

Для начала — история.

Павел был, что называется, трудным подростком (что это такое, объяснять не надо), и родители отправили его в Суворовское училище “на перевоспитание”, надеясь, что суровый быт в сочетании с учебными нагрузками сделают из парня человека. Поначалу все так и было: Паша научился соблюдать режим дня, почти перестал ругаться матом, начал читать серьезные книги и так далее. Отец с матерью не могли нарадоваться, не подозревая, что у этой медали есть обратная сторона.

Странные изменения в психике подростка первой заметила старшая сестра, когда Павла на очередные выходные отпустили домой. Вместо того, чтобы по обыкновению поесть и плюхнуться за компьютер, парень забился в угол своей комнаты, отвернулся и сидел так около часа, не издавая ни звука. Родителей не было дома, и девушка решила потихоньку выспросить у брата, что случилось, и по возможности помочь. Однако стоило ей тронуть Пашу за плечо и спросить: “У тебя проблемы?”, тот резко развернулся, обнял ее и расплакался. Сестра удивилась до крайности: никогда прежде он не давал вот так волю своим эмоциям, даже в детстве, а уж тем более по отношению к ней: ребята жили не слишком дружно.

“Паш, что случилось-то?..” “Скоты! — он рыдал, пугая девчонку все сильнее. — Одна ты ко мне по-человечески относишься. А они... а им... лишь бы от меня отвязаться...” Следующий час ушел на осторожные расспросы, увещевания и новые слезы. В итоге сестра поняла одно: Павлу кажется, что в училище его “сослали”, “выкинули из

дома", "бросили" именно тогда, когда ему особенно нужна поддержка. В принципе, ничего удивительного в подобных словах не было, если бы не поведение Павла: он словно стал младше по возрасту, вернулся в свои 10 — 11 лет, даже голос у него вдруг сделался плаксивым и детским. Будь его сестра психологом, она немедленно забила бы тревогу, но откуда шестнадцатилетней девочке знать всякие тонкости? Она просто успокоила брата, дала слово, что будет только на его стороне, уговорила его поехать, и на том все кончилось. Родителям решили ничего не говорить, особенно отцу, который мог и всыпать за "неумужское" поведение.

Через пару недель история повторилась. Павел заранее позвонил домой, выяснил, что родителей опять нет, приехал и, как в прошлый раз, стал плакать и жаловаться сестре на то, что ему плохо, он чувствует себя нелюбимым и брошенным. Он заметил поухуд, взгляд его сделался беззащитным и тревожным, начали сильно дрожать руки. Находиться в училище, по его словам, стало "невыносимо", все время хочется домой, хочется, чтобы пожалели, иногда тянет умереть, так как "все равно никому не нужен". На этот раз сестра испугалась по-настоящему и вечером, от подружки, позвонила по "телефону доверия". Психолог выслушал рассказ и потребовал немедленно привезти Павла на консультацию, причем не одного, а вместе с родителями.

Выяснилось следующее. Павел не зря считался "трудным" подростком. С самого рождения он испытывал дефицит нервно-психической устойчивости, и вызывающее поведение было своего рода "маской", призванной скрыть крайне возбудимую и неуверенную в себе натуру. "Отлучение" от дома воспринято им как незаслуженное и обидное наказание. Он не хочет быть военным, увлекается рисованием и программированием, тянется к творческим профессиям, а вынужден ходить строем, жить в казарме (и это его особенно травмировало!) и заниматься абсолютно чуждыми и неинтересными вещами. Причем "бросили" его в переходном возрасте, именно тогда, когда он особенно нуждался в любви и внимании родителей.

Поэтому с парнем произошел своего рода "регресс", он морально и даже умственно "вернулся" в безопасное детство, и вывести его из этого состояния оказалось очень и очень сложно, так как он отказывался общаться с родителями и из всей семьи признавал только сестру, которая "спасла" его...

Вы скажете: зачем автор рассказывает тут о единичном и отнюдь не показательном случае? Приведу статистику. Из всех российских молодых людей в возрасте 13 — 16 лет около 30 процентов (!) имеют личностные особенности на грани патологии, а примерно 15 процентов вообще нуждаются в срочной помощи психологов. Если сказать проще, дети сейчас не приспособлены к тяжелым нагрузкам, особенно городские. Возросло количество "интровертов", то есть личностей, "живущих" в своем внутреннем мире. У многих ребят полностью отсутствуют навыки общения в коллективе и совместного проживания со сверстниками. Многие просто не могут "оторваться" от родительской семьи, поскольку окружающий мир их пугает. И сами подростки в этом совершенно не виноваты.

Мрачновато получается? На самом деле, далеко не все так плохо. Ведь Суворовское училище — это вовсе не исправительное заведение для "трудных", и некоторые ребята от всей души благодарят свою альма матер за полезные жизненные уроки.

Первые Суворовские военные училища появились в 1943 году, во время Великой Отечественной войны. Огромное количество детей осталось без родителей. Этим-то ребятам и собирали в учебные заведения с армейской подготовкой, чтобы "ковать" кадры для фронта. И даже сейчас такое образование считается престижным, конкурс в некоторые училища составляет 10 — 12 человек на место, а в советское время эта цифра переваливала за 80! Сегодня в России 11 Суворовских и Нахимовских училищ. От 85 до 90 процентов их абитуриентов — дети военнослужащих, и это не удивительно, поскольку желание служить, как видно, передается по наследству. Таким ребятам отдается предпочтение, а особыми льготами пользуются дети

военных, погибших в горячих точках. В отличие от обычных школьников, суворовцы почти все учатся хорошо, около трети заканчивает учебу с золотой или серебряной медалью.

Армия сейчас переживает не самые лучшие времена, и на Суворовских училищах это тоже сказывается. Каждый год в училище поступают около 20 процентов детей из неблагополучных семей, которые не сегодня-завтра рискуют стать беспризорниками. Есть и курсанты из богатых семей, таких ребят родители отдают на обучение сознательно, ради "жесткого", мужского воспитания. Приказ министра обороны ограничивает конкурс в СВУ до трех человек на место. Сначала претендентов отсеивают военкоматы, затем личные дела фильтруют в самих училищах, а уж потом счастливых допускают непосредственно к экзамену.

Чем вызваны подобные ограничения? Дело в том, что военное ведомство берет абитуриентов на полное содержание во время вступительных экзаменов, а также оплачивает им дорогу от дома до училища и — если не поступил — обратно. Где же взять столько денег, чтобы хватило на всех желающих поступить?

Советское время давно миновало, но в обществе намертво укоренилась точка зрения, что армия — это стабильность, гарантированный кусок хлеба и сила. Поэтому отдать сына в Суворовское училище в нашей стране означает хоть в какой-то степени обеспечить его будущее. Конечно, далеко не все пацаны действительно хотят там учиться, в основном, это желание родителей. Но выбора у ребят иногда просто нет.

Каждый год нашей армии требуется 18-20 тысяч лейтенантов. Примерно 6-8 тысяч новоиспеченных офицеров, получив погоны, сразу увольняются в запас, около 30 процентов из них — выпускники Суворовских училищ. Здесь ребята учатся три года. Каждый год обходится государству в 75 тысяч рублей. Поэтому, конечно, наставникам хочется, чтобы их воспитанники стали профессиональными военными. Не захотят — неволить не станут. Как говорят сами преподава-

тели, упрекать мальчишек за это нельзя. В отличие от выпускников военных училищ, суворовцы совсем не обязаны продолжать военную карьеру. Пример тому — выпускник Московского суворовского училища, а ныне министр иностранных дел Игорь Иванов, оперный певец Герард Васильев выпускник Горьковского СВУ, и губернатор Борис Громов окончил Тверское суворовское училище.

В институты Минобороны суворовцы принимаются без экзаменов. Вступительные тесты им приходится сдавать только в военные академии и университеты. Популярны среди них и учебные заведения других силовых ведомств, например, институты таможенной службы, ФСБ, МЧС. Льготное поступление, хорошая предметная подготовка (суворовец со средними оценками составляет весомую конкуренцию отличникам и хорошистам при поступлении в вузы) и три года в условиях дисциплины вдали от юношеских соблазнов и дурных компаний — у родителей достаточно при-

чин, чтобы жаждать поступления своего чада в Суворовское...

Ну хорошо, с поступлением вся ясно. А чем же занимаются курсанты СВУ, кроме хождения строем, конечно?

Итак, утро. Подъем. Пробегка — на улице. Умывание. Два завтрака, обед, ужин

ШАГОМ **марш!!!**

проходят в отдельно стоящей столовой, где одновременно питаются все суворовцы и куда ребят ведут опять же строем. Подшивка, утюжка — в бытовке казармы.

Здесь же оборудовано место сапожника — курсантов учат самостоятельно чинить обувь, которой требуется несложный ремонт. Учебные занятия и самоподготовка — в специально оборудованных классах.

Предметы здесь изучают те же, что и в общеобразовательной школе, плюс специфические. Например, военная подготовка, динамичная физкультура (не такая, как в школе), танцы (латиноамериканские, вальс, мазурка, брейк, степ). Есть предмет "Общественно-полезный труд", во время которого пацаны убирают территорию, моют полы в помещениях, учатся ремеслам, ухаживают за цветниками (от рассады до ландшафтного дизайна). Ребята обязательно изучают иностранные языки, некоторые в итоге становятся военными переводчиками. В общем, программа обширная и сложная. Но учителям, большинство из которых, как и в обычной школе, составляют женщины, работать в СВУ гораздо легче. Во-первых, ребята приучены к дисциплине. Во-вторых, есть командиры, отвечающие за ребенка, и они рядом. Это не родители, заставить которых прийти в

школу почти невозможно. А в-третьих, наказание за плохие отметки и поведение следует неотвратимо: получил двойку — лишаешься увольнения, нарушил дисциплину — получишь наряд вне очереди. Хотя пацаны есть пацаны. И так же, как их гражданские сверстники, они шкоят, балуются, бегают в самоволку и еще как-нибудь нарушают правила.

В связи с этим хочется сказать несколько слов о кадетских корпусах, которые в последнее время возрождаются в России. В эти учебные заведения набирают совсем маленьких мальчишек, 7 — 8 лет, для того, чтобы военное воспитание начиналось, так сказать, "с пеленок". В общем-то, кадетский корпус — это обычная школа-интернат с военным уклоном, никакого военного образования она не дает, и основная ее цель — чисто педагогическая.

В обществе не утихают и никогда не утихнут споры: а нужна ли вообще подобная система? Ведь обучение в военных заведениях в какой-то мере лишает ребенка

детства, не дает ему проводить время так, как хочется, и по большому счету с ранних лет навязывает ему профессию, которую, быть может, он не выбрал бы, будучи взрослым.

Борис, суворовец, встреченный на улице: — Нет, я ничего не лишаюсь. Хочу быть офицером, как папа и дедушка. Мне вооб-

ще нравится строгий порядок, надоело сидеть дома, все равно заняться нечем, а все друзья или машины моют, чтобы заработать, или тоже дома сидят, на компьютере играют.

Спрашиваю, заглядывая в его строгие глаза:

— Борь, а, кроме армии, мечта у тебя есть?

Долго думает, потом улыбается:

— Хочу выиграть в лотерею миллион долларов!

— И что ты будешь с миллионом делать? Зачем тебе такие деньги?

Отвечает:

— Чтобы никогда не работать!

Вот и пойми после этого наше юное поколение...

Вообще, дети военных часто пытаются "продолжить династию", пойти по стопам отцов и дедов, жить привычной жизнью всегда. Ведь многие из них растут в военных городках, на заставах, в глухих гарнизонах, среди сослуживцев отца или матери, и это, конечно, накладывает отпечаток на их психику.

Какой?

А вот об этом я расскажу в следующем номере! ■

Адреса Суворовских училищ для тех, кто захочет отдать туда своего отпрыска:

1. Московское Суворовское училище.
129329, г. Москва,
Извилистый пр., д. 11;
2. Санкт-Петербургское Суворовское училище.
191011, г. Санкт-Петербург,
Садовая ул., д. 26;
3. Нахимовское военно-морское училище.
197046, г. Санкт-Петербург,
Петровская набережная, д. 2/4;
4. Екатеринбургское Суворовское училище.
620002, г. Екатеринбург,
Первомайская ул., д. 88;
5. Казанское Суворовское училище.
420092, г. Казань,
ул. Льва Толстого, д. 14;
6. Тверское Суворовское училище.
170000, г. Тверь,
ул. С. Перовской, д. 2/Б.

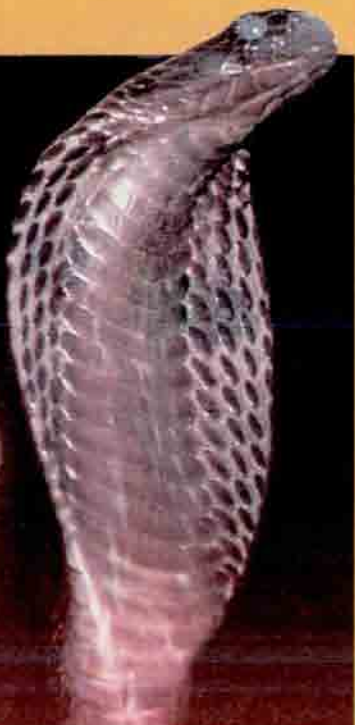
Чувство мести знакомо всем. Кто из нас когда-либо не мечтал отомстить обидчику? Причинить ему такую же боль, какую он причинил тебе, уничтожить, испепелить, издрать на кусочки! И все ради того, чтобы не чувствовать себя оскорбленным и униженным. Ощутить победу над врагом, утешить пораненное достоинство. Мечтали-то, безусловно, все, а вот мстили не многие, тем более так изощренно, как те, о ком речь пойдет дальше.

"Мстите, ибо месть сладка!"

Индира, 17 лет. "Думаю, самая лучшая месть — это смех над обидчиком. Просто здорово сделать из него посмешище! Вот, буквально вчера объявился мой бывший друг Илья, который этим летом очень жестко прервал все наши отношения, заставив меня переживать, мучиться. Стал петь дифирамбы: "Ах, как я скучаю, наше расставание — это просто недоразумение, мы снова должны быть вместе". Хочу отметить, что все это было в чате. Я "на глазах" у всего народа высмеяла его любовные признания, сказав, что они напоминают мне рекламные ролики к медицинскому препарату "Виагра", который, кстати, ему не помешало бы иметь, на всякий случай, при себе, потому что в делах интимных он пользует палочки. Наши общие знакомые, кто тоже сидел в эту ночь у своих компьютеров, умирали со смеху. А самое неприятное заключалось еще и в том, что эти знакомые в большинстве своем являются его друзьями. Я наладила с ними прекрасные отношения, мы все дружим. И, поверьте, это был удар ниже пояса!"

Лиза, 19 лет. "У меня была лучшая подруга Оля. Наши папы работали на одной фирме. Только мой — босс, а ее — простой служащий. И вот один раз себе на беду Оля решила закрутить роман с моим молодым человеком. Стала названивать ему, назначать свидания. Так сложилось, что именно в это время я на месяц уехала учиться в Англию. Еще до возвращения до меня дошли слухи о том, что у Оли и Коли начался бурный роман. Я не могла оставить предательство подруги безнаказанным. Позвонила папе, естественно, вся в истерике, и попросила уволить дядю Боря. Поскольку я единственная, горячая любимая дочка в семье, то папочка не вынес моих слез и страданий, и на следующий день Олин папаша стал безработным. Теперь моей бывшей подруге уже не придется шиковать каждый день в новых нарядах и разъезжать на такси. Согласитесь, свершившаяся месть наполняет душу радостным покоем, особенно после того напряжения, в котором держала меня моя бывшая подруга, пока я отсутствовала. Кстати, и вся учеба в Англии пошла насамарку".

Руслан, 24 года. "Свою самую жестокую месть я совершил еще в школе. Сейчас вряд ли бы на такое решился! (Смеется). В канун моего любимого праздника — Нового года меня бросила девушка. Все друзья начали посмеиваться, говорить, что я неудачник, ну вот я и решил доказать свою крутизну. Взял лопатку, коробку и пошел гулять со своим псом — огромным сенбернаром. Извиняюсь за подробности, но, когда мой песик сделал свое дело, я сгреб его "продукт жизнедеятельности" в коробку. Потом завернул все это добро в шикарную обертку с красным бантом, написал трогательную прощальную открытку и отнес благоухающий сверток любимой под дверь. Нажал на звонок и убежал. Что было дальше — не знаю, да и знать, наверное, не хочу."

Мне кажется, что если и мстить, то делать это нужно один раз в жизни и разумно. Наверное, в самом критическом случае. Так что, думаю, я страшно промахнулся. Сейчас даже и не помню имени своей обидчицы".

Даниил, 20 лет. "Моя история достаточно банальна. Естественно, речь пойдет об одной нерадивой девчонке, которая изменяла мне. Причем, делала это систематически. А потом смотрела на меня честными глазами и говорила "люблю", думая, что я полный дурак и ничего не замечаю. Продолжалось все это не долго. На одной вечеринке она зашла в комнату и увидела меня в пылких объятиях другой девушки. Вся в слезах бедняжка вылетела из квартиры и убежала, хотя плакать у нее, честно говоря, не было повода. Ведь все было подстроено мной и моими друзьями, чтобы проучить неверную подругу."

После этого случая прошло уже лет пять, и мое мнение о мести сильно изменилось. Я считаю, что надо уметь прощать, так как месть — это удел слабых людей".

Лося, 20 лет. "Обладание любимым молодым человеком, создание гениального произведения, победа на престижных конкурсах — все это, на мой взгляд, меркнет перед чувством удовлетворенной мести. Долго мучил меня один молодой человек своей неопределенностью в наших отношениях. То звонит, то дима-

мит. То он хочет со мной встречаться, то нет, то свободен для меня, то вечно занят со своими друзьями. В общем, — не разберешь. И в один прекрасный момент мне это все надоело. Взяла я фото своего возлюбленного, отсканировала и отправила на "Гей-сайт" с подписью: "Познакомлюсь с потрясающим мужчиной, с целью интимных отношений" и телефончик оставила. После этого он ушел из моей жизни навсегда. И я об этом совсем не жалею. Потому что народная мудрость гласит: "С глаз долой, из сердца вон". А я совсем не ощущаю себя брошенной, а даже наоборот, чувствую на высоте положения. Как представлю реакцию моего малахольного дружка на мою проделку, так меня начинает разбирать жуткий смех. А смех — это могучая сила. Говорят, он даже жизнь продлевает, а уж любовные раны, понятное дело, рубцует в два счета!"

Эля, 19 лет. "Один раз я влюбилась. Сначала все шло хорошо, точнее, даже идеально: бесконечные прогулки, конфеты, цветы, поцелуи при луне. Я уж было подумала, что это Он — мой идеальный мужчина, с которым пойдем по жизни рука об руку. Но не тут-то было. Альберт связался с дурной компанией, стал постоянно пропадать в клубах и, как я узнала позже, употреблять синтетические наркотики. В один прекрасный день он просто забил на меня: перестал звонить, приезжать, посылать эсмэски. Выяснения отношений он всячески избегал, а когда все-таки пришлось это сделать, сказал, что я замечательная, но мешаю ему быть свободным. Со мной такой облом случился первый раз, и жестоко ударил по моему самолюбию. Душа требовала мести. Я разузнала, что в Москве есть кафешка, где продают наркотики, чуть ли не с барной стойки. И именно там бывает Алик. Я проследила, и когда он пришел в очередной раз в это кафе, вызвала туда наряд милиции, который всех повязал. Конечно, родители выкупили своего сыночка. Но вот уже прошло полгода, как бедняга сидит под домашним арестом и кроме института нигде не появляется. Я считаю, что стремление мстить воспитывает в человеке самообладание, волю и выдержку в самые ответственные моменты жизни. Но здесь надо помнить одну вещь. Чтобы месть действительно принесла удовольствие, мне

кажется, она должна немалое время таиться, вырывать и обязательно держаться в тайне от своей будущей жертвы. Думаю, что в данном случае моя месть принесла пользу и тому, для кого она предназначалась".

Сергей, 22 года. "Моя история, наверное, потрясет всех. Мне даже страшно о ней вспоминать. Расскажу лишь для того, чтобы напомнить моим сверстникам, молодым людям, как важно предохраняться, вступая в интимную связь."

Когда я служил в армии, в моем отряде было два мальчика, у которых во время медицинского обследования обнаружили СПИД. Перед их отъездом из части я поинтересовался, что они теперь собираются делать, как жить дальше. На что один из них ответил: "В первые же выходные пойдем в клуб, нацепляем девчонок и всех перезаражаем!" "Будем мстить за то, что кто-то это сделал с нами", — сказал другой. По сей день, вспоминая этот разговор, у меня пробегают мурашки по телу. Я, в какой-то степени, даже чувствую себя несколько виновным в том, что никак не остановил их, не предотвратил наметившиеся убийства.."

Думается, что от этой истории не только у Сергея "берут мурашки по телу", но и у большинства читателей "Молодого бульвара". Чтобы немного разрядить атмосферу, давайте вспомним о некоторых медицинских открытиях, сделанных в ходе изучения чувства мести.

Доктор Эдди Хармон-Джонс из Университета Висконсин с помощью технологии сканирования волн головного мозга пришел к выводу, что оскорбление вызывает активность тех же префронтальных долей мозга, что и в случае, когда человек испытывает голод или жажду. Таким образом, вы получаете приблизительно одинаковое удовольствие и когда мстите, и когда наслаждаетесь вкусным тортом. Теперь становится понятным, почему женщины так мстительны по отношению к оскорбившим их людям. Ведь основные потребители сладкого — представительницы прекрасного пола! Так что, если кто-то из молодых людей решил расстаться с подружкой, целесообразно накормить будущую мстительницу шоколадками и конфетами. Возможно, желание мстить растает!

И, как всегда в заключение, "Молодой бульвар" предлагает вам пройти тест, который поможет узнать, насколько вы подвержены чувству мести.

1) Какие лекарства от стресса вы предпочитаете?

Налиться с друзьями (1 очко).

Телевизор, интересную книгу или просто сон (2 очка).

Жду, когда грусть и чувство обиды сами пройдут (0 очков).

2) Крепко ли вы спите по ночам?

Когда как — в зависимости от настроения и самочувствия (1 очко).

Нет. И засыпаю тяжело, и часто просыпаюсь среди ночи (0 очков).

Ложусь и сплю спокойным сном, как пожарный на дежурстве (2 очка).

3) С каким чувством вы обычно идете по утрам на работу или учебу?

Испытываю нервное напряжение: "Что день грядущий мне готовит?" (0 очков).

Как всегда ощущаю жуткую лень и полное нежелание работать и учиться (1 очко).

Ну, ... наверное, с чувством глубокого удовлетворения (2 очка).

4) Как обычно реагируют друзья на ваше желание отомстить обидчику?

А никак! Я никогда не рассказываю им о таких желаниях (2 очка).

Расстраиваются и во время моего припадка мстительности стараются не попадаться мне на глаза без крайней необходимости (0 очков).

Успокаивают меня словами: "Не волнуйся, все нормально, мы поможем тебе" (1 очко).

5) Не кажется ли вам, что родня, друзья и коллеги часто вас не понимают?

Только тогда, когда я прошу у них денег в долг или машину покататься (1 очко).

Нет, я всегда нахожу общий язык со своими близкими (2 очка).

Боюсь, что мои мысли и чувства обычно не воспринимаются окружающими (0 очков).

Подсчитайте количество ваших очков!

8-10 очков. Вы не мстительный человек и умеете держать себя в руках. Хотя иногда стоило бы задать взбучку обидчику.

4-7 очков. Вас "закрывает" редко, но крепко. Научитесь владеть собой, чтобы однажды "не наломать дров" в порыве ярости!

0-3 очка. Ваша мстительность по мелочам очень досаждает окружающим. Необходимо провести несколько сеансов у психолога.

Стрелы Амура

Павел ГАНИН

Покупаем друга

У вас еще есть пара свободных квадратных метров в гараже? Вам надоело толкаться в московских пробках? Четыре колеса — это слишком много? Вы не разделяете утверждения, что все, что между ног — это не транспорт? Тогда надо покупать мотоцикл, благо и время сейчас самое подходящее, как говорится, готовь телегу зимой...

Выбрать себе мотоцикл почти так же трудно, как и приобрести хорошего скакуна. Разумеется, чем лучше вы будете информированы в этой области, тем больше у вас шансов увидеть "чистые зубки" у своей "лошадки", да и с выбором "породы" проблем будет куда как меньше, тем более, что всегда надо помнить, что приобретённое вами "железо" уже

через очень небольшой промежуток времени станет для вас верным другом. А раз так, то вы уже "в ответе за тех, кого приручили"...

Осознав всю ответственность, которая ложится на ваши плечи, и, ощутив-таки в себе задатки маленького принца, стоит вплотную подойти к прилавку. Следуя здравой логике, не стану рассматривать пункт получения сначала водительских прав, затем минимального опыта вождения данным транспортным средством и прочие юридически-практические моменты. Все это обязательно, и какому-либо обсуждению или комментированию не подлежит. Самое время навести справки о состоянии дел в отечественном и зарубежном мотопроеме, возможности выбора и качестве предлагаемого товара, а также (самое главное) о ценовых пределах на новые и слегка "потрепанные" байки. Ну, или почти байки...

Вариант первый, патриотический

Это я про малыша "Пилота". Не дотянув до гордого звания "настоящий мотоцикл",

продукт ЗиДа получил ярлычок "мокик", и, в общем-то, остался этим вполне доволен. А почему бы, собственно, ему не быть довольным? Более чем симпатичная мордашка, китайский четырёхтактный двигатель LIFAN, что на базе японских Honda делается, 50 кубиков рабочего объёма, центробежное сцепление, как на скутерах, а на правом блоке рулевых

переключателей и подавно мечта каждого российского мотолюбителя — кнопка включения электростартера! Скромненько, но со вкусом — это сказано именно про "Пилот": 2,72 л.с. и как следствие 50 км/ч максимальной скорости, да еще и отрегулированные под "чайников" передние тормоза, — все сделано для безопасности неопытных водителей и для неспешной городской езды.

Еще раз подчеркну, что "Пилот" с "китайцем" в качестве начинки — это отличный "тренажер" для начинающих. И если с опытом вождения у вас проблемы, ЗиД подскажет и поможет все сделать правильно. Ориентировочная цена мокика составляет 23 500 рублей. Дороговато? Да ничуть! Плюсов у этого аппарата гораздо больше, чем минусов.

Вариант второй, непатриотический

Тех же, кому патриотические настроения не по душе, а достаток позволяет не сильно задумываться о смысловом содержании цен-

ников в магазине — милости просим, на международный мотобазар.

Из категории чего попроще (внимание: не пытаться проводить параллели с продукцией Ижевского да и любого другого отечественного завода!) упомяну "дорожники" и туреры. Из последних я бы отметил BMW K1200 GT. Немцы, на "отлично" собирающие свои автомобили, и в другой колесной индустрии не отстают. О надежности и комфорте, думаю, говорить не стоит — одним словом, BMW — верный "конь" на долгие, долгие годы!

Ценовые параметры на весь туризм вообще, и на "бэжу" в частности, достаточно умеренные. Хотя некоторые экземпляры достигают уровня 20-30 "тонн" условных вечнозеленых единиц. Как следствие, в голове рождаются красочные лозунги: "Товарищ, заработал — и на шопинг!", "Чтоб нам так жить!" и подобные извращения.

Вариант номер три

Условие: с практикой у вас все в порядке, и ничего не закрывает оперативный простор.

— Да-да. Я вас слушаю... Так вы говорите, что хотели бы быть похожим на тех здоровенных, волосатых байкеров, что в кожу "влитые", с тату на разных частях тела, и далее по списку? Ну, в преобразовании образа, я, к сожалению, вам точно не помощник, а вот подобрать мотоцикл под ваш стиль вполне решаемая задача. Прошу любить и жаловать — чоппер!

Для простых смертных, не иначе как Harley Davidson. Для всех остальных такое чудо на колесах именуется custom bike.

Красивейший выгнутый руль, обжигающие очи ярким солнечным отражением, блестящие хромированные детали двигателя, заднее, скажем "девяточка", колесо, снабженное 240-миллиметровой шиной... Настоящая мечта! Хотя стоит сделать некоторую поправку. При всем великолепии заводской продукции, эксклюзивные, так сказать, авторские творения, смотрятся в десятки, а то и в сотни раз выигрышнее. А строят их да не в огромных цехах, да не на конвейерной ленте с применением различной автоматике, а едва ли не в

домашних, то бишь гаражных условиях, создавая шедевры буквально из всего, что лежит под рукой.

Понятное дело, у настоящих западных "профессионалов" под этой рукой окажется проверенный временем оппозит, подвески и другие наиболее качественные технические узлы и запчасти будущего мотоцикла. Но грамотно и без опасности при дальнейшей эксплуатации "напичкать" своего зверя — лишь небольшая часть общего процесса рождения байка. Ведь от конструкторов, "отцов-основателей" требуется что? Правильно! Необычность конфигурации рамы, проще говоря, неповторимость при создании внешнего облика. Не случайно, в проектировании визуального образа транспортного средства самое активное участие принимают именно заказчики. Никто не ставит под сомнения дизайнерские способности "строителей", просто, как и в любой творческой, я бы даже сказал, высокохудожественной деятельности без вдохновения не обойтись.

Почему-то абсолютно не сомневаюсь в том, что потенциальных покупателей заинте-

ресует вопрос безопасности. Смею вас успокоить, показатель надежности вашего чоппера или круизера будет равен 100 процентам. Абсолютно все: от цилиндров до тормозов, — проходит многократные испытания, а уже на выходе весь мотоцикл тестируется на профпригодность и безопасность. С харлеями заводской сборки ситуация складывается значительно проще. Мотивировка экспертов: "Дескать, доверяем — проверяли". Вопросы есть?

Первоначально не хотел затрагивать тему цены на эти уникальные, по своей сути, творения. Но без столь важного элемента консультация не будет считаться полной. Итак, у нас такого "двухколесного монстра" (выразился, называется), а скорее, соответствующего всем средним параметрам аппаратов данного класса, соберут недель за 16-20. Плюс-минус. Причем попросят за удовольствие владеть подобным мотоциклом от 5 до 12 тысяч у.е., второй предел достаточно подвижен; в сторону увеличения, естественно.

Заказывая мотоцикл в Европе, придется и подождать подольше и отстегнуть побольше. Например, Николаю Шовену, конструктору знаменитого "красного дьявола", на все про все потребовалось два года. Вполне логично, что стоимость этого байка запредельная. Нет желания слепить себе "стального друга", как поется в песне "...из того что было", пожалуй, в салон к уже готовым аппаратам. Тут и широкий выбор, и гибкая система скидок, да чего только нет в этих уютных просторных помещениях? Так что копите деньги и запасайтесь терпением. Или просто копите деньги.

Вариант четвертый

В том случае, если вы не представляете себя волосатым в коже, с тату, и далее по тексту, да к тому же опыт вождения "боевого" мотоцикла присутствует, с материальным обеспечением духовных потребностей тоже никаких проблем, а ко всему прочему еще и считаете себя поклонником таланта Валентино Росси — осуществляйте свою мечту прямо сейчас — покупайте спортбайк. Об этом экспонате стоит рассказать подробнее. Да будет вам известно: такого "коня" берут не для того, чтобы протирать

тряпочкой и выгуливать на многочисленных байк-шоу, а чтобы реально зажигать! И хоть спортбайк спортбайку рознь, их скоростные возможности будут при любом раскладе гораздо более впечатляющими на фоне их, описанных выше, собратьев. Только представьте себе: садитесь вы за руль любого хорошего "лезвия" (допустим Honda Fireblade) и эге-гей..!

"Башню не носит, но грань близка", — говорят спецы из "Моторевю". "Это еще как посмотреть", — дружно отвечаем мы. Ибо 150 л.с., выжимаемых этой "хондой", да объем движка, что без малого литр, скажу я, совершенно точно соответствует параметрам машины для самоубийства, ежели вы не закаленный в боях "всадник", надеюсь всё-таки не без головы. Это к вопросу о безопасности, между прочим, понятию в принципе не совместимому с таким типом мотоциклов. Шутка. Ну а если серьезно, здесь следует отталкиваться от собственного умения управляться с байками подобного класса или близкого по технологическим

параметрам к нему. Однако, от шлема, профессиональных наколенников и налокотников, травмобезопасных перчаток и ботинок, да и от комбинезона с защитой позвоночника отказываться не стоит — жить-то, небось, охота.

В качестве некоей памятки вам и, разумеется, для ознакомления народных масс еще раз заявляю: "Выбирайте японцев!" Все четыре "звезды" (Ямаха, Сузуки, Kawasaki, Хонда) равны как на подбор. И в особых характеристиках не нуждаются. Комфортно, удобно,

КПП не тормозит, и тормоза, к слову, отличные. Всем тормозам тормоза! Не мотоцикл, а сказка... М-да... (в этом месте следовало бы тяжело вздохнуть).

"Спорт" — игрушка дорогая, будь то представители страны восходящего солнца, или уцелевшие после "японского цунами" Ducati, Aprilia и Benelli. Но разве это повод отказываться от таких снарядов: не хватает денег — возьмите в долг. Спортивный мотоцикл того стоит (к тому же может случиться так, что и отдавать не придётся... шутка чёрного юмора).

Итого

На этом модельный ряд существующих в природе байков и ограничивается.

Конечно, особые индивидуумы приобретают себе, так сказать, "на дачу" кроссачи, эндуро, квадроциклы и некоторых других представителей семейства двух-(четырёх) колесных вездеходов. Но это уже скорее экзотика, простому русскому человеку не совсем понятная, требующая, на взгляд вашего покорного слуги, особого подхода. Дай Бог, "спишемся" еще раз, расскажу об этих загадочных "зверьках".

В завершении хотелось бы ещё раз настоятельно попросить вас обдумать все более чем хорошенечко, перед тем как сделать столь ответственный шаг, и четко сфор-

мулировать свои пожелания, ответив на 5 вопросов:

Что мне нужно?

Зачем мне это нужно?

А нужно ли вообще это?

Имеется ли у меня необходимый стаж вождения подобного транспортного средства?

Способен ли я, заработав на покупку байка, и в дальнейшем обеспечивать его нормальную жизнедеятельность?

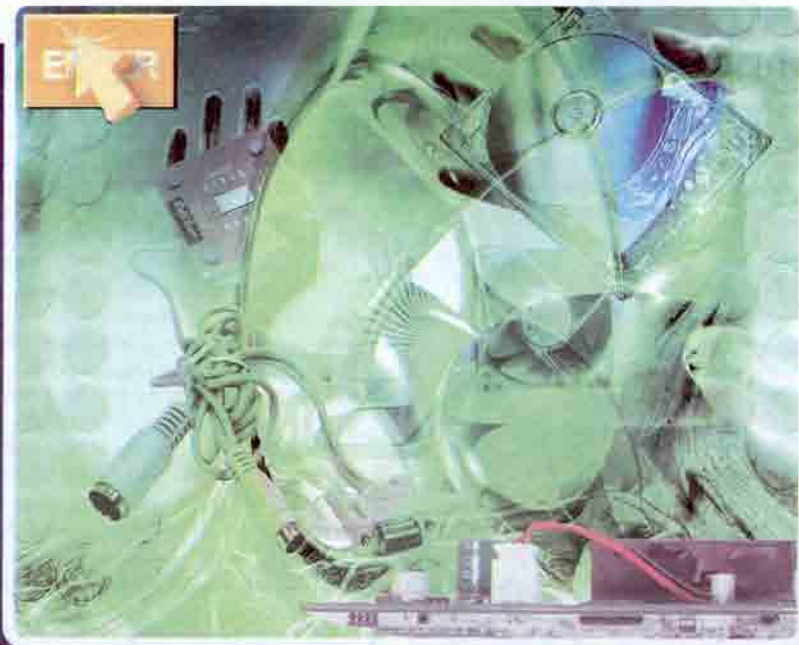
Не торопитесь с окончательным решением. Не забывайте, по своей природе это всё-таки всего лишь "железо", которое, да будь оно хоть трижды верным другом и четырёхжды из натурального чистого золота, с бриллиантовыми вкраплениями, не стоит самого ценного, что есть на земле — человеческой жизни. Поверьте, здесь риск не оправдан и каплей пресловутого шампанского.

Те же, кто уверен в собственных силах... ну, что я могу сказать? Спешите! Пока действуют "летние" скидки, самое время пустить деньги на действительно хорошую вещь. Лучше купить подержанного "японца" зимой, а до весны "законсервировать" вашего нового друга помогут продавцы-консультанты. И еще. Попробуйте сделать правильный(!) выбор. Помните, как в том фильме Эльдара Рязанова: "Думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь..."

От себя же: будьте осторожны!

Особенности электронного аквариума

Мы продолжаем сборку домашнего компьютера, а точнее, учимся выбирать монитор — элемент, без которого любой системный блок — просто железяка или подставка для ног под письменным столом.

Нам понадобится немного азарта, хитрости и небольшая кучка какой-нибудь валюты — рубли, доллары, евро, в зависимости от предпочтения.

Безопасность

Приступая к выбору, надо знать всего лишь одно: монитор должен быть макси-

мально безопасным для глаз и здоровья. Любая уважающая себя фирма, выпуская очередную версию своего продукта, старается предложить последнюю степень защиты, то есть ту, которая отвечает всем современным стандартам. Одной из основных организаций, устанавливающей нормы — является ТСО (Шведская Конфедерация Профессиональных Коллективов Рабочих). Она год от года ужесточает свои требования, поэтому на мониторах можно встретить разные обозначения, например ТСО '92, ТСО '95, ТСО '99 и ТСО '03. Не трудно догадаться, что цифры — это год принятия нового стандарта.

Немного о цифрах, или Это нужно знать

Каждый монитор обладает разрешением экрана, то есть количеством точек, которые он может показать одновременно. Чем меньше разрешение, тем крупнее изображение и наоборот. Дисплеи поддерживают

множество разрешений: 640*480, 800*600, 1024*768, 1152*864 и другие. Стандартов для этого параметра особых нет — каждый настраивает его под себя.

Для домашнего использования вполне хватит монитора с максимальным разрешением 1280*1024 (60 Гц). Большие разрешения, например 2048*1536 (88 Гц), нужны профессиональным верстальщикам или тем, кому некуда девать деньги, ибо такие дисплеи способны серьезно облегчить ваш кошелек (около 1000 у.е.). Рядовым же пользователям такие мощности не нужны, просто они никогда не используют все возможности на полную катушку.

Качество изображения экрана сильно зависит от размеров зерна, пикселя или точки — чем оно меньше, тем плотнее и детализированнее картинка. Раньше считалось стандартом размер зерна 0,28, сейчас — 0,25 или 0,24, высшим шиком считается 0,19.

Есть еще один немаловажный элемент — частота обновления экрана (Гц). От этого зависит, насколько сильно будет мерцать монитор (можно заметить краем глаза, если

присмотреться, а так — это почти незаметно). Нормой для зрения считается 75 Гц, при разрешении 1024*768, что было высшим пилотажем для недорогих моделей второй половины 90-х годов. Сегодня любой монитор должен выдавать минимум 85 Гц при тех же условиях. Такой расклад хорош для дешевых экземпляров, так как дорогие в легкую выдают 100, а то и 120 МГц на 1024*768, только и стоят они раза в полтора, два дороже.

На сегодняшнем рынке становится все трудней встретить монитор с выпуклым экраном — почти все с "впуклым" или плоским. Считается, что первые искажают изображение по краям, поэтому их производство почти прекращено. У некоторых после долгой работы за выпуклым монитором развивается "синдром аквариума" — при виде плоского монитора кажется, что он вдавленный. А после плоского, выпуклый кажется трехлитровой банкой. Радует, что хоть этот параметр если и отражается на цене, то не сильно.

С какой диагональю взять монитор? Ответ прост: "пятнашки" больше не продают, теперешние "семнашки" идут по цене вышедших 15-ти дюймовых, а 19-ти стоят бешенных денег, да и сами по себе они громоздкие. Вывод: за неимением выбора, берите приличный дисплей с диагональю 17. При желании можно заняться раскопками и попробовать таки найти "пятнашку", где-нибудь на пыльном складе — вопрос в том, нужно ли?

Не так страшен черт...

Если в случае с выбором корпуса для компьютера — дорогой чисто для понта, то здесь от цены может зависеть здоровье, ибо монитор является источником электромагнитного излучения, которое при длительном воздействии может повлечь за собой компьютерный зрительный синдром — быстрая утомляемость, воспаление глаз, головные боли и другие недуги. Подобные осложнения вызывали в основном старые мониторы, с последними же моделями ситуация кардинально изменилась, точнее, с введения ТСО 95, когда безопасное расстояние от экрана

довели до 30 сантиметров. Интересен тот факт, что человек, посидевший перед компьютером, и простой бомж, который о компах даже не слышал — получают в течение дня одинаковую дозу электромагнитного облучения, один от монитора, второй от солнца. Вывод: не стоит бояться сидеть за персоналкой, надо всего лишь знать меру, не более 2 часов в день, если не получается, то стараться делать перерывы. А можно заставить всю комнату кактусами, пить много апельсинового сока, и тогда вообще не будет никаких последствий.

Работа за компьютером противопоказана людям с различными расстройствами центральной нервной системы, частые мерцания экрана могут вызывать необратимые последствия: от нервозности до эпилептических припадков.

Считаем денежки

Перейдем непосредственно к выбору. Нам нужно, чтобы стоимость не сильно была по карману, поэтому определим верхнюю ценовую планку в 170 долларов. В этом диапазоне есть много неплохих моделей — вот некоторые из них:

Rolsen C708 с плоским экраном (\$139 — 148). Держит максимум 70 Гц на 1600*1200, при этом степень защиты TCO 99. По характеристикам вполне приличный, размер зерна 0.24. В работе показывает себя неплохо, глаза не устают и голова после работы за ним не болит. Но он плохо держит настройку, то есть, настроив картинку, например, по центру экрана, при следующем включении компьютера она может сместиться. Несмотря ни на что, Rolsen предоставляет хорошее соотношение цены и качества. Плюс ко всему, их производят в России, только детали импортные.

Другой хороший вариант — плоский Philips 107T50 (\$144), держит он немного меньше — максимум 60 Гц на 1280*1024, размер зерна 0.25, но зато TCO 03, самая современная степень защиты. Также есть интересная функция — LightFrame, которая позволяет сделать изображение намного сочнее и ярче, что очень полезно при просмотре

фильмов. Хорошо держит настройку, идеальное качество картинки при любых условиях. Минусов не обнаружено.

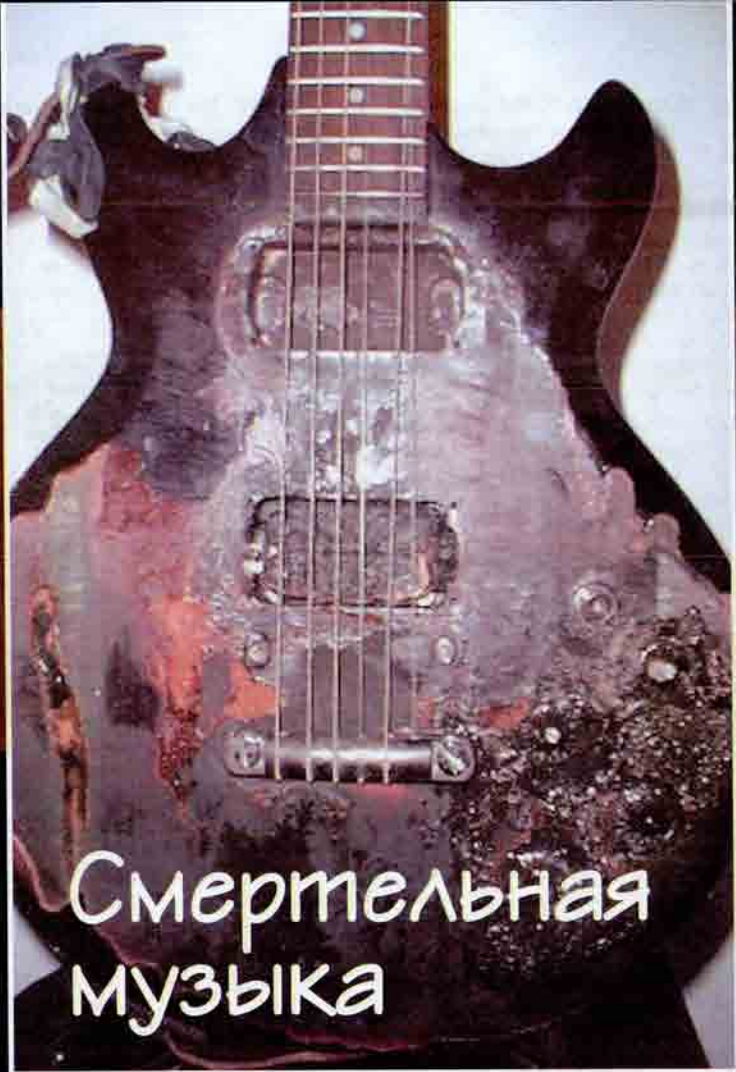
Также можно посоветовать любимую фирму многих геймеров, по отношению к мониторам, — LG и ее неплохую и очень недорогую модель EZ T710PU (плоский). За свою цену (\$150) держит он прилично: мак-

симум 75 Гц на 1600*1200, размер зерна 0.24, TCO 03. Есть две полезные функции: BrightWindow и BrightView, которые улучшают качество изображения: при просмотре фильмов, текстов или фотографий — есть несколько режимов. Из минусов можно выделить особенности цветопередачи и возможные искажения по краям экрана.

На самом же деле почти все недорогие мониторы одинаковы по качеству, поэтому можно взять еще недорогой Samsung, NEC или STX, но при этом лучше попросить показать их в работе, чтобы не совершить ошибки. Ведь каков бы ни был монитор, работать за ним придется именно вам. Так что к выбору надо подходить серьезно. Тем более, что компьютер постепенно будет обновляться или модернизироваться, а монитор останется на своем месте минимум года три — его не изменишь, не модернизируешь, разве что пыль можно смахнуть или наклеить разных наклеек для красоты. А часто менять его накладно, даже преуспевающие люди не торопятся этого делать.

Просто КИР

Смертельная музыка

"Суррогатное искусство"

Найдется ли сейчас молодой человек или девушка, которые поверят, что некоторые их музыкальные пристрастия могут оказывать разрушающее воздействие на физическое или умственное состояния? Возможно, только это будут единицы.

Нас окружает куча опасностей, поэтому вряд ли легко заметить, казалось бы, самые невинные элементы. Удивительно, но многие отдают немалые деньги за свое же разрушение: сигареты, спиртное, наркотики...

С этим все понятно, но только не с музыкой.

Ситуация с определенными музыкальными течениями сравнима с мобильными телефонами. Производитель знает все последствия их использования, но, не желая терять покупателей, — держит язык за зубами. Как только в СМИ появляется информация о вредности, она тут же опровергается. Выходят передачи, статьи, где доказывается абсолютная безвредность сотовых. В результате народ запутан и сбит с толку.

В музыке десятки, если не сотни разных течений, поэтому упростим себе задачу, разделив ее условно на несколько типов: классика, народная, эстрада, поп, тяжелая и ультрасовременная. Можно внести некий сказочный элемент, разделив всю музыку на живую и мертвую — разница в средствах передачи звука: живые инструменты или синтезатор-компьютер.

ет народу отрываться на дискотеках. Дрыгание ногами под нечто однообразное у них называется отдыхом. Интересен тот факт, что после такого отдыха молодые люди теряют "мужскую силу". Совсем недавно немецкие ученые, обследованные многочисленными жалобами любителей дискотек, исследовали влияние "современной долбежки" на ор-

Обычно разрушающий эффект могут оказывать тяжелая и ультрасовременная музыка, в зависимости от условий. В большинстве случаев — во время посещения концертов или дискотек, ибо дома трудно добиться достаточной громкости, да и соседи стучать начнут.

Физкультура, не приносящая пользы

Что есть ультрасовременная музыка — бум-цык-цык, однообразная долбежка, глупенький текст или его отсутствие. Создавать такое до безумия просто. Сидишь себе перед компьютером и подбираешь семплы, пару раз пробежался по клавишам синтезатора и готово. Как после этого верить, что авторам пришли в голову какие-то оригинальные идеи, когда в большинстве случаев композиция собирается из уже готового материала. Одна электроника и ни одного живого звука, даже голос обработан компьютером.

Техно поглотило весь мир, расплодилось диджей, группы однодневки и музыканты самоучки. Каждый стремится придумать что-то свое, революционное, только у всех выходит одно и то же, что, как ни странно, не меша-

ет организму человека. В результате выяснилось, что частые посещения "танцулек" со временем вызывают импотенцию. Про девушек ничего сказано не было, поэтому прекрасный пол может спать спокойно...

Дело в том, что в сплошном электронно-космическом звуке нет тональностей и ритмов, которые возбуждают, расслабляют или дарят положительную энергетику, поэтому танцующих на трезвую голову очень мало. Ультрасовременная музыка высасывает все жизненные соки, заставляет организм работать на износ. Естественно, долго никто не выдержит и постепенно начнет сдавать. Человека же непривычного эти компьютерные звуки вгоняют в депрессию.

Что касается текстов, трудно делать какие-то определенные выводы. Вряд ли они разрушают, но если слушать их в большом количестве, наверное, недолго и отупеть, ведь процентов на 99 они одинаково глупые. Хотя, с другой стороны, текст в этой музыке значит очень мало, но когда есть, то воспринимается больше подсознанием, чем разумом. Отдельный вопрос — транс музыка, ко-

гда народ на танцполе пародирует движения деревьев на ветру и эпилептические припадки. В этом случае с помощью текста можно запрограммировать. Запрограммировать человека довольно легко под любую музыку, и даже простым текстом, главное правильно расположить все компоненты. Под транс "отдыхающий" впадает в полугипнотическое состо-

щей любви и многое другое. Продлилось это с десяток лет, после чего рок стал просто музыкальным стилем, который позволяет воплотить практически любую фантазию. Некоторые его направления интеллектуальные, например, глэм-рок, арт-рок, блюз-рок, спейс-рок и другие. В итоге, из бунтарей рокеры превратились в прекрасных мелодис-

яние — с "отрывающимся" можно делать все, что угодно. Теперь представьте ситуацию, человек впадает в подобное состояние, вдобавок выпивает какой-нибудь спиртной напиток, потом еще один, еще и так до конца вечера. Получится совмещение алкогольного опьянения с состоянием трансa. Кто-то может что-то курнет или на худой конец занюхает, а то и вколет для усиления эффекта. Выводы по ультрасовременной музыке сделайте сами...

С гитарой в руках и паклей на голове

Когда все только-только начиналось, рок считался музыкой бунтарей. Они пытались донести до всего человечества идеи социального благоустройства мира, настоя-

тов и поэтов. Наконец, рождается стиль музыки, который сначала был шокирующим, но спустя совсем короткое время стал общепризнанным — хард-рок. Каждый коллектив стремился выделиться собственным звуком и стилем игры. Музыка с 60 по 80-е годы была переполнена положительной энергетикой, естественно, за исключением достаточно большого количества коллективов, занимавшихся непонятно чем. Ее степень вредности определялась исключительно громкостью, ведь мощный звук разрушает. Несмотря на это, в роке есть ритмы, тона, которые бодрят, возбуждают, пробуждают радость жизни и желание двигаться вперед. Слушать его можно в домашних условиях, не опас-

ясы за здоровье, конечно, если вы не врубаете так, что окна вышибает и раковина dribзжит на кухне.

Прошли те времена, когда хотелось действительно творить. Процесс сочинения тяжелой музыки, как ультрасовременной, стал предельно прост — главное, чтобы гитара погромче звучала. Вот молодые группы и лепят все подряд, не задумываясь о гармонии, мелодике, доводя звучание до состояния хаоса.

На большой сцене периодически появляются коллективы, которые пытаются что-то проповедовать. Чаще всего — беспорядочные половые контакты, борьба с обществом, родителями, суицид, какая-то социальная проблематика и многое другое. Сами авторы вряд ли верят в то, что пишут, — они работают на толпу, выплескивая на нее свои дурные эмоции, при этом, удовлетворяя потребности поклонников. Никто из звезд не захочет расстаться со своей навороченной тачкой, современной виллой на берегу океана, с кучей заработанных денег и славой. Лишь, за редким исключением, некоторые верят в свои "проповеди", но за пределы темного подвала это творчество редко выходит.

Татуировки, цепи, наряды, прически — имидж, или "рабочая одежда". Но зато как действует-то! Сколько народу валит на концерты, что аж залы ломаются. Любители сомнительного искусства часто закомплексованные, неполноценные, психически неуравновешенные и просто больные люди. В общем, все те, у кого серьезные проблемы с обществом, родителями и самореализацией. Из этого и вытекают такие названия направлений, как готика (орган, хор, рычащий вокал), блэк-металл (черный), дарк-металл (темный), дум-металл (бочковой), индастриал (компьютеризированный металл), дэт-металл (смертельный) и другие.

Разрушение идет не только от посещения концертов, но и от простого прослушивания дома. Сама тональность, настрой, энергетика, тексты вводят в тяжелое депрессивное состояние. По себе знаю, когда взял у друга послушать группу "Burzum", после второй же песни стало плохо, пропал интерес к жизни и возникла мысль... И это при том, что даже понял, о чем они вообще по-

ют. Каким нужно быть человеком, чтобы суметь слушать такое каждый день?

Показателен пример одного молодого человека, прыгнувшего с десятого этажа. В семье нелады, учеба не привлекала. Со сверстниками был приветлив, но не более того. Никогда не расставался с плеером, постоянно слушая "Индастриал" и тому подобное. Молодой человек ни в чем не видел светлых сторон — привлекало только мрачное, депрессивное и потустороннее. Очень часто говорил загадками, как и в последний день своей жизни — ему приспичило за день потратить две тысячи рублей, но зачем, объяснить отказался... Нельзя с уверенностью сказать, что его погубила именно музыка, просто она была одним из звеньев.

В чем фишка-то?

Неизбежно возникает вопрос: если все настолько плохо, почему это так популярно? Причина кроется во многих факторах: не знают лучшего, родители не научили и, конечно же, телевидение. С последним разговор отдельный. Лика Длугач, до недавнего времени ведущая на MTV, как-то сказала: "На нас лежит важная задача — мы формируем вкусы людей". Особенно тех, кто знает якобы модные современные тенденции исключительно от них. Если человек рос на низкопробной музыке, естественно, он и будет ею увлекаться. Жаль, что MTV и МузТВ очень редко знакомят зрителей с коллективами, потрясшими весь мир, с теми, кого еще никто не превзошел.

Совсем не обязательно слушать только старое — в новом тоже есть неплохие моменты, только мало. Много групп творят в "традиционном стиле". И как всегда есть "но": снова становится жаль — их знают плохо, а то и вообще не знают. На первом плане почему-то всегда чуела, извращенцы, личности неопределенной сексуальной ориентации или просто нечто.

Возможно, во всем виновата современная культура, которая непонятно как создается и успешно поддерживается таинственным образом. Каждый день на улице, диско-теках, по телевизору мы слышим один и тот же "мусор". Если ложь повторять очень часто, скоро ее начинают принимать за правду.

Так и здесь — многие привыкли. В какой-то степени — это неплохая стратегия — приучили, а теперь можно и капусту постричь. Выходит, культура конца двадцатого века — начала двадцать первого — “сплошной полу-фабрика”, а точнее, искусственно созданная. Обидно, да?..

Продолжаем разговор

И ультрасовременная, и тяжелая музыка могут оказывать одинаково разрушающее воздействие. Повторюсь, с разницей в средствах передачи звука. Если одна в большей степени воздействует на физическое состояние, то другая — на ментальное.

Молодежь всегда хотела чего-то нового — получила, хотя всегда могла любить, уважать и продолжать традиции отцов. К сожалению, многие стремятся не быть похожими на “предков”. Некоторые боятся, что им скажут, мол, “вы пользуетесь тем, что создали мы”. Естественно, хочется чего-то своего. И рок породила молодежь, и ультрасовременную и тяжелую музыку — все та же молодежь. Если первый стал классикой, неужели эти чудовища тоже станут?

На протяжении всей истории человечества всегда неизбежен спад, потом возрождение. Если сопоставить периоды, вряд ли мы доживем до очередного возрождения. Как ни странно, в каждой сфере творчества был свой бунтарь и разрушитель. Тогда это были действительно гениальные личности, опережавшие время на десятилетия, а то и сотни лет. Сейчас же, в эру “конвейерного” искусства, талантами не рождаются — ими становятся. И по выдаваемой “продукции” нельзя сказать, что ее создатель — бездарь или неизлечимо больной, ибо это его работа. Лишь малой части современного общества нужны таланты, остальным же нужно умение заколачивать нехилые бабки на неумении, незнании, глупости, низменных чувств, тайных желаний людей. Нормальный человек, “потребляя” это с детства, вскоре теряет вкус к настоящему искусству, становится циником, нигилистом и вообще рискует получить неизлечимую травму на всю жизнь. ■

теле

■ Доколе? Доколе, спрашиваю я тебя, мой мудрый и справедливый читатель? Сколько ещё будет продолжаться это телевизионное безобразие? Сегодня я говорю не об одной программе, а о целом движении, тенденции, так сказать. “Фабрика звёзд”... от одного названия тянет чем-то индустриальным, массовым, тупым и низкосортным. Почему тогда уж сразу не называйся “Завод звёзд”, “Производство звёзд”, на худой конец “Тиражирование звёзд”? Зачем людям мозги пудрить, а так, всё чётко и понятно. Тут как-то даже была калька под названием “Народный артист”. Вроде, что-то там у них другое где-то было. Фигня, та же “Фабрика”, только в профиле.

“Фабрика” пережила уже свою пятую инкарнацию, и хоть бы что. Живёт старушка, не кашляет. А её “выпускники” регулярно по филармониям районных и областных центров проезжают, под фанерку чего-нибудь станцуют и спляшут, и уедут, чтобы вернуться в следующем году. А что делать? Никаких других развлечений в каком-нибудь Урюпинске нет, а никто, кроме “фабрикантов”, на такие “крупные” населённые пункты не зарится, вот и приходится смотреть на то, что всё-таки приезжает. И народ “кушает”.

Такое впечатление, что на наш мозг ведут мощное, всестороннее наступление, причём ведут уже давно, стараясь сделать нас туповатой субстанцией, дружно жующей и синхронно лукающей. Но этого ли мы хотим, придя домой, кто с работы, а кто, как я, с кропотливой университетской учёбы? Думаю, нет. А тут включаешь ящик, и на тебя льётся... точнее льются: ток-шоу, риалти-шоу, ещё бог знает какие шоу, и “Фабрика”...

И ведь было понятно с самого начала, что всё это делается для рейтингов и зарабатывания денег, и что к музыке и талантам

Оборзение

данное мероприятие не имеет ни малейшего отношения, но зачем выставлять это вот так, всенародно и безапелляционно? И ведь что же получается? Вместо того, чтобы воспитывать молодёжь, учить её чему-то, чтобы она на сцене смотрелась, слышалась и пелась, нам показывают некие перипетии личных отношений участников конкурса... А роль занятий для самого совершенствования выполняют некие полудушевные беседы с уже "состоявшимися" "звёздами"... Бред. С чисто вокальной точки зрения всё снова плохо. Вы когда-нибудь задумывались, может ли быть ровным и чистым голос, если исполнитель носится по сцене, как угорелый, с остервенением вгрызаясь в микрофон? Нет. Через пару минут он не то что петь, говорить не сможет, запыхается. А не тут-то было. Фанера! Великое божество! Мы зываем к тебе! Вот и получается, что ребяток с самого начала приучают к "голосозаменителю", даже не дав попробовать спеть живём.

И ещё, я, конечно, понимаю, что лавры шоу "За стеклом" покоя телевизионщикам не дают. Но это уже было! Зачем делать из "Фабрики звёзд" очередное застеколье? Кому пришла в голову светлая мысль заставить фабрикантов совокупляться под прицелами телекамер? Кому это надо? И всё это в режиме on-line транслировалось в Интернете... Так простите, что же это за фигня получается, на большую сцену через застекольную эротику (спасибо, что не порнуху)? Хорошего же мнения телевизионщики о телезрителях.

Обуреваемый такими вот сомнениями, этим же утром на лестничной площадке я встретил народного философа бар-менеджера Гирькина, в простонародье Недовеса. Он мои сомнения рассеял быстро.

— Не только они считают нас идиотами, но и мы их. Парадокс же заключается в том, что и те и другие по-своему правы, однако

телевидение продолжают смотреть, несмотря на всю его тупость, хотя бы ради того, чтобы на фоне телевизионной идиотии почувствовать себя умнее и культурнее...

Не знаю, с чего это Недовеса потянуло в такие дебри разума, может быть, абсент оказал такое побочное действие, но монолог прозвучал убедительно.

На нашей, прости Господи, эстраде пописы и так хватает, Блестящие, Виа Гра, Слипки, Стрелки и прочие... так нужны ли нам ещё и Шоколадные зайцы? Нет. И надо ли помогать фабричным талантам? Талантам ли? И помогать ли? Или пусть лучше такие люди останутся не востребованными в отечественной музыке и специально для них надо возобновить "Застеколье"? Ответ напрашивается: такой хоккей нам не нужен, по крайней мере, в таком виде.

И главное, что ждёт их всех дальше? Когда шумиха вокруг них уляжется, и благополучно забудутся эти псевдозвёзды?

Маленький уездный город Урюпинск, шесть улиц и четыре светофора. Здание местной дискотеки-кинотеатра — слегка и местами перекрашенное помещение офицерского собрания. Под облезлой надписью "СКОРО!", на которой едва угадываются следы зелёной краски, небольшой плакат, выполненный рукой местного умельца, что бросается в глаза, из подручных материалов — гуашь непонятно-серого цвета, в красном обрамлении. По краям многочисленные потёки. "СКОРО! СКОРО! СКОРО! Знаменитая "Фабрика Звёзд" проездом с единственным концертом. Билеты в кассах кинотеатра". А чуть ниже: "Вход 15 рублей, через 30 минут после начала — бесплатно".

И снова они соберут полный зал, а потом ещё целую неделю будут ощущать себя звёздами...

С любовью, Ник Сигарищенко.

Хип-хоп

в разрезе

"Молодой бульвар" продолжает знакомить читателей со своими лучшими друзьями, и не просто друзьями, а талантливыми, умными, веселыми молодыми людьми. На этот раз гостем "Молодого бульвара" стал студент факультета журналистики МГУ Сергей Борисов. Хотя назвать его гостем не совсем правильно, потому что Сережа наш сотрудник, автор многих замечательных статей и фотографий, опубликованных в журнале. Теперь он еще и один из участников популярного хип-хоп проекта "Диалог". Поэтому сегодня речь пойдет именно о музыке. Тем более первый альбом группы "Диалог" уже готов выйти в свет.

— Сергей, расскажи, пожалуйста, как все начиналось, кому в голову пришла идея создать свою группу?

— Рифмовать я начал еще в школе, делал какие-то музыкальные записи в домашних условиях и накладывал на них собственный текст. С полной серьезностью смог заняться любимым делом лишь в 2000 году,

когда познакомился с Сашей Новичковым — вторым участником нашей группы. Он писал потрясающую музыку, его стиль был очень близок мне, и мы решили попробовать сотрудничать. (К счастью, это самое сотрудничество в считанные дни переросло в дружбу, которая длится по сей день.) Просто, сидя дома, вместе записали пять потрясающих треков, а дальше история приобрела немного банальный характер. Наши знакомые, участники известной хип-хоп группы "Y.G.", записывались на студии. Мы пришли их послушать и невзначай исполнили несколько вещей. Владельцам звукозаписывающей компании они понравились, и нас любезно пригласили для записи первого альбома.

— С чем связано название, почему именно "Диалог"?

— Слово "диалог" подразумевает под собой общение. Выступление на сцене — это и есть определенная форма диалога между исполнителем и зрителем. К тому же есть такое понятие, как внутренняя диалог. Это то, что ты говоришь про себя, когда ожидаешь автобуса, едешь в метро, ложишься спать или бродишь по магазину. Согласись, ведь именно в таких диалогах с самим собой и рождаются самые лучшие идеи.

— Сейчас на эстраде очень много разнообразных хип-хоп проектов, чем ваш проект кардинально отличается от других?

— Как бы смешно или странно ни звучало, но отличается всем. Хип-хоп можно сравнивать, например, с живописью. Ведь есть разница между Левитаном и Пикассо. Каждый из них принадлежал к определенной школе. А если и случалось, что творчество каких-то художников было похоже, то это всего лишь означало, что они принадлежат к одной и той же школе. В точности так же и в музыке. Что касается нас, то хотелось бы отметить, — мы вышли отнюдь не из хип-хопа. Я из классической литературы (к тому же сам пишу стихи), а Саня из музыки. Хип-хоп — всего лишь современное средство выражения наших мыслей. Это ритмическая поэзия, соединяющаяся, сливающаяся и нераздельно существующая с музыкой. Это, как белое полотно, на котором мы, художники, творим все, что угодно.

— С кем из ваших коллег музыкантов хотелось бы разрисовать это полотно?

— Недавно я познакомился с ребятами из хип-хоп команды "DCMC". Их музыка кардинально отличается от нашей, но мы с ними как бы находимся на одной волне. Наши настроения близки друг другу. Недавно мы записали вместе трек. От совместной работы получил громадное удовольствие и пришел к выводу: музыкант может быть хоть миллион раз знаменитым, но, если рядом с ним люди настроенные не на одну волну, счастливого совместного пути не будет.

— Вы уже гастролировали?

— Да, в городе Иваново. Выступали там в очень классном клубе под названием "Экипаж". Нас здорово поразил его дизайн: на сцене стоит настоящей громадный самолет.

— А в Москве где выступали?

— Очень даже много "где". Всего сразу и не вспомнишь, но из самых популярных клубов — в "Эстакаде", "Авалоне", "Даун Тауне", "Апельсине", "Р-Клубе".

— Как вас обычно принимает публика?

— Несмотря на то, что наша музыка очень личная, молодежи она нравится. После каждого концерта подходят ребята поздравляют, задают вопросы. Они действительно ищут в музыке смысл, впитывают звуки, живут ими. Например, если до нашего выступления звучала музыка танцевального характера, которая в принципе не несет в себе большого смысла, то, когда выходим мы, те, кто десять минут назад колбасился, уходят отдохнуть, а те, кто сидел в баре или за столиками, подходят ближе к сцене. Но, что особенно приятно, в конце концерта выступлением остаются довольны все. После концерта подходят и сумасшедшие трансеры и, конечно же, хип-хоперы.

— Недавно вы сняли клип, расскажи, пожалуйста, немного об этом.

— Наше первое детище, клип на песню "Стройка", родилось вместе с "DCMC". Своеобразный мини-фильм, отражающий процессы строительства дома, начиная с фундамента и заканчивая крышей. Под этим процессом мы подразумеваем формирование человека с детства и до самой старости. Впрочем, не буду рассказывать, сами все

увидите. Сейчас в процессе монтажа находится наш второй клип "Вечный вечер". То же очень кинематографическая работа.

— Кстати, о кинематографичности. Слушая ваши песни, представляешь все, о чем вы поете в мельчайших подробностях, в голове рождаются сценарии клипов и проносятся шальные идеи — забить на все прошлые цели и стать клипмейкером. Откуда возникает подобная образность?

— Наша музыка действительно визуальна. Мы хотим, чтобы человек, прикрыв глаза, мог по нашим сценариям создать свои собственные яркие картины и даже целые фильмы.

— А что говорит родня про твою увлеченность музыкой, кто поддерживает в трудные минуты?

— Конечно, мама, в первую очередь, поддерживает меня, всегда говорит свое мнение, что ей нравится больше, что меньше, переживает, беспокоится, что могу сорвать голос — она понимает, что я занимаюсь хорошим делом, которое мне действительно очень близко.

— У вас недавно открылся свой собственный сайт. Что в нем необычного и интересного?

— Несмотря на то, что в его названии присутствует слово "хип-хоп", сайт отнюдь не узкоформатный. Думается, он полностью отражает наше мировосприятие. Там представлены все виды искусств: живопись, фото, музыка других стилей и направлений, проза, стихи, ритмическая поэзия, тексты песен. А главное, все это объединено нашим позитивным настроением.

— На вашем альбоме есть потрясающая песня, называется "Война". Что должно было произойти, чтобы ты написал стихи, посвященные Второй мировой войне? Ведь многих твоих сверстников эта тема не интересует...

— Песня родилась из Сашиной музыки. Его "минус" (музыка без слов) произвел на меня такое сильное впечатление, что я сразу понял, — здесь надо говорить о войне. Меня с детства притягивала тема Великой Отечественной. Я пересмотрел множество фильмов, перечитал кучу книг, поэтому, когда начал писать текст, то просто не мог остановиться. В

итоге трек длится одиннадцать минут, одиннадцать секунд. Герой этой песни обладал до войны всем, а после нее у него не осталось ничего. Он потерял себя, но при этом спас многих. Эта работа подразумевает под собой вопрос: оправдывает ли нынешнее поколение жертвы участников войны или нет?

— Сергей, а свое будущее ты связываешь с хип-хопом?

— К сожалению, я прекрасно знаю, что хип-хоп не принесет мне финансовой независимости. Наша музыка совсем далека от коммерческой. Свое будущее я, скорее всего, связываю с кино, рекламой, литературой. Но в чем уверен на все сто процентов, так это в том, что хип-хоп никогда не уйдет из моей жизни. Он уже занял в ней какую-то свою нишу. Это как первая любовь, которую ты вспоминаешь в тридцать, в сорок, в пятьдесят лет и всегда улыбаешься при мысли, как все было здорово!

— Какие еще сюрпризы ждут поклонников "Диалога"?

— Хотелось бы, чтобы счастливые обладатели нашего альбома обратили внимание на его оформление. Как и в песнях, в дизайне, скрыто множество разных интересных фишечек. Наш альбом можно изучать, как интересную книгу, с каждой страницей которой ты открываешь для себя что-то неизданное, кардинально новое.

— А как насчет журналистики, увидят ли наши читатели твои новые материалы, фотографии или ты со всем этим завязал?

— Думаю, мы еще встретимся на страницах "Молодого бульвара".

— И, как всегда, наша традиционная просьба. Пожелай, пожалуйста, что-нибудь начинающим хип-хоп исполнителям.

— Если честно, то сейчас мы сами себя ощущаем начинающими. И находясь на этом уровне, я могу сказать, что самое важное, наверное, найти свои пути в творчестве. Ни в коем случае нельзя идти протоптанными дорожками. Надо попытаться, несмотря на множество уже существующих тропинок, протоптать свою. И если вы действительно готовы к этому, то перед вами обязательно откроется широкая дорога и сияющие высоты. ■

Беседовала **Полина ТЕСЛЕР.**

Мчатся, мчатся с горки сани!..

Готов поспорить, что вряд ли вы назовёте вид спорта, для участия в котором спортсмен должен быть как минимум мастером спорта по пауэрлифтингу и при этом бежать стометровку не хуже чемпиона Европы. Ну что, сдаётесь? Это бобслей.

Скоростной спуск на специальных санях — бобе, по ледяному жёлобу. За умо-

помрачительную скорость этот вид спорта неофициально носит титул "Зимняя Формула-1", что вполне оправданно, так как средняя скорость боба выше 100 километров в час, а прямого участка в несколько десятков метров хватает этому болиду, чтобы набрать совсем уж запредельные 150 километров в час. Вылететь с трассы на та-

кой скорости практически не реально, все повороты и виражи профилированные, так что даже если вообще не рулить, ледовая дорога не даст покинуть свои пределы.

Точную дату возникновения бобслея затрудняются назвать даже специалисты, то ли швейцарцы в Альпах начали так развлекаться, то ли американцы в Кордильерах. Известно лишь, что произошло это в конце XIX века. А уже с 1924 года гонки по ледяному желобу входят в Олимпийскую программу. Женский бобслей в программе с 2002 года. Для нашей страны — это относительно молодой вид спорта, российская федерация бобслея возникла лишь в 1980 году, а в 1984 мы уже взяли первое золото.

Техническая сторона вопроса

Бобслей — спорт дорогой, хотя нет, он очень дорогой. А виной этому практически космические технологии, применяемые при изготовлении бобов. Сверхпрочные и

сверхлёгкие давно “прописались” в этом виде спорта. Для уменьшения коэффициента сопротивления воздуха сани продувают в аэродинамической трубе, или имитируют её при помощи компьютера. Коньки изготавливают из лучших сортов стали, ведь они должны сохранять заточку до конца дистанции. Причём коньки эти необычные: передняя пара — подруливающая, задняя — неподвижная, с тормозом. Единственные ограничения, которые имеет боб — габариты и вес. Для мужских двоек: длина — 2,7 м, ширина — 0,67 м, вес — 390 кг, для женских двоек — 350 кг; для мужских четвёрок: 3,8 м, 0,67 м и 630 кг соответственно. В том случае, если вес болида со спортсменами не дотягивает до максимального, разрешается использовать балласт.

Цена в 35 тысяч условно зелёных за самый простенький боб — дело вполне обычное. Ещё около тысячи надо отдать за шлем, а там ведь и спецкомбинезон имеется, да не простой, а сильно обтягивающий, скажу по секрету, его только на голое тело одевают. А

если ещё на соревнования ехать надо, например, на другой континент, то будьте любезны, ещё 15 тысяч уёв выложить. Так что позволить себе такое хобби могут только далеко не бедные люди, вот, например, принц Монако Альбер бобслеем очень увлекается...

С самой трассой тоже не всё так просто. По сути дела — это одна гигантская морозильная установка, призванная сохранять идеальное состояние льда вне зависимости от погодных условий. В принципе, трасса может начинать функционировать при "заборной" температуре около 10 градусов по Цельсию. Протяжённость трасс, количество поворотов, перепад высот — не являются величиной постоянной. Каждая ледовая дорога должна вписаться в рельеф местности, и уж он-то и определит количество и крутизну виражей. Существуют лишь минимальные требования: длина трассы не менее 1500 метров и перепад высот — не менее 100 (иначе боб не сможет поддерживать высокую скорость на протяжении всей дистанции).

Требования к физическим данным спортсменов — чуть ли не самые строгие.

Пилот боба должен присесть со штангой весом 250 килограмм, бежать 100 метров за 12 секунд. Силу рук проверяют хитрым тестом: ядро весом 7,5 кг надо сначала запустить на 20 метров вперёд, а потом послать его на те же 20 метров, но назад. Можете на даче проделать это упражнение хотя бы с кирпичом, готов поспорить, что дальше, чем метров на 10, вы его не отправите.

Вес спортсмена должен составлять 90-110 кило, а рост не превышать метр девяносто, иначе в кокпит просто не влезть. Так что вся жизнь бобслеистов — одна большая силовая тренировка, ведь чтобы дать бобу хорошую начальную скорость, его надо как следует разогнать, а для этого нужны недюжинные физические силы, а весит он более полутонны. Сегодня одна тысячная доля секунды (!) может лишить команду золота. Так что всё должно быть лучшим: и инвентарь, и спортсмены. Поэтому единственное, чего боятся бобслеисты — это травма, означающая автоматический вылет из сборной и долгие месяцы упорнейших тренировок, для того, чтобы вернуться.

Так, допустим, мы экипировались, а видом своим походим на товарища Шварцнеггера, теперь надо тренироваться на льду. И с этого момента начинается самое интересное.

Историческая миниатюра

Когда наша страна еще называлась Советским Союзом, весь наш саночный спорт по непонятным причинам концентрировался в Латвийской ССР. Там были и трасса, и базы, и мастерские по изготовлению инвентаря, словом, всё. Но, как известно, СССР канул в частливое прошлое, а вся инфраструктура для бобслея оказалась на территории независимого государства...

Лет пять был полный коллапс, потом ситуация пошла на поправку. Появились спонсоры (в том числе и правительство Иркутской области), появилась возможность закупать самое-самое необходимое, выезжать за рубеж и тренироваться там. Появились отечественные умельцы, способные строить бобы, существенно снижая при этом их цену. Так, сани для экипажа-двойки обойдутся всего в 70 тысяч, но уже рублей. Для международных соревнований они ещё не годятся, а для тренировок — в самый раз.

Однако собственной трассы как не было, так и нет. Правда, сегодня существует вполне жизненный проект создания в Москве ледовой дороги. Возвести её планируют к 2010 году на базе зимнего спортивного центра у метро "Нагорная". Строительство оценивается в 25 млн. долларов. Генеральным спонсором строительства выступает компания "Автолайн".

Ну что, уважаемые, ещё пяток лет поедим на маршрутках? Ведь оно вот как получается, как "Газели" безопаснее сделать, чтоб они не были жёлтыми колесницами смерти, так на это денег нет, а как трассы строить, так они есть. Но ведь в принципе, мы не в обиде? Главное, чтоб медали были!

Ведь мы же делаем ракеты. Перекрываем Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей... да простит меня автор сих строк.

Остаётся только добавить, что всего в мире на сегодняшний день насчитывается 14 саночных трасс мирового уровня, и все они окупаются за сравнительно небольшой промежуток времени. А у московской трассы будет ещё и весомое преимущество перед конкурентами, тренироваться на ней можно начать уже с конца сентября. Так что, думаю, "Автолайн" не прогадал с вложением средств. К тому же, наличие ледовой дороги — это необходимое и достаточное условие проведения чемпионатов мира и Европы. А как известно, это не только престиж, но и свободно конвертируемая валюта, которая никогда не бывает лишней. Так что предприятие это со всех сторон выгодное.

Будни

А что же спортсмены? Как они выступают без тренировочных трасс, мирясь с постоянной нехваткой инвентаря? Без вещей, при отсутствии которых не возможен сам факт существования спорта.

Что самое парадоксальное, наши спортсмены умудряются показывать достойные результаты, практически на равных борясь с многолетними лидерами — немцами Кристофом и Андре Ланге. А экипаж-четвёрка с капитаном Александром Зубковым во главе занимает лидирующие позиции в мировом рейтинге...

И ещё интересный факт, из двадцати четырёх наших сборников — 10 родом из Иркутска, в том числе и Александр Зубков... Воздух там, что ли, бобслейный, или вода какая-то особая?

Но почему-то хочется верить, что бобслей в нашей стране будет жить не только на морально-волевых качествах спортсменов и на магических свойствах иркутской водички и воздуха. Хочется, чтоб и трассы были, а то всем ещё памятна ситуация, когда наши конькобежцы за неимением отечественного льда (!) проводили чемпионаты России в Германии (!). Ну не маразм? В стране, где 9 месяцев зима... Но верю, что ситуация изменится в лучшую сторону, потому что хуже просто некуда. А прав я или не прав, покажет время.

Что любит валенсиец?

Евгения ГОРДИЕНКО

■ Понятия не имею, кто впервые приготовил сей дар богов. Думаю, что это народное творчество. Не скажу, что устное, скорее ручное. Даже добавлю, что испанское. Ну-ка, навскидку, какое самое известное испанское кушанье? Паэлья? А вот и неправильно! Правильно — паэа. Что поделаешь — так испанцы говорят. Но, чтобы вас не путать этим труднопроизносимым словом, остановимся на привычном для нас названии. А вот по поводу блюда вы не ошиблись. Она это, она — золотистая, ароматная, огромная паэлья, которую готовили в городах Вилларибо и Виллабаджо... Впрочем, готовят ее не только там, а по всей Испании. Но особенно знаменита валенсийская паэлья. Поведаю вам по секрету испанскую народную мудрость: "Сто испанцев расскажут сто рецептов паэльи, а сто валенсийцев — триста: свой, бабушкин и рецепт жены". Для испанцев валенсийская паэлья то же, что для украинца — борщ, а для узбека — плов, — это тип блюда, а не конкретный рецепт. Иногда испанцы говорят так: "Для паэльи вам понадобится рис, мясо, овощи, шафран, перец, мята, кусок тряпки и старый башмак". Потому что в паэлью чего только не добавляют. Разве что фруктов...

Помните, какого размера была паэлья в пресловутых Вилларибо и Виллабаджо? А масштаб сковородки, которую эти несчастные потом отмывали? Конечно, они поедали ее всей деревней, но паэлья всегда готовит-

ся большими порциями. Поэтому, если соберетесь ее сотворить — зовите гостей. Пусть попробуют и обзавидуются. Теперь о сковородке — она называется "паэльера". Готова поспорить, что у вас ее нет. Не отчаивайтесь, вполне подойдет старая чугунная сковородка, в которой ваша бабушка пекла блины... А если подобного антиквариата в вашем доме нет, то можно обойтись и современным тефлоновым чудом. Главное — толстое дношко!

Если вы были в Испании, то паэлью там пробовали наверняка. А куда б вы делись? Ей там угощают всех, правда, по большей части туристическим ее вариантом. То есть таким, где смешиваются мясо и рыба. Для себя испанцы так не готовят. Или мясо, или рыба с морепродуктами. Изначально-то паэлья, как и пицца, — еда бедняков, потому и кидали в нее все, что под руку подвернется.

Испанцы — несчастные люди. Они не знают, что бывает замороженная рыба! Утром рыбаки уходят в море, а вечером их улов появляется на вашей тарелке в ресторане. Не представляют они, как это — сначала отбивать молоточком замерзшие ледышки с рыбы, а потом чистить ее, вспоминая все идиоматические выражения русского языка.

Теперь, собственно, о рецепте. Сразу скажу, что даю немного упрощенный вариант — для настоящей паэльи в Москве продуктов не найти, да и нет у нас, к сожалению, моря рядом, чтобы использовать только что вылов-

ленную рыбку. Поскольку все сейчас просто помешаны на здоровом питании, приготовим-ка мы "морепродуктовый" вариант. Да и к Испании как-то ближе. Закроешь глаза — жаркое испанское солнце, синее Средиземное море... Эх...

Для начала надо взять полкило риса, промыть его и залить бульоном. Рыбным, конечно. И настоящим, наваристым! Умоляю вас, не оскверняйте паэлью бульонными кубиками! Бульона должно быть примерно в 1,5 раза больше, чем риса. Все это дело тушим в той самой чугунной сковородке, пока рис не разбухнет, то есть примерно 10-15 минут. Теперь возьмем банку консервированных мидий или кальмаров — в зависимости от того, что вы больше любите. Эй, не таскать мидии из рассола пальцами! Жидкость из банки постепенно подливайте в сковороду, где тушится рис. Пока рис готовится стать паэльей, берете 200 гр. филе окуня или хека (ну, в самом деле, не чистить же вам рыбу), режете его на маленькие кусочки и обжариваете. Затем смешиваете эти кусочки с рисом, который уже весь извелся от одиночества. Теперь — самое главное! Специи. Без шафрана паэлья — не паэлья. Именно он придает ей тот самый золотистый цвет. Еще, конечно, соль и перец. Остальное — по вашему желанию. Паэлья стерпит практически все! Это будет уже ваше блюдо, а не какого-то там валенсийца. Только не переборщите, а то вместо испанского блюда получите восточный

базар. Перемешиваете рис, рыбу, мидии из банки, которые вы, я надеюсь, еще не съели, а потом... Берете креветки. Много креветок. Много размороженных очищенных креветок. Ну, граммов триста. И вмешиваете, вмешиваете их в паэлью. Барабанный бой! Думаете, уже можно есть? Не-а, Терпите. Еще терпите. Теперь помешайте смесь на сковородке. Она начала чуть-чуть подгорать? Не сомневайтесь. А вы—таки будете смеяться — так и надо. Испанцы находят, что подгоревший рис в паэлье, эта корочка — и есть самое вкусное. Я солидарна с испанцами. И наш "но пасаран!" неподгоревшей паэльей! После того, как вы засыпали креветки, готовится блюдо должно еще минут 10, так что в общей сложности все займет у вас не больше часа.

Испанцы, конечно, считают, что настоящая паэлья должна быть приготовлена на открытом огне, на свежем воздухе, в "паэльере" на 100 человек... Не огорчайтесь! Ваша домашняя выйдет ничуть не хуже, особенно если вы дадите ей дожить до гостей. Хотя должна предупредить, что паэлью надо есть горячей. Поэтому можете привлечь всех желающих к ее приготовлению.

Если вы терпеть не можете рыбу, то сделайте паэлью с мясом или курицей, просто возьмите их столько же, сколько в рецепте указано на рыбу. Технология приготовления не меняется.

И, как сказал бы вам радушный испанец, буэн провэчо — приятного аппетита!

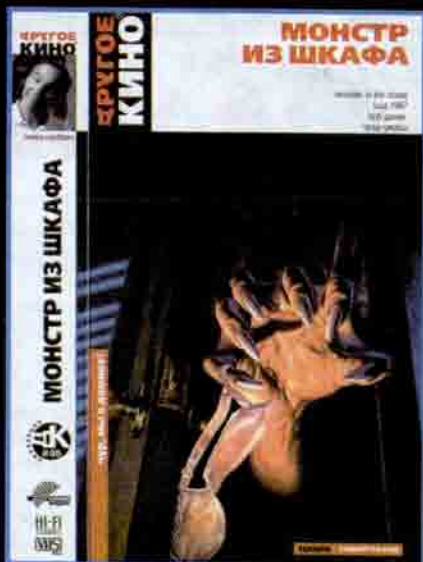
Мы уже представляли жанр скандально известной студии «Трома». Ее продукция отмечена штампом «зверской» нарочитости — на экране льются моря клюквенной крови, разлетаются оторванные конечности, маячат в кадре вспоротые животы. Все это оказывается, как ни странно, притягательным определенному слою молодежи — интеллектуалам, которым приелись голливудские блокбастеры и неизменные хэппи-энды многочисленных слезливых мелодрам. Таких поклонников арт-хаузного кино и в частности трэш-хоррора (молодежных ужастиков) с каждым годом становится все больше. Мы не можем игнорировать их вкусы, но каждый вправе выбирать сам. Сегодня вашему вниманию представляем фильмы классиков жанра — Ллойда Кауфмана и Боба Далина.

БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ ТЕРРОР трэш-ужасы

Режиссер ЛЛОЙД КАУФМАН
В ролях: УИЛЛ КИНАН, ЭЛИС ЛАТУРЕЛЬ,
ТРЕНТ ХААГА
США, 1999 г., 114 мин., ПУ № 221154804

Л. Кауфман делится проблемами съемок малобюджетного кино. ...Дружная компания студентов-кинематографистов решает самостоятельно сделать свой первый фильм. Их планам приходит конец, когда в дело вмешивается серийный маньяк-убийца...

МОНСТР ИЗ ШКАФА трэш-ужасы

Автор сценария и режиссер БОБ ДАЛИН
В ролях: ДОНАЛЬД ГРАНД, ДЕНИС ДЮБАРИ,
КЛОД ЭКИНС
США, 1987 г., 90 мин., ПУ № 221155104

И вновь, но уже другой серийный маньяк выходит на тропу войны. Теперь на карте жизнь всего человечества, а кровавый убийца еще больше неуловим. Монстр, облюбовавший стальные шкафы как укрытие, может оказаться в любом. И тогда его хозяину уже не вымолить пощады...

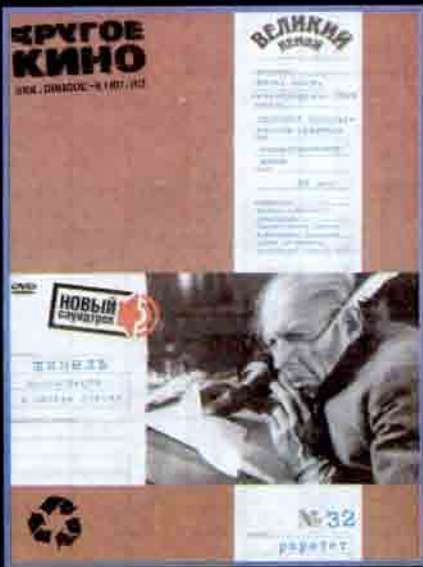
Сегодня, когда так стремительно возвращается интерес к старому, раритетному советскому кино, а молодежь интересуется не только историей кинематографа, но уже и неплохо разбирается в звездах прошлых лет, компания "Другое кино", специализирующаяся на выпуске киноандерграунда, предлагает DVD-коллекцию "Великий немой". На них обновленные и снабженные современными саундтреками картины прошлого получили возможность шагнуть в новую жизнь. Надеемся, что вам захочется ознакомиться и с другими фильмами, представленными в этой серии. Мы не будем долго представлять эти фильмы, тем более, что о них уже и так немало написано в энциклопедиях кино.

НОВЫЙ ВАВИЛОН драма

Авт. сц. и режиссеры: ГРИГОРИЙ КОЗИНЦЕВ, ЛЕОНИД ТРАУБЕРГ
 В ролях: СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ, ЯНИНА ЖЕЙМО, ЕЛЕНА КУЗЬМИНА, ВСЕВОЛОД ПУДОВКИН, ЛЮДМИЛА СЕМЕНОВА, ПЕТР СОБОЛЕВСКИЙ
 ФЭКС (СССР, "Совкино"), 1929 г., 75 мин.

В этом фильме, снятом под влиянием статьи С. Эйзенштейна об интеллектуальном монтаже — "Четвертое измерение", вы увидите учеников школы-студии "ФЭКС", тех, кто в дальнейшем составил славу Советскому кинематографу.

ШИНЕЛЬ киноповесть

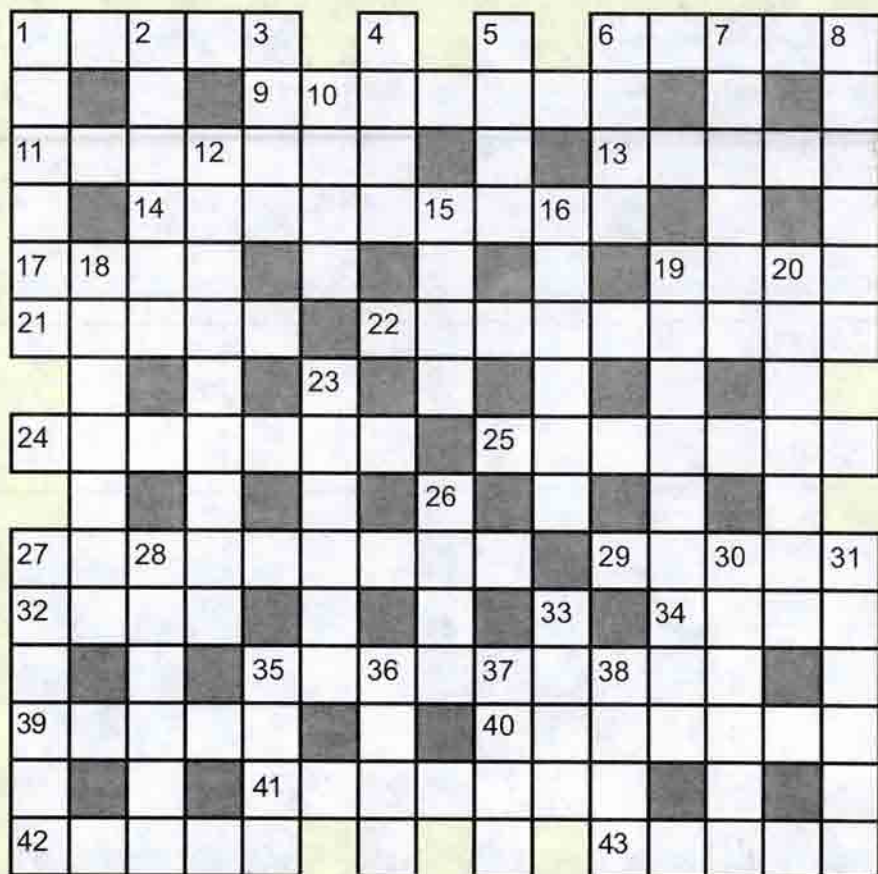
Автор сценария ЮРИЙ ТЫНЯНОВ
 Режиссеры: ГРИГОРИЙ КОЗИНЦЕВ, ЛЕОНИД ТРАУБЕРГ
 В ролях: СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ, АЛЕКСЕЙ КАПЛЕР, ЯНИНА ЖЕЙМО, ФЭКС (СССР, "Ленинградкино"), 1926 г., 65 мин.

Фильм стоит посмотреть только ради того, чтобы ознакомиться с мастерством оператора А. Москвина, работа которого признана одним из высших достижений немого кино.

Что уж говорить об остальных известных членах славной команды фильма!

Видеогид Наталья ТЕНДОРА

"Бульвар" — ВИДЕО

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Полюй стержень курительной трубки. 6. Английское графство, чей кот в Стране чудес подарил Алисе самую невероятную улыбку в мире. 9. Одно из старых названий тюрьмы на Руси. 11. Момент, поджидающий шахматиста, не быстрого разумом. 13. В кавказском стихотворении М. Лермонтова он "воет, дик и злобен". 14. Женщина с практическим, трезвым умом. 17. Предмет безрассудной и обычно страстной любви. 19. Обычное в советские времена название города в художественной литературе. 21. Житель центра немецкой оптической промышленности. 22. "Музыкальная крапивница" (В. Деполо). 24. Африканский ксилофон. 25. Человек с документом на право посещения бассейна, библиотеки, театра. 27. Не столь ядовитая лекарственная сестра аконита. 29. Река в северной части японского острова Хонсю. 32. Кихот — дон, Швейк — пан, Штирлиц — ... 34. Азиатская страна, превращенная американцами в очаг террора. 35. Предмет,

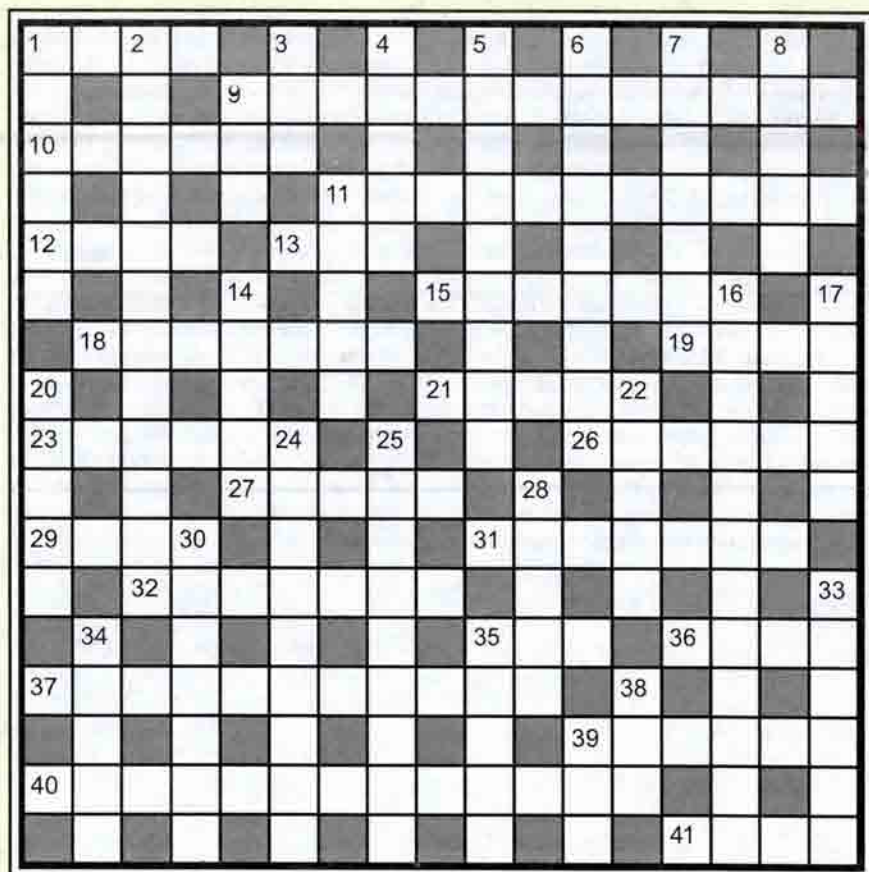
за который хватается висящий на волоске. 39. Судебное дело. 40. Воздушный извозчик. 41. Завитушка у буквы, цифры. 42. Способ заполучить в жены дочку несговорчивых родителей. 43. Лермонтовский Азамат после похищения коня.

По вертикали. 1. Грибоедовский герой, сквозняком врывающийся в затхлую атмосферу особняка Фамусова. 2. Английский поэт, который, по А. Пушкину, "в конце концов постиг, создал и описал единый характер (именно свой)". 3. Денежная единица Хорватии. 4. Тити- ... — народное название денег, заимствованное у блатяг. 5. Обманное движение ушами. 6. Общее название двух саклей в поэме М. Лермонтова "Мцыри". 7. Размер реки от берега до берега. 8. Стил, возникший из раковины. 10. Печная пыль, еще в 60-е годы XX века заменявшая в деревне шампунь. 12. Современный семейный затейник. 15. Туркмен, откопанный товарищем Суховым под белым солнцем пустыни. 16. Русский мореплаватель, трижды обогнувший Земной шар. 18. Плодотворный противовес мечтаниям. 19. Продолжение негодной политики нечестными средствами в России. 20. Основная несущая часть машины, механизма. 23. Плод, чей аромат у древних греков был предназначен для волос. 26. Часть суток, замечательная туманом и сединой. 27. Выrost-двигатель у живущих в воде мельчайших животных. 28. Рознь. 30. Громкоговоритель. 31. Сигаретная улика. 33. Фрукт, чья мякоть — чистый изумруд. 35. Местное название Якутии. 36. Имя сатирика Измайлова. 37. Повторение по отношению к учению. 38. Олицетворение победы в греческой мифологии. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 3. Галоп. 8. Глинка. 9. Травля. 11. Генри. 13. Трембита. 14. Цитадель. 15. ...трава. 18. Штаны. 21. Жижка. 22. Мартиника. 23. Озноб. 26. Запад. 29. Овин. 30. Сикоку. 31. Маляр. 33. Хиппи. 34. Джулио... 35. Удар. 36. Нетто. 40. Алиса. 43. Скульптор. 44. Филон. 45. Искра. 47. Бардо. 51. Хористка. 52. Медицина. 53. Денди. 54. Никель. 55. "Челкаш". 56. Якоби.

По вертикали. 1. Фламенко. 2. Индия. 3. Гагат. 4. Лунка. 5. Птица. 6. Шахта. 7. Блудница. 10. Протез. 12. Клюква. 16. Рота. 17. Венчик. 19. Завирушка. 20. Аккордеон. 23. ...обман. 24. Налет. 25. Бордо. 26. Зухра. 27. Пеппи. 28. Длина. 32. Фиалка. 37. Ефимок. 38. Тропинин. 39. Эпод. 41. Лисициан. 42. Сирень. 46. Отвес. 47. Бадья. 48. Ранчо. 49. Омичи. 50. Юдоль.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. "Единственный настоящий министр Наполеона"(Бальзак). 9. Образ, остающийся в душе после того, как самый предмет исчез"(Н. Федоров). 10. Не только странствующий исполнитель эпических поэм в Древней Греции, но и толкователь текстов Гомера. 11. Писатель, которого наряду с И. Тургеневым К. Леонтьев считал ниже себя. 12. Ни взять, ни погладить, ни на воз положить (загадка). 13. Предмет, эмблема на котором стала прообразом герба. 15. Животное, которое воспевал Марциал, и чью весьма странную гравюру сделал Дюрер с неверного рисунка. 18. "Ловкий"живец на жереха, судака и щуку. 19. Венгр, не сумевший снять с В. Крамника корону чемпиона мира. 21. Кладбищенское помещение, где в старину преступников замуровывали живыми. 23. Предок домашней овцы в Европе. 26. "Принципиальная беспринципность"(Л. Лагин). 27. Золотая монета, впервые чеканенная английским королем Эдуардом в 1344 году в память о морской побе-

де над французами. 29. Учреждение-ростовщик. 31. Девочка или девушка из немецких сказок. 32. Село в Нижегородской губернии, чей знаменитый стиль росписи посуды — блеск золота на красном и черном. 35. Все мужики деревни или села в старой России. 36. Овсянка, залетающая из Америки на остров Врангеля и на Чукотку. 37. Каждый из трех братьев под "шкурой" Козьмы Пруткова. 39. Васюки не из "12 стульев", а нынешние настоящие. 40. Тит Помпоний Аттик как распространитель литературных произведений. 41. Представитель основного народа в государстве со столицей Ханой.

По вертикали. 1. Верхняя одежда красавицы из Торжка в романе И. Лажечникова "Ледяной дом". 2. Высокопоставленный faraонский чиновник (IV династия), первый исторически известный библиотекарь. 3. Основная английская единица длины. 4. Человек с загогулинами в извилинах. 5. Возведение заново разрушенного или сгоревшего здания. 6. В "Жизни Василия Фивейского" Л. Андреева староста Иван Порфирыч говорит герою: "Поганец ты, ...". 7. Река в Приэльбрусье, в чьей долине порой "идут лавины одна за другой". 8. Глашатай князя в Древней Руси. 9. Индийский царь, противник Александра Македонского на русских лубках. 11. Стиль в музыке и молодежной моде. 14. Грек, о котором Ортега и Гассет сказал: "В отличие от игравшего в шахматы Капабланки, он играл в философию в гораздо более сильном смысле слова "играть". 16. "Святость дерзновения, а не святость послушания" (Н. Бердяев). 17. Выражение идеи, заключенной в материи. 20. Живая простота в луже. 22. Картинная галерея, "сиамский близнец" галереи Уффици. 24. Каждый из героев в горьковской пьесе "На дне". 25. Мать Александра Македонского. 28. Документальная память жизни. 30. Большой глиняный горшок, чье название перешло на колдобину. 33. Английский художник, чьи "анекдотические ребусы", по мнению Р. Сизерана, "приготовили путь психологическим ребусам Бёрн-Джонса". 34. Лес с преобладанием дубов, ольхи, осины. 35. Французский дирижер, с 1911 по 1917 годы руководивший оркестром Русского балета С. Дягилева. 38. Дерево с треугольным силуэтом. 39. "В бочонке, где клокочет Джон Ячменное Зерно" (Р. Бернс). ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 1. Жирши. 7. Щорс. 11. Юнгфрау. 12. Кипрей. 13. Прим. 14. Философия. 15. Лунь. 17. Вдох. 19. Дамон. 20. Ядро. 21. Злотый. 23. Вкус. 24. Молодица... 26. Браудо. 30. Куртаг. 33. Партизан. 34. Фиас... 35. Хиджра. 36. Айны. 37. Венет. 38. Гаял. 41. ...шерш. 42. Мечехвост. 44. Лунц. 45. Бертло. 46. Лейтман. 47. Кика. 48. Горох.

По вертикали. 2. "Испаньола". 3. Швец. 4. Энцимология. 5. Ефрон. 6. Намордник. 8. Обряд. 9. Сумах. 10. Скалозуб. 13. Пивовар. 16. ...чай. 18. Олуша. 19. Дылда. 22. Ковалевская. 25. Цумит. 27. Руина. 28. Упсалец. 29. Оранжерея. 31. Тожество. 32. Градшток. 35. Хеч. 38. ...голяк. 39. Ямник. 40. ...сваты. 43. Перо.

Антон Леонтьев

К двадцати шести годам Антон Леонтьев достиг достаточно многого: закончил филфак, защитил диссертацию, поступил в Ганноверский университет на отделение политологии и написал десять романов в жанре авантюрного детектива.

Романы Антона Леонтьева издательство "ЭКСМО" выпускает в серии "Игры богов". Популярный автор считает, что лучший вариант для названия серии выбрать было бы трудно. Наш корреспондент побеседовал с писателем о литературном творчестве, о жизни и о судьбе.

— Антон, вы пишете в жанре криминально-авантюрного романа. А сами способны на авантюрные поступки?

— Я скорее представляю собой весьма лабильный тип, который колеблется между стремлением к стабильности и размеренности и тягой к авантюризму.

— Но что-то общее у вас и ваших героев есть?

— Каждый автор пишет о том, что его волнует, что кажется ему важным и нужным, так что изучая психологию, поступки, пристрастия героя, мы узнаем многое и о его "создателе". Герои Антона Леонтьева — не исключение. Они точно так же получают в "подарок" то или иное качество автора.

— Сознательно ли вы соединяете в своих произведениях несколько жанров — детектив, приключения, историю, любовные интриги?

— Конечно, это обдуманый шаг. Мой роман — авантюра в сочетании с игрой судьбы — изначально не может быть одножанровым, как не может быть одножанровой сама жизнь. Авантюра — это и преступление (а, соответственно, и детектив), и невероятная, всепоглощающая любовь, переходящая зачастую в такую же всепоглощающую ненависть (вот вам и любовный роман), и экзотические декорации (а как же тут без приключений!).

— Ваши романы — чтение для развлечения?

— В том числе, но не только. Мне важно не только облечь сюжет в занимательную форму, провести читателя по диковинным странам, познакомить его с разнообразными судьбами, но и попытаться выяснить — почему? Почему произошло так, а не иначе? Кто определяет то, что нас ждет — мы сами, некая сила? Или это паззл, складываемый как самим человеком, так и подчас невероятными случайностями, которые при ближайшем рассмотрении оказываются закономерностями.

— Ну и к какому выводу вы пришли? Человек игрушка в руках Судьбы или хозяин своей жизни?

— Вся наша жизнь, как мне кажется, это сумма нескольких составляющих: во-первых, это наши личные качества, моральные установки, жизненное кредо, а во-вторых — те сюрпризы и крутые виражи, которые готовит нам судьба и противостоять которым не в наших бранных силах. И наконец, в-третьих, это наша способность здраво воспринимать все эти сюрпризы и использовать сложившиеся обстоятельства себе во благо. Судьба может прислать "подсказку" — но то, какой дорогой мы пойдем, зависит от нас.

— Ваши романы имеют счастливый конец. Это желание не разочаровывать читателя?

— Мои романы — это сказки для взрослых, а сказки, как известно, всегда завершаются торжеством добра и свадьбой красавицы с принцем. Законы жанра, так сказать. Однако открою секрет: я не фанат "хэппи-энда". Игры с судьбой в реальной жизни завершаются далеко не всегда благополучно. Мои романы завершаются позитивно — однако во многих случаях это столь любимая мной открытая концовка: вроде бы сейчас все и хорошо, но кто знает, что произойдет спустя некоторое время.

— Многие из ваших героев мечтают о красивой жизни, и часто мечта воплощается в реальность, хотя они, скажем так, не всегда проявляют высокие моральные качества для достижения своих целей. Какова ваша позиция в этом вопросе?

— *La dolce vita* — с момента создания Феллини одноименного фильма этот вопрос — а что же есть эта самая красивая жизнь? — практически никому не дает покоя! В том числе и героям моих книг. Многие из них стремятся к богатству, власти, наслаждениям. Но это вовсе не значит, что таково и мое жизненное кредо. Когда речь заходит о красивой жизни, на ум мне приходит испанская сентенция: "Ты можешь взять у жизни все, что угодно, но рано или поздно настанет час, когда за это придется платить".

